

Сергей Маркелов

Усену: Брат Тигров

Цикл «Усену». Книга вторая. Том 2

Сергей Маркелов

**Усену: Брат Тигров. Цикл
«Усену». Книга вторая. Том 2**

«Издательские решения»

Маркелов С.

Усену: Брат Тигров. Цикл «Усену». Книга вторая. Том 2 /
С. Маркелов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960560-3

Вернувшись в Родные Края, Усену и его друзья рады бы отдохнуть после долгих поисков. Но внезапная весть, что сестра, на поиски которой они отправлялись к Телецкому озеру, была здесь и оставила подсказку, лишает его покоя... Недолго думая, Усену, Риш и Хис отправляется в новое опасное путешествие, чтобы вновь обрести семью. На этот раз им предстоит не только преодолеть все тяготы пути, но и побороть свои страхи, которые с каждым днем обретают все новые силы и обличия...

ISBN 978-5-44-960560-3

© Маркелов С.
© Издательские решения

Содержание

Часть IV: Испытания. Брат тигров	7
I Не видно горизонта	7
II На краю пропасти	10
III Незнакомец	15
IV Хэн – мудрый и загадочный	19
V Новые причуды	27
VI Снова бросил	34
VII Прости и отпусти	39
VIII Родные пейзажи в чужом краю	46
IX Ревность	50
X Ненависть и Отчаяние	55
XI Унесу	59
XII Усеновы беседы	64
XIII Раны детства ноют и кровоточат	69
XIV Пути расходятся	78
XV Охотник на охотников	83
XVI Крик Души	88
XVII Усену, вздохни!	92
XVIII Наваждение Яхси	97
XIX Пин	100
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Усену: Брат Тигров Цикл «Усену». Книга вторая. Том 2

Сергей Маркелов

Редактор Ольга Петровна Маркелова

Дизайнер обложки Сергей Маркелов

© Сергей Маркелов, 2020

© Сергей Маркелов, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4496-0560-3 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-3649-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть IV
Испытания
Брат тигров

Часть IV: Испытания. Брат тигров

I Не видно горизонта

По бескрайним горным равнинам, плоскогорным плато, нередким холмам и низинам, то и дело сменяющих друг друга, без всякого порядка и очередности, гулял сильный порывистый северо-западный ветер, дующий с далеких морей и океана. С собой он принес столь резкий для этих земель снежный буран, что не было ему ни конца, ни края.

Вот уже на протяжении нескольких дней, снег не переставал идти. Только ночью на несколько часов он стихал, набираясь сил, чтобы утром снова идти с прежней силой, заметая все на своем пути. Даже поросшие густо хвойными породами деревьями холмы и плоскогорья, не могли служить безопасным прибежищем от буйства стихии. За короткое время тайга покрылась толстым слоем снега, а кустарники и вовсе исчезли в глубоких сугробах, сделав тем самым леса совершенно непроходимыми и опасными.

Не лучше обстояли дела в лесостепных равнинах. Где сугробы становились выше человеческого роста, и под действием ветра, то и дело меняющего свое направление, образовывались снежные барханы, наподобие тех, что бродят по песчаным пустыням. В такую погоду редко кто осмеливается бросить вызов разгулявшемуся снегопаду. По большей части обитатели этих земель прячутся в своих норах, где было сухо и тепло. Не знали они нужды и в пище, которую сообразительные зверьки заготовили заранее. И лишь каждую ночь им приходилось нелегко. Они расчищали проход из нор или убежища из-под снега наружу. Труд не из легких, и зачастую на это уходило все свободное время, вплоть до очередного утреннего снегопада. Получалось, что труд зверьков, напоминал сизифов, и они мало, что добивались этим, но все же не переставали отчаянно работать лапками, пытаясь, каждый день, пробиться наружу ради глотка свежего воздуха, возможности лицезреть небо и звезды, и конечно ради тех, кого они любили, о ком заботились, не жалея ни сил, ни времени, для воплощения своей цели и мечты.

Одержимые не меньшим стремлением, целями и мечтами, вытесненные из лесов из-за их непроходимости, в, казавшиеся бескрайними и совершенно одинаковыми, заснеженные холмы и низины, двигались пятеро друзей. Сплоченные, пережитыми вместе бедами, схожестью судеб, и такие разные, они выстроившись цепочкой, и шли вперед, чуть прижавшись к снегу, пряча глаза от встречного ветра и снега. Впереди шел, самый крупный из них, снежный барс, названный от рождения Усену, и на которого приходилась большая часть ярости стихии. Но, несмотря на капризы погоды, заставшей их в пути, на изнеможенность, голод и усталость, которые в одинаковой мере мучили барса, и следовавших за ним, он не желал остановиться. Было ли это желание, глупостью, прихотью или необходимостью? Нам не известно. Как и то, что это решение повлечет за собой, нам еще предстоит узнать.

Вслед за барсом следовали, его лучшие друзья – пара лисов, Риш и Хис, прижавшись, друг к другу. Согреваемые сердечной теплотой, им все же приходилось также тяжело и холодно, как и остальным. Риш знавший Усену с детства, и ставший ему другом, а затем и частью семьи, не раз, выручавший его, и на этот раз неотступно следовал за другом. Ну а Хис, храбрая и сообразительная лисичка, не раз выручавшая обоих друзей, как советом, так и делом, горячо и нежно любя Риша, наверное, уже и привыкла постоянно быть в движении, к сменяемым друг друга пейзажам и необычным местам, которых еще не видела, не сильно и противилась, новому путешествию, предпринятому Усеной, верно и стойко она следовала бок о бок с Ришем, вперед к неизведанному.

Замыкали цепочку красный волк, по имени Яхси, и енотовидная собака по имени Усс. Казалось бы, столь разные личности, Яхси и Усс, никогда не смогли бы найти общий язык.

Одного тянул вперед дух авантюризма, второго – надежда, первый относился ко всему с легкостью и юмором, второй – подолгу думал, прежде чем ответить и был разбит сердечным горем, которое только одна могла исцелить. Но надежда, которую ему дали друзья, приняв его, и пообещав ему помочь, заставила его очнуться и смело идти, на поиски своей надежды. Но несмотря на столь разные характеры, Яхси и Усс хорошо поладили, доказав не словами, а действиями, свою верность общему делу, храбростью в опасной ситуации, и то без чего не возможно доверие и дружба – взаимовыручкой.

Сами понимаете, что ни что не вечно, и даже самый закаленный человек, не смог бы выдержать в таких условиях долго. В условиях недостатка пищи, отдыха, плохой видимости, не дальше своего носа, не прекращающегося снега, сопровождающегося сильными порывами ветра, и не позволяющими полностью открыть глаза, истерзанный глухой болью, терзающей все тело, и не отпускающей вот уже несколько дней, усиливающейся коркой льда, которая покрыла большую часть меха, и теперь свисавшие как сосульки с крыш, Усену больше не мог держаться и терпеть, скрывая все это под ложной улыбкой и воодушевляющими словами. Не прошло и полдня с того момента как друзья тронулись в путь, после короткого ночного отдыха, как Усену, неожиданно для всех остановился и замер. Не успели его друзья опомниться, поднять глаза, и поинтересоваться в чем дело, как он покосился, и рухнул на снег боком. Его тут же окружили его друзья, и воочию увидели причину резкой слабости друга. Его недуг, который он получил за время путешествий, снова дал о себе знать, и на этот раз с новой силой. Переглянувшись, не скрывая страха в глазах, не проронив ни слова, все как один, кинулись за работу, результатом которого, меньше чем за пятнадцать минут, стало вырытое под снегом убежище, в которое незамедлительно был затащен Усену. После чего Яхси, завалил широкий проход снегом, оставив небольшую дыру для поступления свежего воздуха.

Очнувшись спустя после неопределенного времени, почти не чувствуя ни передних, ни задних лап, еле найдя силы открыть глаза, Усену первым делом огляделся одними глазами, не поднимая головы. Окружающая его обстановка сильно отличалась от той, что помнил барс в последние мгновения, перед тем, как рухнуть на снег без чувств. Удивительно, что он помнил этот момент, но почему он оказался здесь, оставалось для него загадкой.

– Где я? – спросил барс, подняв так сильно тянувшую к земле голову, и повернулся лицом в ту сторону, откуда доносился шепот его друзей.

– Что? – невольно вырвалось у Усену, после того, как все резко затихли, впив в него глаза, услышав, что он очнулся.

– Случилось... – закончил мысль Усену, спустя несколько секунд, которого молчание друзей немного испугало.

– Что случилось?! – не выдержал Яхси, наивного вопроса, – Ответ у тебя перед лапами, – закончил волк.

Усену опустил взгляд вниз, и увидел в том месте, где лежала его голова красно-алое пятно.

– Усену, хватит уже издеваться над собой, уже пять дней мы не видели ни человека, ни кого-то еще, – разгорячился Яхси, но его слова пролетали мимо ушей Усену, которого не на шутку обуял страх, не столько перед смертью, сколько перед тем, что он уже может не выполнить данное себе обещание, и его поиски резко оборвутся, так и не закончившись.

– Яхси, – тихо прервала волка Хис, – Усену, ты как?!

Усену вновь пропустил слова окружающих мимо ушей, и вдруг резко повернул голову туда, откуда его обуяло холодом.

– Уже вечер?! – спросил Усену, увидев сквозь небольшое отверстие, в вырытом друзьями убежище, лишь темноту, и ничего более.

– Уже почти ночь! – громко ответил Яхси, в надежде наконец-то быть услышанным.

– Усену, ты пролежал без движения полдня, – взяла слово Хис,.

– Ночь! – повторил барс, еле слышно.

– Ты всех нас очень напугал, – закончила лиса, впив в барса жалобный взгляд.

– Да-а, – протянул, тяжело вздохнув Усену, – Значит, сегодня нам уже не продолжить пути, – начал было барс, развернувшись к друзьям, но увидев их нервные, обеспокоенные выражения мордочек, осекся:

– Спасибо вам. Но со мной все в порядке!

– Что-то не очень верится! – чуть было не вспылил Яхси, но его остановил Усс, перебив его.

– Усену с этим не шутят!

– Усс прав, – вставила Хис, и хотела было что-то еще сказать, но Усену перебил ее.

– И что вы предлагаете?! Все бросить и вернуться назад?! Сразу отвечу – нет! – вспыллил Усену, чем немало сконфузил друзей, которые никак не ожидали такой реакции с его стороны.

– И раз уже ночь, и есть все равно нечего, тогда все ложимся спать, завтра рано вставать! – закончил Усену и демонстративно, развернувшись ко всем спиной, лег спать, свернувшись и прикрыв кончиком хвоста нос.

Первые десять секунд после этого воцарилась полная тишина, которую даже Яхси не нарушил. Волк, нахмурив брови, сделав недовольную мину, махнул на Усену лапой, и также демонстративно отвернувшись от него, лег. Риш и Хис хотели было подойти к Усену, и попытаться вразумить друга, но Усс жестом остановил их. Он подошел к ним, что-то шепнул им в уши, и также лег. Риш и Хис, раздражаемые чувством сомнения и обиды, печально бросив взгляд на Усену, тяжело вздохнули и легли.

Но не прошло и полминуты, как Яхси, не выдержав, и, повернувшись ко всем начал громко шептать.

– Вот вам и благодарность за спасение. Сам завел нас сюда, да еще и вину перекидывает на нас. Все строит из себя героя-одиночку, ну раз ему нравится быть одиноким так пусть им и станет. С собой не зову, но утром я ухожу! Если кто хочет, можете пойти со мной, – закончил волк, впив вопросительный взгляд в Риша, Хис и Усса. Они не приняли его слова всерьез, приписав их вспыльчивости Яхси. Не ответив ему ни словом, друзья бросили на него укоризненный взгляд.

– Ну как хотите, – бросил Яхси и буркнув себе под нос, отвернулся ото всех, и еще некоторое время бурчал, пока, наконец, не стих.

Риш, Хис и Усс, и так вымотавшиеся за день, почти сразу уснули, в надежде, что новый день принесет им облегчение и хоть какие-нибудь положительные перемены.

Только один из них, еще долго не мог уснуть. Это был Усену. Он никогда еще не чувствовал себя отвратительнее, чем сейчас. Угрызения совести перед друзьями, быстро сменились полным отчаянием, ощущением гнетущей безнадежности, и не покидающим его страхом – остаться одному, без семьи, без друзей, одним на всем белом свете.

II На краю пропасти

Проснувшись раньше всех, от сильного порыва ветра, после и так почти бессонной ночи, первое что бросилось Усену в глаза, был разломленный проход в убежище. Бросив быстрый взгляд на друзей, и не отыскав среди них одного, Усену кинулся наружу. Но оказавшись снаружи, ничего не смог увидеть, из-за шедшего густого снега, набравшего силу, после ночного передыха. Бросив взгляд на снег перед лапами, Усену не смог отыскать глазами даже следов волка. Повесив голову, Усену, вернулся в убежище, где уже все проснулись. Как и он, не отыскав Яхси, рядом, друзья обеспокоенно собирались на его поиски.

– Где Яхси? – встретила барса Хис.

– Он ушел! – загробным голосом ответил Усену, не поднимая головы.

Никто и не ожидал, что Яхси и вправду собирался сделать, то, о чем говорил, поэтому слова Усену заставили друзей впасть в оцепенение, из которого он поспешил их вывести:

– Он принял свое решение, – молвил барс, подняв голову, и стараясь никому не заглядывать в глаза.

– Идемте, рано или поздно, но снегопад должен кончиться, – закончил Усену, и встал у выхода, приглашая тем самым друзей идти с ним.

Первым, спустя несколько секунд, вышел из убежища Усс, проходя мимо Усену, смотрящий только вперед без выражения всякого негодования, помнящий о своей надежде, и готовый на все ради нее. Еще спустя несколько секунд вперед сделал шаг Риш, но тут же остановился, обернувшись на Хис, которая, поникнув головой, осталась стоять неподвижно.

– Хис, идем! – тихо, нежно молвил Риш, и, подойдя к ней, помог тронуться, прикоснувшись лапкой.

Проходя мимо Усену, Хис не подняла головы, не сводя глаз со своих лап. Она даже бровью не повела, когда Риш вдруг остановился, после того, как встретился глазами с барсом. Полный укора, не без доли понимания и сомнения, взор Риша поверг Усену в крайний стыд, и будь он человеком, он бы покраснел, как помидор. Но Риш увидел в глазах Усену не только стыд, но и страх перед грядущим. Под действием взора друга, Усену опустил глаза. Когда Риш и Хис снова пошли на выход, Усену снова их поднял, но было уже поздно, пара лисов уже была снаружи. Ничто не могло загладить его вину перед друзьями. Это он хорошо понимал, поэтому направился наружу, выбрав наугад направление, скомандовав неуверенным тоном.

– Пошли! – чуть опустив голову, направился намеченной дорогой.

С самой первой минуты, все без исключения, и даже сам Усену, поняли, что путь, выбранный их общим другом, барсом, ошибочен. Мысль о том, что он ведет в никуда, закрадывалась в головы друзей, не давая им покоя. А печаль о потере друга, так и грызла изнутри. Только их выдержка и сила воли, заставляли их держаться и не сломаться под действием нахлынувших невзгод.

Есть большая разница между обычным и гордым характером. То, что способен выдержать первый, лишь прогибаясь, под тяжестью навалившихся бед, не способен выдержать гордец, который просто переламывается. Разбитый и сломленный, потерявший всякую надежду, после столь неожиданного, и так предсказуемого поступка Яхси, лишившего Усену той единственной нити, которая связывала все события прошлого, и по которой Усену рассчитывал выбраться, в один миг была разорвана, и занесена белыми хлопьями снега.

Шмыгая носом и совершенно не стараясь унять идущие одна за другой горькие слезы, которые не успевая падать с лица, чуть подмораживались, слипая тем самым ресницы, делая еще более мутными горизонт. Коря себя в душе, ненавидя все в округе, и в большей мере самого себя, Усену, кусая губы, и глотая воздух на разрыв ртом, так как нос был совершенно забит, никогда не ощущал себя таким ничтожным, таким незначительным, никому не нужным,

что казалось даже его друзья, отвернулись от него. Конечно, в какой-то степени он это заслужил, и может именно эта немного ошибочная мысль, мешала Усену трезво взглянуть на сложившуюся ситуацию. Отбросить все лишнее, так мешающее ему простить себя, обернуться назад, и сказать друзьям, все, что так терзало его.

Находясь на краю своего внутреннего мира, Усену все же шел вперед. С каждым шагом он чувствовал холодную бездну, которая так и жаждала заполучить еще одно невинное существо не сумевшее справиться с тяготами жизни, уже приготовившая ему свое место в бездонной пропасти забыться.

Склонив голову к земле, не в силах держать ее, повесив на плечи, Усену устремил мутный взгляд вниз, прямо перед собой, и стал отсчитывать шаги, в надежде, что все вот-вот скоро кончится, и не надо больше будет ни бороться, ничего ощущать, ни о ком не думать и заботиться – наступит конец.

Но в тот самый момент, когда он был в шаге от края пропасти, и чувствовал холодное дыхание смерти, сковывающее все его нутро, позади него раздался звонкий голос Хис.

– Яхси! – крикнула она и за пару секунд была около Усену, который одернулся, и как бы очнулся ото сна, что чуть не сковал его веки, и не погрузил его навек в царство ночи.

– Хис?! – вопросительно окликнул ее Риш, подбежавший к ней, и первым делом взглянул на своего друга.

– Там впереди! – ответила Хис, подняв лапу и указав ею вперед.

– Тебе показалось Хис, там нет никого, – подбежал Усс.

Усену тем временем, ощутив быстрый взгляд Риша, сильно шмыгнув носом, и быстро активно вытер глаза от слез, небрежно и не до конца. После чего, как и все он впил не до конца протертые глаза туда, куда указывала Хис.

– Никого! – тихо проговорил Усс, после десяти секунд молчания.

– Нет! – возразила ему Хис, не отрывая глаз от горизонта, – Я точно кого-то видела!

Усс и Риш впили в Хис печальный взор, и, не желая больше ей перечить, тяжело вздохнули, решив, что Хис немного не в себе, после стольких переживаний, голода и холода. Не остался этот момент без внимания и Усену, который еще пуще прежнего разозлился на себя, и не выдержав печального взгляда Риша, который перевел его с Хис, на него, ища может в нем поддержки. Сжав пасть, он повернулся головой в сторону, прикрыв глаза, видеть страдания друзей он больше был не в силах. Хис, видя, что ей не верят, не успокаивалась.

– Я говорю, правду! Риш, Усс, я видела его, это был Яхси, – слово за словом отчеканивала Хис, нанося удар за ударом по итак расшатанной психике Усену, который, все больше скукоживался, склоняясь к снегу.

– Ях-си, Ях-си! – закричала Хис, и видя, что ответа нет, хотела кинуться вперед со словами:

– Я отыщу его, приведу сюда, и он поможет, обязательно! Ведь он не мог так поступить, только не он... – кричала Хис, которую после первых слов, остановили Риш и Усс.

Ришу пришлось даже опрокинуть Хис на бок, и придавить ее лапами. Но Хис и не собиралась сдаваться, и старалась изо всех сил высвободиться, не переставая кричать:

– Пустите, пустите! Он уйдет, уйдет! Это все вы, вы виноваты, не-е-еет! – не скрывая слез, кричала Хис.

– Нет, Хис, нет! – шептал Риш, которому пришлось усилить нажим, и, понимая, что все это выглядело со стороны глупо и безнадежно, раздираемый чувством отчаяния и горести, еле сдерживая слезы. Стараясь удержать свою любимую от глупости, Риш прекрасно понимал, что делает ей лишь хуже, и больше.

– Нет, нет, нет! Яхси, помоги! – вопила как одержимая Хис.

Риш рыдая над ней, сам того не замечая, все сильнее душил ее.

– Риш, нет, легче! – закричал Усс, видя, что Хис становится дышать все труднее.

– Не мешай, не пушу! – огрызнулся на это замечание Риш.

– Ты убьёшь ее, очнись! – воскликнул Усс, видя, что его слова не имеют никакого веса, он накинулся на лиса и свалил его на снег.

– Она моя, Усс, моя! – захрипел Риш, вскочил на лапы, и сверкнул глазами на Усса.

– Оставь ее! – угрожающе прорычал Усс, преградив собой Хис, которая хрипло что-то не переставала шептать.

– Никому не отдам! – закричал Риш, и с рывка накинулся на Усса.

Оба сцепились, сами не свои от гнева. Усену все это прекрасно слышал, и даже с закрытыми глазами представлял все происходящее. Картинка за картинкой сменялись в его голове услышанное им, но все же он надеялся, что все это не наяву, и лишь кажется ему, что это ночной кошмар, который вот-вот должен закончиться. Но он и не собирался кончаться и наоборот набирал обороты.

Риш и Усс совершенно обезумев в пылу схватки, пустили в ход все, что имели, нанося удары когтями, вцеплялись друг в друга зубами, отрывали друг у друга зубами клоки шерсти. Хис вскоре придя в себя, вскочив на лапы, с бешеным хохотом стала бегать вокруг дерущихся, подливая масло в огонь, словами:

– Слабаки, слабаки, не смогли удержать меня, ха-ха-ха!

Ее слова сделали свое дело. Отвлекаясь на нее, Риш на миг зазевался, чем и воспользовался Усс. Он опрокинул Риша на снег боком, и не на шутку вцепился ему в шею всеми зубами, сделав любое сопротивление лиса невозможным. Как это бывает, резкая физическая боль способна перебороть боль душевную, а особенно когда от первой никуда не деться, и она все нарастает и нарастает, затмевая все остальные чувства и в особенности смятение. Так и случилось с Ришем, прижатым к снегу всеми лапами Усса, чувствуя его хватку зубов на своем горле, его вдруг как громом ударило. Все стало яснее, чем прозрачная вода в озере.

– Усс, прекрати, это же я, – захрипел Риш, но Усс и не собирался останавливаться.

Сверкнув глазами, он вцепился в горло лису поудобнее, чтобы поскорее прекратить сопротивление со стороны, казавшемуся ему смертельно опасным врагом.

– Усену, – прохрипел Риш, видя, что уговоры не действуют на Усса, и его ему самостоятельно не остановить.

– Усену, прошу, помо-ги... – из последних сил прохрипел Риш, чувствуя, что воздуха не хватает и глаза от боли закрываются сами.

Первый раз, услышав свое имя, Усену, открыл глаза, не веря своим ушам, совершенно не думая, что еще кому-то он мог понадобиться в этой жизни. Но услышав голос друга, зовущего его во второй раз, он резко обернулся, и то, что он увидел, повергло его в ужас, с примесью боли и жалости.

А именно – Усса, с озверевшими глазами, вцепившегося в Риша, и совсем рядом пляшущую Хис, которая то и дело подпрыгивала, стараясь угнаться и вцепиться в свой хвост. Усену так бы и остался застывшим на месте, совершенно сбитым с толку, если бы в последующее мгновение не встретился взором с Ришем, молящим одними глазами о спасении.

В следующий же миг Усену прежде чем сам понял, что делает, кинулся к Ришу, и одним сильным ударом лапы тыльной стороной, скинул Усса с лиса, отшвырнув его на несколько метров от Риша. Усс пролетев в воздухе пару секунд, кубарем упал на снег, и описав несколько кругов вокруг своей оси, упал мордой в снег. Затем он резко вскочил на лапы, и нервно дыша, отыскал взглядом то место, где он пару секунд назад чуть не совершил непоправимое.

– Риш? – молвила Хис, которая после неожиданного броска барса, резко осеклась, и села на снег, сама не понимая, что только что вытворяла.

– Риш? – повторила она громче, и кинулась к лежащему без сознания лису.

– Риш, я не хотела, прости, прости, – обнимая и тряся, казавшееся безжизненным тело лиса, не переставала кричать Хис, а слезы горести и отчаяния, так и стекали с ее влажных глаз.

В мгновение ока осознав, что он натворил, к Ришу и Хис, кинулся Усс. Но видя, что Хис рыдает над лисом, остановился позади. Не добежав нескольких десятков сантиметров, он опустив голову:

– Прости меня Хис... Я не мог себя контролировать, – печальным тихим голосом полным раскаяния и сожаления прошептал Усс.

Его слова, произвели совершенно иное действие на Хис. Оставив лиса в покое, она, утерев нос, вдруг резко перевела взгляд на него. Отчего тот под действием ее горящих глаз, немного скукожился. Не успел Усс снова начать оправдываться, как на него взвинченной пружиной накинута Хис. От неожиданности Усс попятился назад, и упал на снег. Подняв взор наверх Усс увидел Хис, нависшую над ним, с поднятой лапой, готовой нанести удар.

– Я заслужил, – тихо молвил Усс, и подставил одну щеку.

Но Хис не смогла, и опустила лапу. Когда Усс поднялся на лапы, она опустила голову, подавшись горю.

Как и до этого Усену лишь слушал, не сводя глаз со своего друга Риша, не в силах и слова молвить, понимая, что все это из-за него, и ничего здесь уже не исправить. Как бы он не хотел вернуться, хотя бы на день назад, сделать это было невозможно. И лишь в полете мыслей, Усену раз за разом обыгрывал все произошедшее сегодня, все, на что он мог повлиять, но так ничего и не сделал. В глубине души он не переставал надеяться, что его друг вот-вот откроет глаза, произнесет его имя, и все сразу кончится, и все останется в прошлом. Но чуда не произошло. Риш по-прежнему оставался лежать без движения с сомкнутыми глазами, чуть ли не на лапах у Усену. Но то, что не смогли уловить и тем более услышать, ни Хис, ни Усс, почувствовал Усену, а именно теплое дуновение воздуха, исходившее из носа лиса. Он наклонился к лису, и чуть ли не в плотную приставил ухо к его мордочке.

– Дышит, – тихо еле слышно проговорил Усену.

– Дышит, – уже громче прокричал Усену, подняв морду на свой уровень, и кинул взгляд на Хис и Усса.

– Что?! — быстро проговорила Хис, и кинулась к Ришу, после чего прижала его мордочку к своей груди, и сама не своя от счастья, стала бормотать что-то ему на ухо, стараясь привести его в чувство, а слезы так и не переставали идти, но теперь они сменились с горести на радость.

– Он жив, жив?! – повторял Усену, успокаивая сам себя, ожидая услышать утвердительный ответ.

– Жив! – улыбнулась сквозь следы Хис, когда Риш еле открыл глаза, и быстро пробежав взглядом по своей любимой, не отпускающей его из своих лап, впился глазами в Усену, и еле шевеля губами, начал что-то хрипло шептать.

– Усену?! – вопросительно молвила Хис, переведя удивленный взгляд с Риша на барса после того, как услышала первую часть слов лиса.

Усену услышав свое имя, наклонился к Ришу, и только сейчас стал разбирать слова лиса.

– Усе-ну, Усе-ну, Усе-ну, больше не на-до... И спа-си-бо-о... – после столь не понятных слов, Риш затих.

Усену задрал голову, и увидел, как и Хис, что глаза у Риша снова сомкнулись. Всем стало ясно, что ему нужен отдых, чтобы отойти от схватки, набраться сил, и осмыслить смысл, вложенный лисом в слова, обращенные к барсу.

Хис аккуратно положила голову лиса на снег, и сама села рядом прикрыв его нос своим пушистым хвостом. Усену в очередной раз почувствовал всю тяжесть своей вины, и не нашел ничего лучше, чем просто еле слышно молвить, опустив взор на Риша:

– Простите...

– Усену, – вмешался внезапно Усс, который до этого молча стоял на месте, боясь спугнуть шанс на жизнь, принесенный Ришу из неведомых краев, северным ветром.

– Уж и не знаю, как вам сказать, но... – продолжал Усс, врезавшись между Хис и Усену, – Мы не одни!

Он указал лапой туда, где за несколько секунд до этого показалась чья-то фигура, скрытая снежной пеленой.

– Кто это? – прошептала Хис, прищурив глаза, но фигура казалось призрачной, то появлялась, то исчезала снова.

– Это явно не... – начал было Усену, но вспомнив события последних минут, осекся, и вместо продолжения речи, сделал несколько шагов вперед, в надежде разглядеть кто же это.

Но толи снег подул сильнее, толи фигура ускорила шаг, но Усену показалось, что она стала намного ближе. Стало ясно она направляется именно на них. Прищурившись как следует Усену вдруг резко изменился в лице. Его вдруг охватил неопиcуемый страх, перед тем, кто приближался к ним с большой скоростью, и явно с недобрыми намерениями.

– Бежим! – молвил испугано Усену, резко повернувшись к друзьям, которые, как и он, явно были напуганы.

В последующую секунду, друзья, осознав, что иного пути нет, одновременно бросили взгляд на лежащего на снегу Риша, который не то, что ходить, открыть глаза был не в силах. Мгновенно сообразив, что к чему, Усену кинулся к Ришу, схватил его аккуратно в зубы и оторвав его от земли, бросил уверенный взгляд на Усса и Хис, которые не заставили себя ждать, и тут же кинулись бежать со всех лап. Усену бросился вслед за ними, держась позади них, понимая, что сейчас темп должны задавать они, иначе ни как.

– Кто это? – кричала испуганно Хис, пытаясь выжать из себя все, на что была способна, одним глазом поглядывая через плечо на Усену и Риша, болтавшегося в его зубах.

– Не знаю! – отвечал ей на бегу Усс, то и дело, оборачиваясь назад, и каждый раз видя все ту же фигуру, неотстающую ни на шаг.

– Похож на разъяренного голодного медведя, которого разбудили раньше времени, – закончил Усс, и не в силах больше говорить, на бегу, направил остатки своих сил на то, чтобы поспеть за Хис.

III Незнакомец

Несмотря на день, хотя и пасмурный, и сильный снегопад, делавший его совершенно непроглядным, как при сумерках, друзья точно не могли точно определить, кто же так навязчиво их преследует. Что нельзя было сказать о фигуре, которая, несмотря на все старания Усена, Усса, Хис, оторваться, все время была у них на хвосте, и что казалось странным для друзей, не отдалялась, но и не приближалась. Это друзья, конечно, посчитали издевательством над ними, желанием преследователя вконец вымотать их, и лишь после напасть. Но друзья и не думали сдаваться, и раз им не удавалось оторваться от преследователя, они решили запутать его. Они стали бегать зигзагами, то и дело меняли свое направление, то разбегались по сторонам, держа друг друга на виду, то снова воссоединялись. Но и это не помогало.

Через пять минут друзья почувствовали, что усталость берет свое, и они начинают сдавать ежесекундно, теряя в темпе. Друзья глазами искали место, где бы они могли укрыться, но всюду, куда хватало взгляда, и позволяла непогода, лежала заснеженная равнина, а значит и таяла надежда на положительный исход бегства. В последующее мгновение произошло то, что заставило друзей резко остановиться, а именно от сильной тряски пришел в себя Риш.

– Усену, – лишь успел он громко сказать, как барс, не ожидав, что Риш очнется, на мгновение отвлекся, опустил взгляд на лиса, но в эту же секунду, обо что-то спотыкнулся передней лапой, и на скорости, покатился кубарем со снежного холма, появившегося так же неожиданно, как и то, об что споткнулся барс.

Почувствовав, что не может остановить падение, Усену разжал пасть, высвободив Риша. Тот вскочил на лапы, и после нескольких секунд кувыркания друга, кинулся к нему. Прежде, чем это заметили Хис и Усс, он оказался возле Усену, в конец, придя в себя, стараясь помочь подняться другу.

– Риш! – воскликнула Хис, обернувшись и увидев лиса, возле распростертого на снегу барса.

– Ты в порядке? – обеспокоенно бросилась к нему Хис.

– Я, да! – ответил он, не прекращая попыток поднять на лапы Усену.

– Скорее, Усену! – кинулся на помощь Ришу Усс, и совместными усилиями они подняли барса на лапы.

– Ты как? – спросил Риш, видя, что его друг топчется на месте, не сводя взгляда с правой задней лапы.

– Нормально, нормально, – сквозь зубы ответил Усену.

– Скорее медлить нельзя, – ответил на это Усс, и кинулся бежать, за ним Хис и Риш.

Усену стиснув зубы, последовал за ними, хромая на одну лапу. Но не успел барс пробежать и десяти метров, как боль в лапе стала нестерпимой, и он с каждым шагом стал терять скорость, пока и вовсе не остановился.

– Усену! – крикнул Риш, заметив, что барс отстал, и кинулся обратно к другу.

– Что такое Усену? – встревоженно молвила Хис, не бросив Риша, и бросившись, как и он назад.

– Лапа, – прохрипел в ответ Усену, держа ее на весу.

– Сломана? – молвил Усс, который, как и лисы, вернулся назад.

– Не знаю, очень ноет.

– Давай Усену, – крикнул Усс, увидев, что фигура же совсем близко, и сбавив темп, направляется к ним.

Риш и Хис облепили Усену с обеих сторон, стали чуть ли не на себе тащить его вперед. Но долго так продолжаться не могло. Друзья, и без того обессиленные, с каждой секундой стали клониться к земле, под весом барса. Не прошло и минуты, как Усену стало ясно, что их

усилия напрасны, и ни он, ни они не способны более уйти от преследователя. Обернувшись через левое плечо назад, Усену невольно перенес тяжесть тела на противоположный бок. Усс, не выдержал был придавлен барсом к снегу.

– Усену, – завопил Риш, – Вставай.

Усену повернулся на другой бок, высвободив из-под себя Усса, и попытался встать, но силы оставили его, лапы совершенно не слушались.

– Уходите, друзья, – молвил барс, повернувшись лицом к приближающейся фигуре, полусидя. – Я задержу его.

– Усену, ты знаешь наш ответ, – возразил на это Риш, ответив тем самым за всех.

– Помогите встать, – обведя всех взором, молвил Усену, поняв, что они приняли решение.

– Мы встретим его с поднятой головою, – воскликнул Усс, и, сделав одновременно со всеми усилие, чуть подтолкнув барса, поставили его на три лапы.

Риш, Хис, Усс и Усену, переглянулись молча, тем самым вложили во взгляд все то, что хотел сказать каждый, и затем впелись глазами в фигуру. Еще больше страха наводил на друзей тот факт, что фигура, хотя и была уже почти рядом, не дальше пяти метров, но разглядеть, кто это был, они не могли. Ее как будто окружал сумерек, и сама она походила больше на тень, силуэт, нежели на живое существо.

– Кто ты?! – не выдержал напряжения Усену, закричав, и сделал пару шагов вперед, желая оградить как мог своих друзей от возможного гнева незнакомца, и первым встать у него на пути. Его вопрос прозвучал громко и отчетливо, и явно был услышан фигурой, которая неспеша остановилась и замерла на месте.

– Что тебе надо?! – снова закричал Усену, так как поведение фигуры явно ввело друзей в ступор, который усиливался тем, что она стояла чуть выше них, а значит, одного его прыжка хватило бы, чтобы достичь их.

Выдержав небольшую паузу, фигура снова сдвинулась с места, и стала крайне медленно приближаться все ближе к друзьям, и как им показалось, соблюдала при этом некую осторожность, походившую больше на уловку охотника приближающегося к жертве.

– Мы не боимся тебя! – звонко прокричала Хис, как будто фигура находилась в сотнях метрах от них. – И встретим тебя единой стеной! – закончила лиса, и даже расхрабрившись, сравнялась с Усену. Тоже самое сделали Риш и Усс, в которых слова Хис разожгли огонек в сердцах.

Снова столь резкие слова, брошенные в сторону незнакомца, возымели свой результат. Фигура остановилась и даже повернулась боком, что друзья посчитали за его раздумье – нападать или нет.

Только сейчас представилась возможность увидеть силуэт того, кто преследовал их. Это был довольно здоровый и мощный зверь, куда больше Усену. Его здоровая голова с короткими ушами и глубокий изгиб спины, выдавал в нем кошачью породу. Кроме того друзьям показалось что-то знакомое в фигуре незнакомца: то как он держал голову, ее наклон, плавные движения, и явная сутулость плеч. Но не успели друзья все осмыслить, прокрутить в голове все догадки, кто это может быть, как со стороны спины незнакомца показалась еще чья-то фигура, явно несущаяся прямо на него, желая, как видно, застать его врасплох. Кто это был, друзья тоже не могли рассмотреть, но судя по его скорости приближения, это был зверь средних размеров с быстрыми лапами.

Не прошло и пятнадцати секунд, после появления второй фигуры, как она была в двух шагах от первой. Замерев на месте, друзья молча наблюдали за приближением фигуры. Но когда та с разбегу прыгнула на первую, Хис не выдержала и невольно дернулась вперед, и тут же резко осеклась. Толи незнакомец увидел этот невольный жест Хис, толи он услышал быстрые шаги позади себя, но прежде, чем вторая фигура настигла его, он резко уклонилась

с гибкостью кошки, и вторая фигура кубарем покатила по снегу, прямо к лапам друзей, которые резко ахнули от удивления и в один голос закричали:

– Яхси!

Волк быстро вскочил на лапы, и загородил собой друзей, грозно обратился к таинственной фигуре.

– Только через мой труп! – встав в оборонительную стойку, сказал волк.

– Яхси! – кинулась к нему Хис, и горячо обняла его лапу. – Ты вернулся!

– Я знал, что ты не мог так поступить! – вторил ей Риш, подбежал к лисе и волку.

– Рад видеть тебя снова, – вставил Усс, поравнявшись со всеми.

– Яхси?! – немного испуганно и стесненно, прошетпал Усену, который лишившись поддержки с двух сторон, сел на снег.

– Позже поговорим, – не меняя голоса, бросил через плечо Яхси, впив свой огненный взгляд на незнакомца.

Усену принял его слова за укор, и, потупив взгляд, опустил голову, из-под лобья наблюдая за незнакомцем.

Обстановка была накалена до предела, и хватило бы неловкого движения, шороха, чтобы огонь разгорелся с неудержимой силой, и поглотил всех.

Это прекрасно осознавал незнакомец, поэтому он нарушил тишину, и наконец-то заговорил.

– Я вовсе не желаю вам зла, – медленно с расстановкой, чуть приглушенным, немолодым, но и не старым голосом, сопроводив свои слова появлением себя из тени.

Увидев незнакомца, сделавшего несколько шагов к ним, друзья от удивления и смещения нервно переглянулись. Перед ними предстал не кто иной, как снежный барс, который уже не казался таким могучим и несокрушимым. Он был в зрелом возрасте, и по выражению его лица немного загадочному и задумчивому можно было понять, что он много повидал. Но ни тон его голоса, ни выражение его лица, вовсе не успокоили друзей, и даже наоборот, заставили их еще больше занервничать. Ведь для многих из них, это была третья, для кого-то вторая, встреча со снежным барсом, и что можно было ожидать от него, никто не смел предугадать.

– Не подходи! – грозно прохрипел Яхси, который даже и не пошевелил бровью, увидев своего врага в лицо.

– Я прошу простить меня, за мою назойливость, и за то, что напугал вас, – снова начал незнакомец, не смея приблизиться ближе.

– Никто здесь тебя не боится! Проваливай прочь! – сквозь зубы молвил Яхси, которого стал выводить из себя этот барс.

– Позвольте заглядить свою вину и помочь вам?! – молвил барс, и сделал еще один шаг, таким образом, сократил расстояние до друзей до двух метров.

– Мы сами справимся, – прорычал Яхси, и приготовился к атаке.

Видя, что его слова пролетают мимо ушей слушателей, и что они явно настроены агрессивно к нему, барс осекся, обвел всех задумчивым взглядом, остановив взгляд на Усену, который и так был немного не в своей тарелке, а тут еще пристальный взгляд незнакомца, отчего ему в конец стало не по себе. Усену немного скукожился, и не в силах сдержаться хрипло закашлял, да так громко, что привлек внимание Хис, Риша и Усса.

– Ваш друг болен, – молвил барс, увидевший, как и друзья возле Усену на снегу кровь, которую он сплюнул, отхаркнувшись.

– Тяжело болен!

Яхси отвернулся, переменился в лице, и снова впил в незнакомца агрессивный взгляд. Но было что-то в его глазах, что выдавало волка, и незнакомец продолжил:

– Я, правда хочу лишь помочь...

– Проваливай, – взвизгнул Яхси, не сдержав голос.

– Отказываясь от помощи, вы рискуете, – молвил барс, не предав словам Яхси особого значения, и даже сделал несколько шагов вперед.

Слова незнакомца ударили по самым больным струнам у каждого в сердце, которые и так ныли последние дни. Теперь уже Риш, Хис и Усс, смотрели на незнакомца не как на врага, а может, как и Усену, видели в нем последнюю надежду – лучик, появившийся у них на пути совсем неожиданно, и в то же время очень своевременно.

– В последний раз предупреждаю, уходи! – прорычал Яхси, теряя не только терпение, но и всяческий контроль над собой.

Незнакомец печально опустил глаза, поклонился смиренно друзьям, и неспеша, с явной неохотой развернулся к ним спиной и пошел прочь.

Яхси проводив незнакомца несколько секунд, обернулся к друзьям. Но ожидая встретить одобрение в их глазах, он встретил печальные глаза Риша и Хис, которые не отходили от Усену, и сочувственно положили на него по одной передней лапе. А также укоризненный взгляд Усса, обращенный к нему и Усену – пустой и мутный, совершенно лишенный всякого огонька, взгляд того, кто осознал, что ему осталось считанные дни до своего конца.

Глаза Усену были направлены в снег, перед собой. Он боялся поднять их на Риша и Хис, не желая не напугать их, на Усса, который к его сожалению ни чем не мог здесь помочь, и на Яхси, перед которым и так сильно провинился, чтобы просить у него о снисхождении.

За одно мгновение страх, ненависть и боевой пыл, исчезли с лица Яхси. Они были вытеснены ужасной щемящей сердце болью, уколовшей его как иголкой. Не в силах больше видеть горе своих друзей, Яхси сильно зажмурил глаза и отвернул голову в сторону. Впервые за все путешествие, он испытал такую боль, что даже не мог сдержать слезу, быстро навернувшуюся в уголках глаз, и тут же скатившуюся вниз, упав на снег. Ему пришлось утереть глаза лапой, и открыть их, чтобы ветер обдул их и скрыл проявление мягкости.

Не успел он закончить начатое, как ему в глаза бросилась фигура незнакомца, уходящего прочь. Не долго, думая, Яхси сорвался с места, ему вдогонку, чем немало удивил всех друзей, пристально вглядывающихся, что же будет дальше. Только один Усену, догадывался, да что там, можно сказать – знал или, по крайней мере, надеялся, что Яхси делает это ради него, нет – ради них всех. С мокрыми от слез глазами, дрожа всем телом Усену не сводил глаз с Яхси, и, как и все друзья, стал свидетелем их с незнакомцем короткого диалога, в конце которого, оба повернули головы в сторону друзей. Сомнений быть не могло, Яхси принял, нет – попросил помощи у незнакомца, и получив утвердительный кивок, быстро вернулся к друзьям.

– Он нам поможет! – быстро проговорил Яхси, вернувшись к друзьям, и не приняв заслуженные взгляды одобрения друзей, кинулся к Усену.

– Давай Усену вставай. Он покажет нам найти спокойное, безопасное место, – молвил он, помогая Усену подняться на лапы, подперев его своей спиной и боком.

Не без помощи Риша и Хис, им вместе удалось поставить Усену на лапы, хотя и три, но начало было положено, а это самое главное.

IV Хэн – мудрый и загадочный

Незнакомец повел друзей за собой, и как им сразу показалось, шли они тем же путем, что и пришли. Но сомнения отпали сами по себе, им было вовсе не до них. Стиснув зубы, крепясь как можно, делая шаг за шагом, преодолевая усталость, холод и голод, друзья неуклонно последовали за барсом, который видя, как им тяжело приходится, не поднимал темпа, шел лапа в лапу с ними, держась от них на некотором расстоянии, то и дело, бросая задумчивый взгляд через плечо. Сомнения отпали, и друзья, можно сказать, покорились судьбе, думая каждый про себя, что хуже уже быть не может. Хотя может – но эти мысли они старались всячески гнать от себя.

Не проронив ни слова с того момента как они тронулись за незнакомцем, не отрывая взгляда от впереди идущего, на них было больно взглянуть. Как тени они неотступно тянулись за своим владельцем, за тем, кому они доверились, и пусть хоть не по доброй воле, а больше по нужде, но все же они надеялись на него, молясь каждый про себя в мыслях, на положительный исход. Но чем дальше и дольше шли друзья, тем сильнее угасал в их умах последний бастион надежды, и тем невыносимее и тягостнее становился их путь. Друзья прекрасно понимали, что достаточно одному из них остановиться и сдастся, как это неминуемо приведет к гибели как его самого, так и остальных.

Так шли друзья, за незнакомцем, на протяжении часа, по крайней мере им так показалось, ведь в подобных ситуациях время движется крайне медленно. Это ощущение усиливалось еще и тем, что друзей окутал сплошной сумрак, снежная пелена, за которой не было возможности проникнуть взглядом, что еще больше ухудшало, и без того плохое положение путников.

Но их бедам, рано или поздно было суждено кончиться. Именно это и произошло, когда незнакомец резко остановился, чуть задрав голову кверху, и впил задумчивый взор в по-прежнему остающуюся непроглядную снежную мглу. Друзьям в первые секунды, после его остановки, показалось, что незнакомец выбирает, куда идти дальше. Но с каждым сделанным шагом по направлению к нему, снежная мгла рассеивалась, и все яснее вырисовывались контуры невысокого горного хребта. Удивлению друзей не было конца, ведь заметить эти горы с расстояния десяти шагов было невозможно, но все же они их не увидели. Только незнакомец узрел их издалека, и как подумали путники, наверное, он знал эти места, и с самого начала знал куда идти.

Не придав этому моменту особого значения, друзья теперь с охотой последовали за барсом, который повел их наверх. На благо друзей горы, или точнее гористый холм, был не слишком крутым, и восхождение на него, не было ни тяжелее, ни легче пути по снежной равнине. Что сразу бросилось путникам в глаза, это полное отсутствие всякой растительности на склонах этих безжизненных валунов. Иначе их ни как не назовешь, ибо походили они на груды хаотично нагроможденных камней, с острыми краями, и небольшими расщелинами, в которых при такой видимости легко было угодить, и которые так ловко миновал их поводырь, как будто заранее знавший, где их подстерегает опасность, своевременно уведивший их в сторону от них.

Только сейчас, когда напряжение и страх перед грядущим немного спали, и друзья почувствовали под лапами твердую землю, и больше не сомневались, что дойдут до убежища, их мысли немного раскрепостились, и полетели в полет задумчивости и раздумий. Может потому, что они крайне нуждались в чуде, все в округе им стало казаться невероятным и несбывшимся. Особенно невероятным чудом им показался незнакомец, их невероятная удача, результатом которой явились неожиданное появление Якси, его предложение о помощи как раз в тот самый момент, когда она была необходима, как воздух. Этот невероятный холм, появившийся из неоткуда, как будто неприродного происхождения, и вообще само поведение барса, задумчивый взгляд, мягкий голос. Но друзья так долго страдали, и подвергались всяким бедам, что

и забыли о простой доброте и взаимовыручке, свойственной некоторым. Может, поэтому поведение незнакомца казалось им необъяснимым, а само его появление, они не смогли назвать по-другому как чудом.

И вправду в мире, где царствует страх, ненависть, ложь, жадность, такие качества, как доброта, щедрость, взаимовыручка и любовь, становятся столь редкими, что их владельцев иначе как чудом и не назовешь.

Но как бы там не было, но спустя минут пятнадцать восхождения на холм, достигнув широкого выступа, незнакомец остановился и повернулся к путникам, приглашая их подойти ближе. Как только друзья вскарабкались на выступ, сделав последнее усилие над собой, их взору предстала невысокая расщелина в скале, больше походившая на лаз меж двух огромных камней. Видя, что путников немного напугало столь темное и узкое убежище, незнакомец молвил, не сводя глаз со свода:

– Внутри куда более уютнее и светлее.

И чтобы показать, что здесь нет опасности, первым направился к входу. Достигнув его, он обернулся на друзей. Те, немного помявшись, тронулись вслед за ним. Через мгновение незнакомец исчез во тьме, и уже оттуда донесся его голос:

– Ступайте за мной, держитесь моего голоса.

Риш, Хис и Усс, переглянувшись, смело вступили в темноту. Последними вошли Яхси и Усену. Барсу этот узкий вход в скалах, больно напоминал о прошлом, о своем родном доме, с места, где все началось. Но не решившись выказывать свой страх вслух, Усену пришлось вступить в темный вход, особенно после того, как его подтолкнул туда Яхси. Наступила сплошная темнота, и даже зоркие глаза друзей еле различали силуэты идущих впереди. Только голос незнакомца был поводырем друзей в столь темном проходе. С каждым шагом внутрь, снежная выюга становилась все тише, и только голос впереди идущего не затихал:

– Вперед... Сюда... Еще немного...

Только друзьям проход стал казаться слишком длинным и долгим, как впереди они увидели свет, отчего он исходил, они не знали. Но сделав несколько шагов вперед, проход резко оборвался. Друзьям предстала пещера с высокими сводами, со сквозными дырами на потолке, отчего здесь и было светло, как на улице. А под дырами, имевшие различные формы, которых друзья насчитали пять, в разных уголках пещеры, были навалены большие сугробы снега. Снова чудеса не кончились – охватив всю пещеру взором, друзья просто ахнули, ведь она была очень большой, и, находясь на одном ее краю, они не могли увидеть противоположного. Что еще более, повергло их в ступор, было то, что они никогда не видели ничего подобного, да еще и чтобы в подобном месте мог жить один барс, что вообще не укладывалось у них в головах. Но незнакомец не дал им слишком долго ломать головы над всем этим, и позвал их за собой. Вертя головами по сторонам, друзья последовали за голосом.

Не успели они все осмотреть, как он остановился, молвил:

– Пришли.

Прежде чем в него впили вопросительные взоры друзья, он резко, в два прыжка запрыгнул на небольшой выступ в стене, на котором поудобнее устроился, лег и свесил переднюю лапу вниз, впив глаза в одну из дыр, сквозь которую виднелось небо.

Друзья, решив не тревожить его, быстро нашли каждый для себя место. Кто поменьше уместился ближе к стене, а Усену и Яхси подальше от нее, но ближе к друзьям. Еще минут десять они осматривали пещеру. Ее необычное строение, дыры в потолке, через которые падал снег, и виднелся клонившийся к вечеру небосвод, ее пол и стены, которые были на удивление гладкими и имели некий коричневато-красный оттенок, переходящий в серый. Все эти чудеса заставили друзей на время забыть о том положении, в котором все оказались, о боли, и болезнях, терзающих их. Как о том, что они находятся в гостях у незнакомца, который как гостеприимный хозяин, не мешал им лицезреть его убежище, и казалось и сам был заворочен окру-

жающим. А особенно тем, какими полными удивления и восторга глазами, смотрели на все окружение друзья. То, что было привычно и не вызывало у него ни каких других чувств, кроме уныния и привычности, вызывало у друзей крайнее любопытство и интерес.

– Ну как вам пещера? – нарушил молчание незнакомец, спустя несколько минут, когда увидел, что друзья все осмотрели, и жаждали засыпать его вопросами, но не решались, не зная, как он отреагирует на их расспросы.

– Неповторимо! – протяжно молвила Хис.

– Красота! – вторил ей Риш.

– Ничего подобного не видел! – подхватил Усс.

– Ничего хоромы, но пещера моей стаи куда уютнее, – скептически бросил Яхси, который хотя и убедился, что незнакомец сдержал слово, все же не перестал после этого относиться к нему с опаской и недоверием.

– Страх, как чудесная, – прошептал тихо Усену, последним, и сам осекся, не понимая, зачем он вставил первое слово, чем незамедлительно навлек на себя взгляд незнакомца.

– И в правду – чудо, – начал барс, переведя взгляд с Усену на дыру в потолке.

– Созданное руками человека для своей защиты... Здесь некогда была пограничная застава, оберегающая близлежащие поселения людей, от себе подобных... То, что вы видите, это все, что осталось от их крепости...

Хис открыла, было, рот, чтобы задать вопрос, но барс опередил ее.

– Война – безжалостная и бесконечная игра, в которую никак не наиграются люди. Она разрушила все, что так долго ими создавалось и созерцалось, развеяв все по ветру, как огромный костер. Война поглотила всех людей, а вместе с ними и все хорошее что они создали, оставив после себя лишь обугленные головешки, на которых и поныне ничего не растет, – закончил резко незнакомец, которому явно не доставляло удовольствия рассказывать все это.

Слова незнакомца внесли еще больше тайн в окружающую друзей пещеру, как и в самого незнакомца. Откуда он все это знает? Почему так печально рассказывает обо всем этом? Ведь как подумали друзья, он просто пересказал услышанное от других.

Но, тем не менее, барс решил резко поменять тему разговора.

– Прошлое – в прошлом... Его не вернуть, и не поменять... А вот настоящее...

Незнакомец призадумался:

– Я забыл представиться – меня зовут Хэн.

Ожидая ответа, он обвел всех взором, но друзей его рассказ поверг в новые размышления.

– А вас?! – повтори он, прибавив тон, чем е вывел друзей из забытья и оцепенения.

– Уссури, можно просто Усс.

– Хм, – молвил на это Хэн.

– Хис!

– Риш!

Один за другим ответили лисы, и по взаимным взглядам Хэн все понял, и уголок его рта украсила улыбка.

– Для друзей Яхси, для тебя – Яхсиус, – пробормотал волк, впив в барса испытывающий взгляд.

– Яхсиус! – повторил Хэн, даже и бровью не пошевелив от его взора.

– Просто Усену, – последним ответил барс, и снова смутившись взора Хэна, опустил глаза.

– Усену, подними глаза, – обратился к нему Хэн, слова которого показали, что Усену принижает сам себя в своих же глазах.

– Всем вам не зачем меня бояться, или стесняться. Я обещал вам помочь и помогу.

– Вообще-то уговор был таков, что ты отведешь нас в безопасное место, где мы передохнем ночь, и снова продолжим путь. Сами! – возмущенно молвил волк.

– А также я обещал помочь!

– Уже помог, спасибо! – раздраженно молвил Яхси, которого навязчивость Хэна стала раздражать.

На что Хэн, ничего не ответив Яхси, прыгнул со своего выступа, и храня молчание медленно направился в глубь своей пещеры.

– Хэн, стой! – оживился Усену, и даже поднялся на три лапы.

– Извини, мы обязаны тебе жизнью... Ты спас нас от самих нас, спасибо!

– Всегда пожалуйста, – ответил, не оборачиваясь Хэн, но все равно не остановился.

Спустя пол минуты, за которые друзья с грустными глазами наблюдали за ним с открытыми ртами, желая что-то сказать, но так и не решившись, Хэн исчез в темноте выступа.

– Ушел! – печально прошептал Усену.

– Скатертью ему дорожка, сами справимся, – возразил Яхси.

– Яхси! – хором произнесли друзья, впив в него укоризненный взгляд.

– Что?! – делая вид, что не понимает что к чему, развел плечами волк.

– Ты его обидел! – молвил Усс.

– Вот еще! – пшикнул Яхси.

– Если бы не он, мы бы давно поумерли там! – взвился Риш.

– Яхси, прояви хоть каплю совести. Да, мы его не знаем, но он единственный кто помог нам, и он не кажется плохим, – подхватила Хис.

– Помог и хватит, дальше сами справимся!

– Сами?! – не выдержал Усену, который почти отошел от всего происходящего, и которого слова Яхси, разожгли еще больше.

– И это говоришь ты после того, как бросил нас?!

– Я?!

– Да, ты?!

– Я не бросал! Просто ушел, а когда вернулся, вас уже не было.

– А-а-а, значит, это мы виноваты, что не подождали?!

– Не все вы! А только ты! Своей дуростью, ты вывел меня из себя, – перешел на повышенный тон Яхси.

Оба стали приближаться, пожирая друг друга глазами.

– Чем?

– Своей напыщенностью!

– Я хоть не бросаю друзей в час опасности, как некоторые – трус!

– А я не довожу своих друзей до того, чтобы они сами убежали от меня, – перешел на крик Яхси.

– Ну же Риш, Хис, Усс, чего же вы молчите?! Скажите все, что думаете о нашем несравненном Усену.

Воцарилось молчание, которое боялись нарушить Риш, Хис и Усс, застывшие на месте, боясь спровоцировать драку между друзьями, которые находились на грани.

Но взорваться обоим помешал голос из темноты:

– Вы, наверное, ничего не ели уже несколько дней?! – молвил Хэн, появившись из темноты в самый последний момент, держа во рту множество всякой мелкой добычи.

– Не стойте, как истуканы, поешьте, – молвил барс, положив добычу перед собой, рядом со стоящими неподалеку Усену и Яхси.

– Усену, Яхсиус, – молвил Хэн, видя, что ни кто не сдвинулся с места, ожидая пока их друзья, не перестанут ссориться.

– Оставьте свои склоки до поры, и поешьте.

Слова Хэна заставили Усену оторваться от глаз Яхси, и, приняв их за укор, он подошел к куче добычи, взял в зубы первого попавшегося зверька, и чуть поклонившись, пошел в свой угол.

Съедаемые голодом, недолго терпели и Риш с Хис, которые быстро кинулись к еде, за ними поспешил Усс. И только Яхси, бросив недовольный взгляд на предлагаемую Хэном добычу, демонстративно отвернулся и пошел прочь. Хэн не придав этому особого значения занял свое место на выступе, и решив не мешать путникам утолять голод, впил свой взор в небо.

Не смотрел в их сторону и Яхси, надувшись, как хомяк на крупу, он лишь изредка махал лапами, когда один из друзей смачно чавкал, не удержавшись. Хотя Хэн и принес много еды, но она таяла прямо на глазах, и если бы дело шло теми же темпами, ничего бы Яхси и не осталось. Но Усену, видя, что Яхси еще не ел ни крошки, и как никогда чувствуя вину за собой перед ним, не только за недавнее поведение, но и за прежнее. Усену вдруг вспомнил все его споры с волком, и то, что Яхси всегда первым шел на мировую. Поэтому тяжело вздохнув, он встал на три лапы, подошел к остаткам добычи, и взяв их разом в пасть заковылял в сторону Яхси, который все это видел боковым зрением, но не хотел и вида подавать. Он оставался безучастным и после того, как Усену аккуратно положил еду прямо перед ним.

Подождав полминуты, и поняв, что его присутствие лишь ухудшает понимание, барс направился на свое место, но не дойдя до него был остановлен словами Хэна:

– Твоя лапа, что с ней?!

Усену вопросительно взглянул на заднюю лапу, и попытался поставить ее на твердую землю, но резкая боль на мгновение перекосила его лицо, и он снова поднял ее.

– Он повредил ее, когда мы спасались бегством от... – начала Хис, но последнее слово не давалось ей, и Хэн сам закончил.

– От меня.

– Да, – тихо буркнул Яхси, поглядывая одним глазом на добычу.

– Да-а, – протянул Хэн, чуть приподнявшись, и вытянувшись всем телом, – Нехорошо вышло. Дай-ка я посмотрю, – закончил он, и за один прыжок оказался возле Усену.

– Ладно! – молвил Усену.

Он решительно взглянул на Риша и Хис, и чуть присел, вытянув больную лапу. Но вопреки ожиданиям друзей, Хэн не сразу кинулся к больной лапе, а не спеша стал разглядывать Усену, обходя его полукругом.

– Вижу и вас, не обошла стороной человеческая рука, – задумчиво молвил он, каждый раз задерживая взгляд на том или ином шраме или отметине, на теле Усену.

– Да-а, вы прошли огонь и воду, и все это время вам удавалось справиться со всеми бедами, – продолжал Хэн, совсем другим голосом, более мудрым и осмысленным и как заметил Усену, даже его взгляд и выражение лица стало куда более серьезным, и загадочным.

Его брови нахмуривались всякий раз, когда он замечал все новые и новые шрамы. Складывалось такое ощущение, что им не было конца, и которые друзья уже привыкли лицезреть друг на друге, и не придавали особого значения. И лишь когда им было грустно, они принимались вспоминать по ним прошлое. Для них их шрамы были летописью жизни, а для Хэна они стали картой, по которой он читал нелегкий их путь, приведший друзей сюда, по неизвестным ему еще причинам.

– Наверное потому, – молвила Хис, – Что мы всегда следовали словам одного мудрого манула, – перебила она Хэна, на что тот с пониманием перевел взгляд на нее.

– Что бы ни случилось – всегда быть вместе! – закончила Хис, смело смотря прямо в глаза Хэна.

– И вправду – ваш учитель мудрый, – снова уставившись в шрамы Усену, ответил он.

– Но даже оставаясь вместе, вы не всегда сможете справляться сами, – начал Хэн, добравшись наконец до больной лапы.

– Порой даже самым смелым, сильным и бесстрашным, не обойтись без помощи, – продолжил он, аккуратно положив свою переднюю лапу на заднюю лапу Усену.

– Она не сломана, – проговорил он тише, обращаясь к Усену, – Порой перед нами встают такие преграды, к которым мы ни как не подготовлены, – снова продолжал барс, и тут же вставил, – Вывих.

Его диагноз немного успокоил друзей, но способ его определения всего одним касанием, немного обескуражил друзей, как и его разговор, который они не понимали, к чему ведет. Но все же они хранили молчание, выжидая, чем он окончится.

– И даже если мы думаем, что на все способны, что нет таких преград, которые могли бы остановить нас... Зажми пасть, будет больно, – вновь прервал свой рассказ Хэн, обратясь к Усену.

– На пути к нашей цели, – продолжил он, положив лапу на землю, выпустил когти и быстро трижды поскреб ими об камень, отчего из них полетели искры.

– Таковые являются... – продолжил он, и быстрым движением перенес лапу с оголенными когтями на больную лапу, и со всей силы надавил на нее, отчего Усену глухо застонал, почувствовал не только ноющую боль, но и нестерпимое жжение, по всей площади приложенной Хэном лапы.

– И чтобы справиться с ними, – после нескольких секунд, нажима, молвил Хэн, и отпустил лапу.

– Нужно перебороть самого себя! – закончил Хэн и отошел в сторону, а удивленным взором всех без исключения друзей предстал Усену спокойно стоящий на всех четырех, совсем забывший о боле, что мучила его мгновение назад.

В том месте, где Хэн приложил лапу, друзья увидели еле уловимые пятна, в виде пяти точек, четырех расположенных полукругом наверху, и одной сплошной – внизу, по форме след был в точь-в-точь отпечаток лапы барса на снегу, лишь с той разницей, что почвой был мех Усену. Чуть подув на место необычного по форме ожога, природу которого Усену не до конца понял, ведь Хэн только три раза чиркнул когтями о камни. После он впил в Хэна взгляд полный удивления, благодарности и изумления.

Хэн без слов понял его, и перевел взгляд на каждого из друзей, у каждого на лице встречая подобные взгляды.

– Наши страхи, – продолжил Хэн не переставая нести на небе изумленные взгляды друзей, – Что затаились в каждом из вас, только и ждут своего времени, горя желанием вырваться наружу, и разрушить все то, что вы создавали вместе. Доверие, взаимопомощь, дружбу – всего этого вы сегодня чуть не лишились. Я почувствовал, а точнее увидел, как вы раздираемые склоками, чуть не уничтожили друг друга. И по понятной причине кинулся к вам, но ваше смятение было велико, и оно сыграло с вами злую шутку, – рассказывая все это Хэн, обошел каждого из друзей и быстрым взглядом оглядел их, после чего немного приостыл и продолжил:

– Но теперь, когда все кончилось весьма благополучно, вы можете успокоиться, отпустить все обиды, – Хэн взглянул на Усену и Яхси.

– И почувствовать себя хоть ненадолго, но как дома.

При последних словах, Усену резко сел, и печально опустил голову. Поняв, что он сказал что-то лишнее, Хэн, быстро ретировался на свой выступ, откуда стал наблюдать за всем происходящим одним глазом.

– Знаешь, что Усену, – чуть погодя, подошел Яхси к барсу после того, как закончил с добычей, которую увлекшись словами Хэна начал жевать еще с его первых слов.

– А ведь он прав, – своим признанием, волк вызвал вопросительные взгляды Риша, Хис и Усса, и чтобы поскорее от них отвязаться, поспешил закончить мысль:

– Хотя он мне и не нравится. В его словах есть доля истины, а еще доля чего-то непонятного, – продолжал в полголоса Яхси. – Мы и вправду поддались страхам, и чуть не лишились друг друга.

– Яхси! – нежно молвила Хис, потеревшись об него боком.

– Хис, Риш, как же я мог вас бросить, и сам не понимаю. Да глядя на вас обоих у меня просто сердце радуется и поет, – протянул Яхси, к которому вновь вернулось его шутовское настроение.

– Усс, – потянулся лапой к нему Яхси, – Иди сюда, ловкий проныра, – и по-дружески обнял его, несмотря на брыканье последнего.

– Усену, я должен... – начал было Яхси, добравшись до самого главного, но увидев, что его друг нос повесил, подошел к нему ближе, и попытался заглянуть ему в глаза.

– Все в порядке, – ответил на это Усену, пряча глаза, но от Яхси было тяжело избавиться, и спустя полминуты волку удалось заглянуть в них.

– Стыд, страх, – начал оправдываться Усену, не поднимая глаз, – Не сравнимы с чувством, которое меня раздражает.

– На голод не похоже, – попытался пошутить Яхси, но ему не удалось.

– Нет. Хэн сказал, почувствуйте себя как дома, а ведь у всех у вас, кроме меня, он есть. Каждого из вас кто-то ждет, думает о вас каждую секунду, переживает и вскакивает ночью, всякий раз, после ночного кошмара, с одной мыслью, чтобы поскорее вернулся тот, которого они так нежно и тепло любят.

– Да ладно тебе Усену... – начал Риш, но Усену перебил его.

– Нет, каждого из вас я оторвал от семьи, обрел на вечные скитания, по неизведанным землям, и, как и сам некогда, я обрекаю вас на одиночество.

Слова Усену произнесенные так печально и так искренне заставили Хэна вмешаться в разговор. На свой страх и риск он начал, подняв голову и впив в Усену свой взор:

– Усену, одинокий – это не тот, кто считает себя одиноким, а тот, кто слушает других, говорящих, что он одинок. И наоборот, не одинокий это не тот, кто окружен вниманием, а тот, кто не остается глух к окружающим, – слова Хэна прозвучали новой загадкой для друзей, и им пришлось продолжить его слушать, чтобы дойти до сути.

– Усену, подними глаза, – Усену послушался, – Осмотрись, кого ты видишь?

– Друзей, – чуть ли не шепотом ответил Усену.

– Просто друзей?! – навяще спросил Хэн.

– Нет.

– А кого же?!

– Самых лучших, верных, и смелых друзей.

– Дальше!

– Которые не раз спасали мне жизнь, и ни разу ничего не просили взамен.

– И?!

– Друзей, пожертвовавших всем, что имели, домом, семьей, ради одной цели, найти мою сестру, – закончил Усену, сам не понимая, как он решился все высказать.

Его слова обрели действие. По очереди Риш, Хис и Усс, крепко обняли барса.

– Вот видишь Усену, долгие поиски увенчались успехом, – молвил напоследок загадочно Хэн, и снова взгромоздился на свой выступ, положил голову себе на лапы.

– Поздно уже, – засыпая, молвил он, и вскоре мирно заснул, оставив друзей в полном недоумении, и горящих желанием поблагодарить незнакомца за все его услуги, которым сегодня не было конца.

Но, простояв на месте несколько минут, и поняв, что Хэн и вправду уснул, друзья совладали с собой и направились каждый на свои места. И только перед тем, как закрыть глаза, они подняли взоры наверх, в отверстие в потолке и не очень удивились, что стоял поздний вечер,

ведь удивляться они сегодня и не переставали. Каждый про себя прошептал благодарственные слова небесам за то, что они послали им незнакомца, адресованные в основном родственникам, как живым, где-то далеко смотрящим на небо в столь поздний час, так и давно почившим, которые ни на миг не оставляли их в сердцах.

У Новые причуды

– Усену, Усену, Усену, – кричал Риш, расталкивая друга всеми лапами, пытаясь как можно скорее разбудить друга.

– Риш в чем дело? – сквозь сон спросил Усену, пытаясь открыть глаза.

– Проснись скорее, беда! Хис – исчезла! – прямо в ухо прокричал Риш, отчего Усену резко поднялся на передние лапы, и широко открытыми глазами стал искать Хис взглядом.

Быстро обведя глазами все в округе, все еще немного не придя в себя, после столь резкого пробуждения, Усену сонным голосом молвил:

– Может она отошла.

– Да нет же, Усену, смотри! – Риш подбежал к тому месту, где спали Риш и Хис, и увидел рядом с тем местом, где лежала лисица, чей-то след.

– Приглядиись! – молвил Риш.

Усену нехотя подошел ближе и уткнулся носом в след.

– Похож на... – начал было наивно Усену, но разглядывая след все подробнее, он соразмерно этому пробуждался, и так же быстро с его лица слетело выражение спокойствия, и он все больше начинал хмуриться.

– Хэна, – закончил мысль Усену Яхси, которого голос Риша, как и Усса, поднял на лапы, неожиданно и скоропалительно. И тут же взгляды четырех друзей впились в то место, где они видели незнакомца вчера. Но Хэна не было. Выступ пустовал, и теперь ни у кого не оставалось сомнений, что это дело его лап.

– Как же мы были глупы! – схватился за голову Риш.

– Он провел нас! – сочувственно проговорил Усс.

– Ну, этот Хан... Или как его там... Он еще ответит за свои злодеяния! Обмануть нас, выкрасть Хис... Да он просто псих, я его предупреждал! – вопил гневно Яхси, расхаживая из стороны в сторону.

– Но как же так...

– Усену, он воспользовался нашим доверием, втерся к нам, а сам, сам... – не в силах закончить мысль, Яхси зарычал при мысли о том, что мог сделать Хэн с Хис.

– Конечно Хэн то, Хэн это... А Яхси по боку! Вот и получили! Не делай добра, не получишь зла, – не успокаивался Яхси, чем еще больше накручивал обстановку.

– Ох, попадись он мне, попадись, я его, порву на мелкие кусочки, и мокрого места не оставлю! Я... я его... – кипит от злости, скрежетя зубами, метался Яхси.

– Продолжай! – прозвучал до боли знакомый спокойный голос Хэна, появившегося из темноты, и представший перед ошарашенными друзьями совершенно спокойный, без всякой видимой нервозности, или другого проявления своей вины.

– Ты! – прорычал Яхси, и через мгновение, страшно сверкнув глазами, кинулся на барса.

Но тот совершенно не испугавшись, резко дернулся, и когда Яхси промазал, и кинулся на Хэна, как былк на красную тряпку, во второй раз. Хэн сделал ловкий прыжок, и оказался над волком, которого он тут же прижал к земле лапами.

– Верни ее, злостный обманщик! Где она?! – кинулся к Усену Риш, и, не сдерживая слез, стал биться головой о его лапу, понимая, что силой здесь не справиться. – Что ты с ней сделал? Возьми лучше меня! убей меня, но заклинаю, освободи ее! Кто я без нее.

– Кого?! – продолжал играть непонимающего Хэн, не ослабляя зажим на Яхси, отчего тот и лапой не мог пошевелить, и только его разъяренные глаза метались из стороны в сторону.

– Кого?! – переспросил Усену, которого невозмутимый вид этого Хэна окончательно вывел из себя.

– Ты издеваешься над нами?! Сам утащил Хис, а теперь косишь под дурачка! Не сойдет, мы так просто не сдадимся! – грозно закончил Усену, оголив когти, готовясь к нападению.

– Верни! – не переставал повторять Риш, не жалея себя и своей головы.

– А с чего вы решили, что это я уволок вашу подружку? Да и зачем мне это, да еще после этого – возвращаться к вам?!

Слова Хэна прозвучали уверенно и были не лишены смысла, что даже заставили умолкнуть Риша, приостыть Яхси, и задуматься Усену. Но они вовсе не подействовали на Усса, который оставался верен увиденному.

– Хэн, хочешь сказать, ты здесь не причем?

– Да-а! – ответил протяжно Хэн.

– И ты выходил из пещеры по другой причине, не сказав нам ничего?

– Да, я разведывал путь.

– И что, уходя отсюда, ты никого не трогал?

– Конечно, нет!

– А что ты скажешь на это? – молвил Усс, не поверив ни единому слову Хэна, подойдя к оставленному им отпечатку.

– Чей это след?

– Не знаю, может Усену.

– Усену – подозвал барса Усс, – Подойди.

Усену, не отрывая глаз с цели, пятясь, подошел к Уссу.

– А теперь наступи!

Усену, сообразив, что этим хочет показать Усс, наступил передней лапой рядом с первым следом.

– Разница на лицо, – молвил Усс, когда Усену убрал лапу.

При этих словах Хэн резко переменялся в лице, и всем сразу стало понятно, что он явно что-то скрывает.

– Хэн подними лапу, – предложил Усс, который вместе с Усену начали приближаться к незнакомцу.

– А ваш друг!?

– Он не будет против, и на время усмирит свой пыл.

Хэн осторожно, высвободил из-под себя Яхси. тот огрызаясь, не стал мешать эксперименту. Хэн медленно, держась от всех на расстоянии, подошел к двум следам, и молвил:

– Да ладно ребята, небось, она сейчас вернется.

– Прикладывай! – хором огрызнулись друзья, встав полукругом возле следа в нескольких шагах от Хэна. Подчинившись столь ярким уговорам, барс положил свою лапу рядом с обоими следами, и когда поднял ее, резко завопил:

– Да, это я украл вашу Хис!

Друзьям, которым все и так было ясно с самого начала кто во всем виноват, услышав признание Хэна, и посчитав его слова за насмешку, готовы были растерзать столь гадкого и трусливого нахала, но Хэн снова молвил.

– Стойте, убив меня, вы не вернете ее, – обретая прежнюю стойкость начал Хэн.

– Без меня вы никогда ее не найдете, – все смелее произносил барс, и все больше опускались лапы у друзей, ведь как им было не обидно, его слова звучали разумно, в его пользу.

– Да она жива, пока, – в конец разошелся Хэн, и стал наматывать круги вокруг друзей.

– Но кто может знать долго ли она еще сможет это выдержать.

– Замолчи! – не выдержал Усену.

– Нет, это вы помолчите! Что?! – произнес высокомерно Хэн, подойдя ближе к Яхси, который был на грани, и которого раздирала ненависть.

– Хочешь перегрызть мне горло?! Давай, и ты никогда больше не увидишь Хис! Ты этого хочешь? – прохрипел злорадно Хэн, и демонстративно подставил Яхси горло.

– Яхси! – шепнул волку Усену, и чуть дотронулся до него лапой.

– Нет! – сквозь зубы произнес Яхси, и начал потихоньку отступать.

– Вот и замечательно. А теперь, когда все меня слушают, я выдвину свои требования.

– Какие еще требования? – воскликнул испуганно Риш.

– Во-первых: говорю я, вы молчите. Во-вторых, я обязуюсь не причинить вреда вам и Хис, если со мной сейчас пойдет один из вас, все равно кто. Он уйдет, Хис – вернется, достойный обмен?! Думаю, я ясно все объяснил. Так, кто идет? – остановился Хэн и вопросительно впил глаза в совершенно растерянных друзей, которых слова Хэна повергли в оцепенение.

– Ладно, я не буду на вас давить, и даю на размышление три секунды. Раз, – молвил Хэн, подняв лапу, и загнул один палец, четверо друзей впились друг в друга глазами.

– Два! – молвил Хэн, и вперед вышел Риш, его опередил Усену, которого в свою очередь опередил на шаг Яхси.

– Три! – закончил отсчет Хэе и опустил лапу, и увидел впереди себя Усса, который в последнее мгновение, встал ко всем друзьям лицом, и обоими лапами показал на себя.

– Отлично, – закончил Хэн. – Ты, так ты, – заторопился он, чтобы друзья не передумали, и стал подталкивать Усса к выходу.

– Вы сделали правильный выбор, пожертвовали одним менее другом, на более дорого, – ехидничал Хэн, торопясь к выходу.

Но не успел он отдалиться и на десять шагов от друзей, как его остановил суровый голос Усену.

– Нет, мы ни кем не жертвуем, мы идем все!

– Что? – осекся Хэн, испуганно обернувшись, и тут же был встречен уверенными взорами троих друзей, которых ни что не могло разубедить.

– Ну как хотите, значит, съем всех!

– Нет, – снова остановил, наострившего лыжи Хэна, суровый голос, на этот раз принадлежавший Яхси, – Ты останешься сегодня голодным.

– Ну ладно, голодным, так голодным, – согласился Хэн, ища глазами путь к отступлению, но именно его и преградил Усс.

– И ты незамедлительно отведешь нас к Хис!, – его вид и суровость голоса, заставили Хэна попятиться.

– А иначе, тебя ждет незамедлительное возмездие, которое ты никогда не забудешь, – молвил последним Риш, чем в конец напугал Хэна, который, выбрав удобный момент, быстро перескочил через окружение, и со всех лап кинулся к выходу. С криком, воем, рычанием за ним бросились четверо друзей, смело кинувшись в темный проход.

На время потеряв Хэна из виду, друзья выскочили на свежий воздух один за другим.

– Вон он! – крикнул Яхси, увидев серо-белую фигуру, исчезающую в снежной мгле. И снова слепо бросившись за ним, хотя нет, их влекло сердце, переполненное жадой возмездия и стремлением спасти Хис, друзья, несмотря на все старания Хэна исчезнуть, раствориться во мгле, наступали ему на пятки. Даже его длинные прыжки, не помогали ему оторваться. Друзья просто кубарем скатились за ним вниз, и продолжили преследование. Они и не заметили, как меньше чем за минуту достигли подножия горы, ставшей им прибежищем и ловушкой. Но не упустил это из виду Хэн, который достигнув низа, быстро огляделся и сделал опрометчивую глупость. Вместо того, чтобы пуститься со всех лап прочь от скалы, он почему-то побежал вдоль нее, и тем самым потерял возможность затаиться в степи. Друзья, решив, что это лишь новое проявление смятения Хэна, не придали этому особого значения. Даже тогда, когда он заметно снизил скорость, и стал бегать зигзагами, друзья не посчитались с этим.

И правильно сделали. Воспользовавшись этой слабостью, они вскоре настигли Хэна. Первым нагнал его Усену, набросившийся на Хэна, с прыжка прямо ему на спину, и вмиг придавив его к снегу, явно отбив этим, желание убежать. Вторым подоспел Яхси, пресекавший вмиг любое желание сопротивляться, вцепившись барсу в бок. Не остался безучастным и Усс, который охотно начал помогать Яхси.

– Где Хис? – заорал Риш прямо в ухо Хэну, который был по самую морду погружен в сугроб.

– Она, она... – невнятно пробормотал Хэн.

– Ну-ка, Усену! – молвил Яхси, после чего Усену вцепился не на шутку в шею Хэна зубами.

– Отвечай, если хочешь жить! – снова повторил Риш.

Спустя десять секунд, Усену высвободил Хэну шею, давая тем самым возможность ответить.

– Хис, она... У вас за спиной! – прохрипел Хэн.

Риш и Яхси обернулись, и, не увидев никого, озлобились еще больше.

– Он издевается, – завопил Яхси, на что Усену вновь вцепился барсу в шею, с еще большим нажимом.

– В последний раз спрашиваем, где Хис?! – теряя остатки терпения, закричал Риш и снова Усену высвободил шею Хэна.

Но этот на этот раз он не смог и слова молвить, и только поднял лапу и указал за спины друзей. Даже не обернувшись, друзья, решив, что Хэн издевается, сурово переглянувшись, соглашаясь друг с другом, и с вынесением приговора, хотели приступить за его исполнение, как знакомый нежный голосок раздался где-то совсем близко. А именно у них за спинами, в шагах десяти от них. Обернувшись все как один, увидели Хис, явно чем-то напуганную и немного запыхавшуюся от недавнего кросса.

– Хис! — с криком кинулись к ней все четверо, забыв о Хэне, оставив его погруженным мордой в снег.

– Хис, ты жива! О, как я рад! – с разбегу обнял Риш Хис, и нежно целуя ее, куда попало, обнимал всеми лапами, не скрывая слез счастья.

– Ты не ранена? – обеспокоено спросил Яхси, выглядывая на теле лисицы возможные следы увечий.

– Он не причинил тебе вреда? – спросил Усену, которого столь внезапное появление Хис обрадовало не меньше Риша.

– Он угрожал тебе? – спросил Усс, чем переполнил чашу терпения и удивления Хис, которой и слова не дали молвить.

– Кто ранен? Кто угрожал? Кто причинил мне вред? – выпалила она, высвободившись от лапок Риша, и впила в друзей удивленный взгляд, не менее удивлены были и четверо друзей.

Тишину, воцарившуюся на доли секунды, нарушил виновник всего – Хэн. Он поднялся на лапы, отряхнулся от снега, и как ни в чем не бывало, заговорил:

– Хис, они не без основания, думали, что я похитил тебя!

– Что? – воскликнула Хис, от неожиданности.

– Замолкни, подлый трус, – огрызнулся на него Яхси, и скрежетя зубами, стал подкрадываться к барсу шаг за шагом, закрывая собой друзей.

– И я даже потребовал за тебя выкуп, одну жизнь взамен другой.

– Нет, нет, нет, что ты говоришь!?

– Он у меня сейчас замолчит, – огрызнулся Усену, чуть прижался к земле, готовясь для прыжка, а шерсть на загривке так и стала дыбом.

– Пора открыть вам правду... Я не похищал Хис, – начал Хэн, но его прервал Яхси.

– Не слушайте его, он пытается отвертеться.

– Не выйдет! – грозно прорычал Усену, и прыгнул на Хэна.

Но барс был готов к этому и умело отпрыгнул. Тут он был атакован Яхси, но и ему не удалось заставить Хэна врасплох. Раскидав обоих, он оказался между ними обоими.

– Друзья постойте, – кинулась к Хэну Хис, и загородила его от их гнева.

– Не знаю, что произошло между вами?! Но он говорит правду! меня ни кто не похищал.

– Но как же... – открыв пасть от удивления, молвил Риш, который, как и все друзья, оказались обескураженными от поступка Хис.

– Хэн разбудил меня пораньше, предложил прогуляться, чтобы поговорить о вас, а затем попросил меня подождать его внизу, мол, он скоро вернется со всеми...

– Что?! – не понимая, что несет Хис, воскликнул Яхси.

– Усену, Яхсиус, Риш, Усс, – молвил Хэн, вновь обретая спокойствие в голосе, – Я попросил Хис сделать это для того, чтобы испытать вас.

– Испытать? – непонимающе молвил Усену.

– Да, это было испытание на храбрость, верность, дружбу, выдержку и стойкость.

– Я не верю тебе! – бросил Усену.

– Первое, вы не позволили себя обмануть, и сумели настоять на своем. Второе – не позволили врагу, то есть мне, диктовать вам свои условия. И третье, и самое главное, вы не позволили никому из вас умереть, и все вместе стойко взглянули врагу в глаза. Осознавая опасность, которая угрожала вашей подруге, вы не побоялись броситься на врага, хотя и знали, что он может и не сказать, где Хис, – закончил Хэн.

Немного потеряв шею, он провел лапой по боку. Друзья от удивления и смятения, буквально сели на снег, и впили в Хэна, удивленные взгляды, в которых можно было прочесть их внутреннее смятение, и раздирающее между: за и против.

– Я понимаю какво вам... Сам после подобного испытания, проведенного на мне, моим учителем, долго отходил... Но провести его было необходимо.

– Зачем? – молвила Хис, отстранившаяся, от ставшего еще больше загадочным и непонятным барса, и прижалась к Ришу.

– Помните, я вчера говорил, о непредсказуемых опасностях, что могут появиться у вас на пути, и про то, что преодолеть вы их сможете, лишь в том случае, если сможете перебороть себя.

Все молча кивнули, в знак согласия.

– Так вот, с первым испытанием вы справились на отлично.

– Что, с первым? – завопил Яхси, все еще не потеряв желание намять Хэну бока.

– Будет еще?!

– Всего их три, и преодолевая каждый из них, вы станете совершеннее.

– К черту совершенство! мы и так хороши, – прервал его Яхси. – Все друзья, с меня хватит его издевательств и больных шуток, валим от него подальше, – закончил волк, и обернулся к Хэну спиной, сделав несколько быстрых шагов от него.

Друзья, которые еще были под аффектом от произошедшего, с удовольствием последовали за ним, но Хэн их остановил, заговорив дорогу:

– Второе испытание – самое тяжелое – добиться от своих учеников, доверия.

– Мы тебе не ученики, и доверие ты уже все растратил, – бросил через спину Яхси, но Хэн не сдавался.

– Именно поэтому это испытание не только для вас, но и для меня.

Слова Хэна заставили друзей затормозить, а Усену даже обернулся. Он понимал, что поступок Хэна выглядел низким и жестоким, но вместе с тем, он, да и все друзья, смогли вынести из него урок.

– Я по-прежнему хочу помочь вам. За вами остается решение – принять эту помощь или нет.

После этих слов друзья тронулись в путь. Хэн сделал несколько шагов за ними:

– Понимаю, мой поступок, выглядит низким в ваших глазах, и если честно мне самому это доставило мало удовольствия.

Но друзья не останавливались.

– Но надо уметь прощать чужие ошибки, ибо, когда ты совершишь ее сам, тебе не на кого будет надеяться.

Эти слова заставили остановиться вначале Усену, а затем и всех остальных.

– Усену, – обернулся на него Яхси, – Идем!

– А ведь Хэн прав.

– Да ладно тебе! И ты простишь его после всего этого?! – указал волк на барса.

– Но ведь ты меня всегда прощал за подобные выходки с моей стороны.

– Ты – совсем другое дело!

– Нет Яхси, обида есть обида, и умение прощать их, мириться, извлекать из них уроки, дорогого стоят.

– И ты туда же, Усену!

– Ты, как ни кто другой должен понимать...

– Но что ты намекаешь?

– Не на что. Просто хочу сказать, что ты всегда быстро отходил, от обид, и ни когда не ставил свои желания, выше общей цели.

– Да ладно.

– Нет Яхси, мы столько раз ругались, спорили с тобой, что об этом можно написать книгу. И вот теперь, ты отказываешься от своего главного принципа?

– Каково же?!

– Оставаться вместе несмотря ни на что! – закончил Усену, по-особому, дружески, взглянув волку в глаза.

– Ладно, уговорили. Я все и всех простил, ну или почти, – последние слова Яхси произнес сквозь зубы, бросив на Хэна недобрый взгляд.

– Ладно Хэн, мы прощаем тебя, – обернулся к нему Усену, – Но с условием, что ты заранее будешь нас предупреждать о подобном, а то ведь мы могли и перестараться.

– Скажу сразу, подобного не повторится. Последующее испытание куда мягче, и больше призывает к вашему разуму, чем к силе, – успокоил всех Хэн.

– А теперь раз все мы оказались снаружи, продолжим ваш путь.

– И куда ты нас поведешь?! Кругом непроглядная мгла, так и заплутать нетрудно, – молвил Усену, прищурился от снега глаза.

– Он скоро кончится, – философски молвил Хэн, подняв голову вверх.

– Ну как же, – буркнул Яхси.

– А поведу я вас туда, где тебе Усену, помогут вылечиться от болезни, – молвил Хэн, и не проронив больше ни слова пошел вперед.

– И что, пойдём за ним? – спросил Яхси.

– Время отказаться еще есть!

– А я ему верю, – молвил Усс, и пошел за Хэном.

– Если есть надежда на выздоровление Усену, то я зацеплюсь за нее, – молвила Хис и увлекая за собой Риша, пошла следом за Хэном.

– Яхси, скажи, я и вправду тяжело болен? – спросил Усену, подойдя к волку.

– Да, – коротко ответил Яхси, но тут же заметив тучки, наплывшие на лицо барса, продолжил:

– Но Хис говорит верно. Пока есть надежда – мы будем следовать за ней. Идем! – подтолкнул Яхси барса.

– Идти за чокнутым Хэном все же лучше, чем морозить свои хвосты, стоя на месте, – громко молвил Яхси, широко улыбаясь друзьям, незамедлительно отреагировавших на его шутку.

– Тише Яхси, он услышит, – шепнул Усену.

– Пусть слышит, мы не простили его за большее, пусть он прощает нас за меньшее. Верно, философски настроенный прагматик, с чувством недооцененной уцененности?!

Снова волна хохота разорвала тишину. Лица друзей расцвели, повеселели их сердца, и вот уже их новый путь перестал казаться им столь неведомым и опасным, как раньше. гордо подняв головы, держа нос по ветру, друзья смело зашагали вперед, навстречу неизведанным им доселе землям, и ожидавшим их там новым приключениям.

VI Снова бросил

Друзья начали путь где-то около полудня, так долго они отдыхали после вчерашнего. Они следовали за тем, кто казался из загадочным и непонятным, чьи действия, хоть и подчинялись логике, были, либо чересчур продуманными, либо совершенно спонтанными. Так отнесясь к новому проводнику, ведущему их, по его словам, к спасению Усену, совершенно неоднозначно, они тем не менее неотступно двигались за ним.

Совершенно не скрывал, неоднозначное мнение о Хэне, Яхси, который с самого начала пути, в буквальном смысле, засыпал барса своими шутками, полными издевок и сарказма. На что друзья сурово переглядывались, стараясь сдержаться, а когда Хэн оборачивался, и вовсе делали вид, что ничего не слышали, и не обратили на Яхси внимания. Все, кроме Яхси, понимали, что его слова могут обидеть Хэна, и поэтому всячески старались перевести тему разговора в другое русло. Но Яхси всякий раз умело выворачивался, и черпал из слов друзей новые термины. Но долго это продолжаться не могло, и даже Яхси пришлось прикрыть пасть, когда, спустя несколько часов пути снег полностью перестал идти.

Друзья вспомнили слова Хэна, о его прогнозе, и к их удивлению он сбылся. Было ли это чудом, или чутьем, но Яхси отнесся к этому легкомысленно. Но даже волку, спустя полчаса, пришлось признать, что Хэн, каким-то образом оказался прав. Снег больше не возвращался и спустя несколько минут, снежная дымка стала растворяться, и открывать друзьям, метр за метром горизонт во все направления.

С этим снегопадом, друзья и не заметили, что находятся уж не на бескрайней снежной степи. Вдали величественно возвышались горные хребты, которыми куда ни глянь, был изрезан весь горизонт.

После стольких дней унылого, однообразного пейзажа, которым были сыты друзья, этот вид вселил в них новые силы. Ведь там где горы, есть и укромные места для отдыха, лес, в котором водится хорошая дичь. Именно к этим горам и повернулся лицом Хэн, увлекая друзей за собой. Но до них было еще так далеко, а день тем временем был так короток. Тогда, Яхси, который не проронил ни слова, как и его друзья, молвил:

– Медленно идем, так мы и до утра не доберемся, – вызывающе взглянул он на друзей.

Хис по его взгляду поняла его намерения сорвалась с места, с криком:

– Догоняй!

Вслед за ней кинулся Яхси, затем и Усс.

– Ну вот, опять бегать! – молвил Риш, тяжело вздохнув, при мысли о догонялках.

– Да ладно тебе, Риш, – бросил Усену, и побежал за остальными.

Оставшись без выбора, кинулся бежать и Риш, который после нескольких минут бега, крикнул Усену, которого догнал:

– А я и забыл, как это здорово!

Хэн первые минуты не менял темпа шага, и пристально наблюдал за друзьями, которые больше дурачились, догоняя друг друга, петляя зигзагами, чем бежали. После чего, ему пришлось перейти на медленный бег, чтобы вовсе не потерять их из виду.

Как тому и полагается, друзья вскоре исчерпали, те скудные запасы сил, что смогли накопить за ночь. После несколько минут, их нагнал Хэн, который, держа свой темп, обогнал их. Чем немало раззадорил Яхси, которому, как и всем друзьям, уже надоело дурачиться и он кинулся за барсом, горя желанием его обогнать. Но как бы не старались друзья догнать Хэна, им это не удавалось. Толи потому что Хэн ускорялся, когда друзья почти догоняли его, и наоборот замедлялся, когда они брали перерыв, но им ни как не удавалось его настигнуть.

Совсем не до смеха, стало друзьям после часа спринтерского бега, после которого они в конец выдохлись. Н Хэн обернувшись, улыбнулся, и, заметив их усталость, не стал сбавлять скорость, и вскоре начал уходить в отрыв.

– Он нас бросает? – задыхаясь от быстрого бега, из последних сил, молвил Яхси.

– Вряд ли! – ответил ему, не менее измотанный Усену.

– А, похоже! – подытожил волк, и в конец остановился.

– Пусть бежит, я больше не могу, – высунув язык, молвил волк, за ним как по сигналу стоп крана, остановились остальные и принялись активно поглощать воздух носами и открытыми ртами.

– Смотрите-ка, он и не собирается останавливаться.

– Яхси, я верю, что Хэн желает нам помочь.

– Правда, Усену? – вопросительно молвил волк, приложив лапу ко лбу, и вглядываясь в горизонт

– А по нему не скажешь!

– Мы должны догнать его!

– Усену, ты сам еле дышишь, если ему надо – остановится.

– Ему как видно – нет! А вот нам – нужно!

– Для чего?!

– Он знает эти места, и он обещал помочь.

– Только тебе! – закончил Яхси, явно находясь не в духе от начатого разговора.

– Усену, – молвил Яхси, увидев в глазах барса, тень разочарования и обиды.

– Мы продолжим путь, но вначале слегка отдохнем. Пробегая мимо вон тех кустов, – молвил Яхси, обращаясь теперь к остальным, – Я заметил мелких мышек. Пища скудная, но и она сойдет.

– Может и под остальными что-нибудь есть? – оживился Риш.

– Вот и проверьте! – молвил Яхси, и направился к небольшим кустикам неподалеку.

Риш, Хис и Усс, заметив подобные кусты поблизости, разошлись в разные стороны, оставив Усену стоять одиноко, не сводящего взгляда с горизонта, где начинала исчезать серая точка, его надежды. Не понимая почему, Хэн снова так плохо поступил с ними, Усену оказавшись перед выбором – кинуться за ним или остаться с друзьями, под действием усталости, и урчащего желудка, выбрал второе. Опустив голову, он побрел к никем еще не занятому кусту.

Сам процесс добычи мелких зверушек, занял у друзей, куда больше времени и сил, чем они рассчитывали. Вернувшись к месту их расхода, еще больше вымотавшись, и не очень-то утолив голод, друзья молча, направились по следам Хэна, которые ясно проглядывались.

Быстро бежать они не были в силах, но все же вскоре перешли на рысцу, в надежде разглядеть на горизонте Хэна. Но спустя четверть часа, они так ничего и не увидели. Теперь все друзья опустили головы, понимая, что позарившись на меньшее, потеряли больше, чем приобрели. Они мельком бросали взгляды на Усену, плетущегося позади остальных. Снова и снова, встречая пустой взгляд печальных глаз друга, им становилось не по себе, от одной только мысли, что они подвели своего лучшего друга, находившегося на грани жизни и смерти, и из-за их необдуманных действий, они потеряли единственного, кто мог ему помочь. Но эта мысль в свою очередь, не только печалила друзей, но и подгоняла их вперед, и каждый из них дал себе слово, что не ляжет сегодня спать, пока не найдут Хэна.

Что думал в это время Усену, трудно понять. Не успев порадоваться своему шансу на жизнь, его вдруг резко лишили его. Нет, он не винил в этом друзей, а больше корил себя, за все. За то, что заболел, за то, что вовсе встретил этого непонятого Хэна, который утром обещает, а вечером бросает. На время он даже отрекся от всего происходящего, как бывает в таких случаях, ушел по уши в свое Я, ища внутри ответы на все – Почему?

Но из всех этих тяжких дум, друзей резко вывел неожиданный звонкий крик Хис. Друзья подбежали к тому месту, где встала, как вкопанная лиса, и увидели яркое пятно крови на снегу, как раз в том месте, где проходил след Хэна. Испуганно переглянувшись, друзья кинулись вперед, но пройдя десять шагов следы Хэна обарвались. На их месте, было множество чьих-то следов, превосходящих по размеру как следы Усены, так и следы Хэна.

– Здесь произошла схватка, – молвил задумчиво Усену, ища глазами по сторонам в поисках новых улик.

– И совсем недавно, – подтвердил Усс, приняв к каплям крови, которых здесь было в изобилии.

– Но чем она закончилась, и кто напал на Хэна? – спросил Яхси, понимая, что ситуация берет поворот весьма опасный, как для Хэна, так и для них самих. В поисках ответа на вопрос Яхси, и друзья рассредоточились и стали искать новые следы. Вечернее время суток вовсе не способствовало этому.

– Не может быть! – воскликнула Хис, отыскав чей-то след, весьма отчетливо проглядывающий на снегу, спустя несколько минут.

– Похож на... – начал вспоминать Яхси, как и все, подбежавший к лисице.

– Очень похожие мы видели у нас... – молвил Усену, напрягая память.

– Это медведь! – двумя словами, закончил мозговой штурм друзей Усс, который, как и Хис сразу узнали в оставленных окровавленных отпечатках след от лапы медведя. Он оказался более решительным, и поставил друзей в известность. При этих словах, друзья насупились еще больше, ведь каждый из них, даже те, кто не встречался лицом к лицу с медведем, понаслышке знали, что нет зверя более непредсказуемого, вспыльчивого, и яростного в агрессии, и все это умноженное надвое – ведь кто-то разбудил его раньше времени.

Кто это был: человек, другое животное или медведя потревожила погода, это меньше всего волновало сейчас друзей. Раз он проснулся, значит, никто отныне не мог быть в безопасности. Менее всего в этом плане повезло Хэну, который как видно по окровавленным следам, хаотично разбросанным по округе, первым попался ему под горячую лапу.

Не теряя больше время на разговоры, друзья кинулись отыскивать новые следы, по которым можно было бы смело утвердить, чем кончилась неравная по силе схватка, и удалось ли Хэну унести лапы от медведя.

Подобные следы, меньше чем через полминуты, были найдены Усену.

– Сюда! – подозвал он остальных.

Это были следы медведя. По ним можно было сразу определить, что Хэн жив, но судя по ярко-красным следам, оказался раненым. Еще друзья не упустили то, что медведь вовсе не оставил барса в покое, а кинулся за ним в погоню. Только один способ был узнать, настиг ли он его или барсу удалось спастись бегством – пустится за обоими следами незамедлительно в погоню. Что конечно и сделали друзья, недолго думая над принятием этого решения.

Забыв про усталость, голод, которые отпали сами собой, и были забыты друзьями, не шадя ни себя, ни свои остатки сил, они стрелой кинулись по следам.

Хэн был недавним знакомым, и во второй день знакомства показал себя не с лучшей стороны, но что-то тянуло их вперед. Было ли это привязанностью? вряд ли. Желанием спасти того, кто спас их, и мог помочь Усену – вполне возможно. Но больше всего сейчас друзьями двигало просто желание помочь тому, кто оказался в смертельной опасности. Каждый из них не раз оказывался в подобных ситуациях, и по себе знал, что без помощи ближнего, будь то друг, или добрый незнакомец, не прошедший мимо, ему не обойтись.

Уж такими они были по натуре, наученные на собственном опыте. Значит и не стоит слишком глубоко ворошить этот вопрос – ведь ответ у всех на глазах.

Отбросив все сомнения, и предубеждения, друзья неслись все вперед, и все ближе приближались к горам, что утром видели на горизонте. Они неслись так быстро, что их бег можно

было сравнить с сильными порывами ветра, дующего вам в спину, и способного придать вам двойное ускорение. Но чем ближе друзья приближались к горам, тем ниже опускалось солнце, тем быстрее наступал вечер. Когда до гор оставались каких-то несколько километров, которым друзья не придавали счету, оно и вовсе скрылось за горизонтом. Только узкая полоска света, еще освещала друзьям путь, давая не погаснуть лучику надежды в их сердцах.

Друзья и не заметили, как в округе все постепенно менялось. Из равнины, покрытой кустарниками, они к вечеру оказались в густом лесу. Они так пристально смотрели вниз, себе под лапы, выглядывая следы, что и не заметили, что вскоре поверхность, по которой они держали путь, стала подниматься вверх, осложняя тем самым бег друзьям. Каждый про себя, решив, что это они дают слабину, сильнее стиснули зубы, и продолжили путь на прежнем темпе.

Вскоре природа и усталость взяли свое. Друзья почувствовали, что дышать им становится все сложнее, а каждое их движение, как будто утяжелилось подвешенными к ним гириями. Они стали двигаться все медленнее и медленнее, пока в конец вовсе остановились. Это произошло как раз в тот момент, когда солнце полностью скрылось за горизонтом и лишь его зарево не давало ночи полностью завладеть всем в округе.

Остановившись друзья первым делом стали жадно глотать воздух, стараясь как можно быстрее отдышаться и продолжить путь. Но, как бы не велико, было их желание, они не смогли ничего поделать с разряженным воздухом, которого требовалось куда больше, чтобы отдышаться, чем обычного. Невольно задрав носы к небу, друзья только сейчас заметили, что ночь входит в свои права, и луна, которую не загораживали облака, потихоньку начинала освещать землю своим сиянием, немного холодным и одиноким. На несколько секунд друзья замерли, не сводя глаз с чарующей луны. Но то, что услышали друзья в последующее мгновение, мигом вернуло их на землю. Протяжный, свирепый рев оглушил тишину горного леса, и несколько раз прокатился эхом по всем его холмам, низинам, и расщелинам.

Сомнений быть не могло, рев принадлежал медведю, и, судя по нему, был он явно не в духе. Быстро испуганно переглянувшись, друзья, не обмолвившись и словом, как по сговору, кинулись на крик. Несмотря на опасность, которую нельзя было недооценивать, и которая точно ждала их там впереди. Ориентируясь больше на ошупь, на звук рева, чем по следам, которые еле проглядывались в сумраке позднего вечера, и которые вскоре были утеряны. Только одна зацепка, одна ниточка вела их по следу, и это был вовсе не рев, который как то сразу потерял точку исхода и казался чем-то похожим на эхо без начала и конца – это было чутье, или как его можно назвать, их собственное ощущение. Не видя исходной точки назначения, друзья двигались своим чередом, то поворачивали налево, то направо, то бежали вверх по склону, то вниз. Вряд ли они сами задумывались в этот момент, что их погоня за эхом может увенчаться провалом, и что бессмысленно искать иголку в стоге сена. Они твердо знали, куда надо бежать, и в то же время не представляли себе это место. На их лицах не было и тени сомнения о правильности их пути, и разум всячески отталкивал любые упаднические мысли, не давая задурманить себя сомнениями. Их стремление вскоре было вознаграждено. Прозвучал повторный рев где-то совсем близко, а значит они на правильном пути. Чуть сбавив темп, друзья перешли на рысцу, тем самым подтянулись и сгруппировались поближе друг к другу.

Первыми бежали Усену и Яхси, подсознательно решив для себя, принять если что, первые удары на себя, и защитить следовавших за ними Риша и Хис. Последним строй замыкал Усс, явно что-то выглядывая в темноте, своими широко открытыми глазами, полными тревоги. Это был вовсе не страх, нет, что-то другое, может предчувствие беды, которую друзья могли прозевать.

Углубляясь все дальше в лес, довольно разряженный по плотности растущих в нем деревьев, и больше напоминающий перелесье или поляну, меж двух посадок, в округе становилось все тише и тише. Если раньше друзья за шумом ветра и голосами леса, не могли слышать свое

дыхание, то сейчас оно отчетливо хрипело у каждого в ушах, отчего у них начинала стынуть кровь в жилах.

Двигаясь все дальше вперед, стараясь все меньше шуметь, друзьями стал овладевать необъяснимый страх. Природа в округе как будто тоже почувствовала неладное. Подул холодящий душу, порывистый ветер. Стало как-то темнее, как будто луна, спряталась за ветвями, боясь взглянуть туда, где шагали друзья. Даже снег под лапами, стал каким-то жестким, больше похожим на твердый лед, с одной только разницей, что он неописуемо громко скрипел, при каждом шаге.

Долго им не пришлось испытывать эту пытку, по крайней мере, по времени, но явно не по ощущениям друзей, у которых шерсть дыбом начинала вставать. Спустя несколько минут хождения по мукам, друзья вышли на небольшую поляну, на другом краю которой, как им показалось, кто-то лежал. Не найдя в себе смелости, не решившись, что-то молвить, вдруг это был медведь, друзья стали аккуратно обходить поляну кругом, стараясь держаться подальше от открытого пространства. Может именно этот мудрый шаг уберег их от того, кто не сводил глаз с поляны, и притаился в чащи.

VII Прости и отпусти

Тем временем друзья приблизились к другому краю поляны, настолько близко, чтобы разглядеть того, кто по правде оказался живым существом. Он лежал на боку, спиной к ним, и явно не подавал ни каких признаков жизни. По красным отметинам на спине и шее, можно было судить, что ему, ой как досталось, и явно от того, кто превосходил его размерами. Несмотря на все это, друзья сразу узнали в нем Хэна, вид которого сразу же омрачил их взоры. Опустив головы, в знак скорби, друзья хотели пойти прочь, от столь мрачного места, но то, что увидел Усену, до последнего не сводивший с тела Хэна взгляда, заставило их остановиться.

– Он жив, – прошептал Усену, указав всем на хвост Хэна, который один подавал признаки жизни.

Но произнесенные слова настолько тихо, насколько мог Усену, вдруг потревожили того, кто так терпеливо ждал в засаде. Здоровое, грозное существо, размерами по длине не превосходящее барса, но вот в высоту холки, явно в полтора раза выше, покрытое густой черной шерстью везде, кроме белого пятна на груди, с вытянутой здоровой мордой и торчащими в разные стороны круглыми ушами, медленно шаг за шагом предстало перед друзьями.

– Белогрудый медведь, – еле слышно прошептал Усс, после слов, которого медведь еще раз огласил тишину своим ревом.

Друзья от страха замерли на месте, боясь и глазом моргнуть. Медведь тем временем пару раз приняв себя к воздуху, который на благо друзей дул на них, не найдя взглядом кого-либо, кто мог заменить ему его добычу, косолапо заковылял к лежащему Хэну, явно не с добрыми намерениями. Он был уже в нескольких шагах от Хэна, который по-прежнему не проявлял признаков жизни, а друзья по-прежнему боялись пошевелиться и тем самым выдать себя.

В этот самый момент, когда медведь на несколько мгновений остановился, еще раз приняв себя, Усену, который, наверное, больше остальных проникся к Хэну жалостью, а может быть первым дал слабину, или наоборот – с криком:

– Хэн! – выпрыгнул на поляну.

Столь резкое его появление, на доли секунды озадачило медведя. Бросив взгляд на наглеца, посмеявшегося так вероломно выпрыгнуть перед ним, он еще пуще прежнего зарычал и вне себя от злости, поднялся во весь рост на задние лапы. Это произошло так быстро, что Усену снова пал в оцепенение, ибо такого исполина, под два метра, он никогда в жизни не видывал. Грозно прорывав во все горло, вытянув морду, медведь, яростно махая лапами, перевел взгляд с первой своей жертвы, которая не шевелилась, на будущую, которая весьма вовремя сама вызвалась стать закуской.

– Усену, нет! – с криком кинулся к нему Яхси, в тот самый момент, когда медведь, сделав несколько шагов на двух лапах, резко опустился на все четыре, совсем близко от Усену, и также неожиданно для последнего замахнулся на него, оголив большие острые когти на правой лапе.

Яхси подошел вовремя, еще бы секунда и Усену бы точно попал под раздачу. Волк со всего разбегу оттолкнул барса в сторону, но не смог сам вовремя увернуться, и хотя краем лапы, но получил от медведя. Взыв от резкой боли Яхси, от силы удара был оторван от земли, и отшвырнут на добрый десяток шагов от медведя. При падении он стукнулся головой об ствол дерева, после чего потерял сознание.

– Яхси! – выкрикнул Усену, который, как и все друзья, не успели и глазом моргнуть, как все это произошло, прямо у них на глазах.

Он хотел кинуться к другу, но грозная лапа снова нависла над ним, и ему пришлось на время отказаться от этой идеи. Понимая, что не справиться с медведем, ни в одиночку, ни все вместе, Усену стал пятиться, попутно уклоняясь от все новых и новых замахов медвежьих лап, так и норовивших насадить его на свои когти.

– Я отвлеку его! – прохрипел вне себя от страха Усену своим друзьям, которые без лишних пояснений, поняли, что они означают.

Кинувшись к Яхси Риш, Хис и Усс, быстро достигли его и так же быстро помогли подняться волку, который потихоньку начинал приходить в себя, после непредвиденного полета.

– Берегись! – крикнул Риш, обернувшись к Усену, который оказался вскоре припертым к стволу дерева.

Почувствовав, что его добыча попала в ловушку, и больше не может отступать, медведь расхрабрился и мгновенно кинулся в атаку. Замахнувшись как следует, медведь рассчитывал одним точным ударом, приструнить надоевшую дичь. Усену, почувствовав, что отпрыгивать теперь некуда, прижался к земле всем телом, и в тот момент, когда медведь взвел лапу, оттолкнулся всеми лапами от земли, и, миновав смертоносных когтей, обдурил медведя, пробежавшись по его холке, всеми лапами. В этот момент Яхси, Риш и Хис, замерли на месте, и даже не дышали, ожидая, что Усену вот-вот наступит конец. Но барс смог перехитрить противника, и смог тем самым выиграть еще несколько ценных секунд. Но что дальше? на этот вопрос друзья не знали ответа.

Только Усс, который, быстрее всех овладел собой, после обманки Усену, кинулся к лежащему Хэну. Достигнув его, он стал трясти его голову, что есть мочи, молча, не находя ни слов, ни сил, для их произнесения.

Медведь тем временем, быстро развернулся лицом к Усену, поняв, что его обвели, разозлился еще больше, и стал надвигаться на барса. Тот под напором столь грозного существа, снова попятился. Медведь на этот раз, решил приберечь силы для одного единственного верного и точного взмаха.

Усену понимал, что рано или поздно, но медведь снова настигнет его, и что на этот раз он учтет его хитрость, и скорректирует удар, как надо. Но на счастье Усену, ему пришлось снова испытать то чувство, что он испытал ранее.

Яхси, в конце, придя в себя, отодвинул лисов в сторону, смело кинулся к медведю. Яростно рыча и лязгая зубами, волку удалось отвлечь медведя от Усену и привлечь на себя внимание. Немного недовольно медведь, обернулся боком к Яхси, и, сделав недовольную мину, махнул на него лапой, как бы отмахивая надоедливую муху. Усену, видя, что он теперь не один, взял себя в лапы, и, пригнувшись передними лапами к земле, стал яростно шипеть, рычать, как мог, и демонстративно выпускать когти на лапах. Медведю явно пришлось не по душе, такое поведение уже почти сломленной и пойманной добычи, и только он хотел кинуться на барса, как волк быстро ринувшись к медведю, чуть не укусил его за бок. Только медведь хотел проучить наглеца, как в игру включился Усену, который оставил на медведе след от своих когтей. Медведь взревел от боли, и, встав к обоим боком, чтобы видеть каждого из них. Он явно немного приостыл, понимая, что теперь он окружен с двух сторон, а значит, ни к одному из них не стоит поворачиваться спиной. Но, как и водится, медведь не мог долго терпеть своего зажатого в тиски положения, и прибег к небольшой хитрости. А именно стал пятиться назад.

– Уходит! – бросил Усену.

– А то! – так же быстро подхватил Яхси.

Вскоре оба и не заметили, как оказались друг с другом бок о бок. Они слишком поздно поняли, что их провели. Лишившись единственного козыря, тисков, оказавшись по одну сторону, они перестали представлять для медведя большую опасность. Прежде, чем друзья все это осознали, медведь вдруг резко, рванул со всех лап вперед. не успели Усену и Яхси, что-либо предпринять, как в начале Усену, а за ним и Яхси, были сбиты с лап лапами медведя. Так как он наносил удары впопыхах, сбегу он не успел до конца выпустить все когти, так что Усену и Яхси еще повезло. Но они теперь оказались в не лучшем положении. Стоя друг подле друга на полусогнутых лапах, не в силах выпрямиться, как следует, лишенные как времени, так и надежды, Усену и Яхси, замерли в ожидании неизбежного.

Получив полный контроль над ситуацией, медведь, грозно ухмыльнулся, и впил в друзей, полный ярости, и вожацкой победы взгляд, с грозным ревом поднялся на задние лапы, оголив когти на передних, и готовясь нанести смертельный удар, один на двоих. Он явно проигнорировал и внезапное появление двух лисов Риша и Хис, кинувшихся к нему, прижавшихся к Усену и Яхси, в порыве последней надежды. Медведь на несколько секунд замер в ожидании. Как видно ему доставляло удовольствие лицезреть столь разнообразное меню в его будущем обеде. Но все же голод взял вверх над злорадством и он, в последний раз заревев коротко, как бы оглашая их конец, начал с яростью опускаться на четыре лапы, нависнув передними с когтями над друзьями.

Это точно было бы последнее, что увидели друзья перед смертью, если бы в происходящее не вмешался тот, на кого меньше всего рассчитывали в этот момент друзья. Это был это Усс, который не щадя сил тряс Хэна, пока тот не открыл глаз, а когда это произошло, они открылись еще шире у Усса, который только сейчас увидел в каком безвыходном положении, оказались его друзья. Отбросив все страхи, он с разбегу кинулся со спины на медведя. И подошел как раз в тот самый момент, когда медведь уже почти настиг друзей. Но внезапная боль в загривке, от укуса Усса, расстроила все планы медведя. Взревев от боли и неожиданности, он опустился на все лапы позже задуманного, и его лапы ни на кого не угодили. Воспользовавшись долгожданным спасительным моментом, друзья отпрыгнули в стороны, и снова медведю не повезло. Герой Усс, не мог долго продержаться верхом на медведе, и тот, спустя пару секунд, скинул его с себя, взмахом лапы. он был такой силы, что Усс, отлетел от медведя на несколько метров, упав на снег боком, и совершенно не подавал ни каких признаков жизни.

Злостно сверкнув взглядом в сторону Усса, который так подло расстроил его планы, медведь снова перевел взгляд на друзей. Яхси и Усену, как и Риш с Хис, понимали, что Усс лишь отсрочил приговор, и снова прижались друг к другу. Но все же поступок Усса показал, что нельзя сдаваться, каким бы отчаянным не было положение. Усену и Яхси, бросив друг на друга взгляд полный решимости, одновременно кивнули друг другу, и, закрыв собой Риша и Хис, оба они сделали по шагу по направлению к медведю, приняв оборонительные позы, оскалив пасти, и оголив когти. Медведь на доли секунды замер, взглядом как бы оценивая своих противников, но решив про себя, что это ни что не меняет, сделал несколько шагов вперед, к своей добыче. На его удивление, тоже сделали Усену и Яхси, явно давая понять мохнатому гиганту, что он им отныне не страшен, и они готовы это доказать, хотя и ценой жизни. Но до кровопролития этот поединок взглядов и замеров, Усену и Яхси, с одной стороны, и медведя с другой, не позволил довести Хэн, который в конце, придя в себя, и встав на все четыре лапы, уверенно двинулся к медведю.

– Оставь их в покое! – оглушительно, сурово и в то же время спокойно молвил Хэн, тоном как будто ничего и не произошло.

Услышав его голос, медведь резко повернул голову назад, и, увидев, что его первая жертва жива, и имеет наглость указывать ему, что делать, резко повернулся к нему лицом, а к друзьям спиной, косолапой походкой заковылял к Хэну. Тот ни сколько не испугавшись, также начал приближаться к нему. У всех друзей дух перехватило, а сердце в пятки убежало, когда они стали свидетелями, как Хэн и медведь, находясь друг от друга на расстоянии вытянутой лапы, вытянув морды, впились вдруг в друга взглядами.

– Уйди! – повторил Хэн, не потеряв ни хладнокровия, ни спокойствия.

В ответ медведь постоял несколько секунд, и по следующим действиям друзьям стало ясно, что предложение Хэна, не приемлемо для исполина.

Не сводя глаз с добычи, медведь медленно стал поднимать лапу, оголив когти, решив покончить со всем этим, раз и навсегда. Но прежде чем он ее поднял до конца, и притворил в жизнь задуманное, медведю со спины одновременно накинута Усену и Яхси, быстро сообразив, что это может их последний шанс на спасение. На этот раз, молча стерпев боль, мед-

ведь быстро скинул с себя волка и барса, и хотел покончить с меньшим из обоих. Но не успел он и шага сделать, как Хэн уже стоял возле, встающего на лапы, после падения, Яхси. Тогда медведь бросил взгляд на беззащитных Риша и Хис и сделал шаг в их сторону. Но тут же его взгляд уперся в Усену, который тоже быстро отошел от удара, и встал по левую сторону Хэна.

Таким образом перед медведем полукругом выстроились Яхси и Усену, вместе составляющие уже хоть какую-то силу, которая смогла дать достойный отпор медведю. Хэн, который во время всей этой передряги и бровью не пошевелил, вдруг начал шагать вперед. Совершенно уверенно и спокойно, как будто медведя и вовсе не было перед ним, и только его глаза даже не моргавшие, впились в него. Спустя несколько секунд, тоже самое сделали Усену и Яхси, решив, что, таким образом, они показывают свою готовность защищаться вместе до смерти последнего.

Волей неволей медведю пришлось начать пятиться назад, чтобы не оказаться в окружении трех зверей, явно рехнувшихся, и не понимающих с кем они имеют дело. Пройдя десять шагов, Хэн остановился и спокойно молвил медведю, который по инерции продолжал пятиться:

– Ступай с миром!

Друзья также остановились, как и Хэн. Усену, услышав его слова, до боли знакомые ему с детства, широко открыв пасть, впился в Хэна своими глазами, полными удивления. Медведь тем временем, неспеша повернулся к друзьям и Хэну спиной, и, обернувшись напоследок, как-то по-особому посмотрел на Хэна, и побрел прочь, вскоре скрывшись в чаще леса.

Как показалось Яхси, медведь не только по-особому взглянул Хэна, но и моргнул, и чуть опустил морду, что больше походило не на примирение, а на соглашение. Так же впившись в Хэна, вопросительным взором, Яхси, ожидая ответа. Но ни ему, ни Усену, Хэн и взглядом не ответил. Быстро развернувшись, он отыскал взглядом Усса, подошел к нему. У его тела, уже были Риш и Хис, которые кинулись к нему сразу, после того, как медведь начал пятиться.

– Он повел себя храбро, – молвил Хэн, приложив свою правую переднюю лапу к голове Усса, и закрыв на секунду глаза, продолжил:

– Живой! – закончил он, и как только он отстранил от его головы лапу, тот резко очнулся и закашлялся.

– Как ты? – посыпались со всех сторон вопросы.

– Где медведь?

– Ушел!

– Нормально... Было как-то холодно, но теперь все в порядке, – закончил Усс, и с участием Риша и Хис, поднялся на лапы.

В очередной раз Хэн заслужил вопросительные взгляды Усену и Яхси, у которых вопросы копились как снежный ком.

– Идемте, он может вернуться, – молвил Хэн, не дождавшись ни похвалы, ни вопросов, хотя вряд ли он их хотел слышать.

– Поищем безопасное место!

Не проронив ни слова более, он пошел вперед. Риш и Хис, вне себя от радости, что все так благополучно кончилось, молча последовали за ним, подпирая собой Усса, который еще не до конца оправился от удара и не мог пока передвигаться самостоятельно.

Яхси и Усену, бросив друг на друга вопросительные взгляды, медленно перевели их туда, куда ушел медведь и тут же поспешили за остальными, решив оставить вопросы на потом.

Спустя некоторое время, Хэн, который, как показалось Усену и Яхси, знал, куда их вести, привел всех друзей в безопасное место. Оно представляло собой расщелину в скале, отлично скрывающуюся от посторонних взглядов за зарослями молодых елей, которые как будто росли здесь не случайно. По крайней мере, так думалось барсу и волку, которые все это время хранили молчание, съедаемые изнутри вопросами и сомнениями, но не решавшиеся их озвучить

из уважения к тому, кто их спас, хотя даже и это казалось им странным. Но, так или иначе, быстро юркнув в заросли елей, вслед за Хэном, лисами и Уссом, они вскоре увидели то место, куда их привел Хэн.

Расщелина и правду с виду была укромной, и скрытой от посторонних глаз, а отвесный крутой склон, берущий здесь свое начало, исключал любые попытки напасть на них с тыла. Ведь это было совершенно невозможно. А если кто-то и осмелился на это, прежде чем достичь их, переломал бы себе все косточки, скатившись с утеса. Вход в расщелину находился чуть выше уровня земли, и чтобы увидеть его, друзья последовали за Хэном, и запрыгнули на полметровую глыбу, которая и служила холлом к входу, и так же удобной площадкой для отдыха, которую, и поспешили занять друзья, крайне вымотавшиеся за день. Хис, Риш и Усс расположились ближе к входу, почти прислонившись к скале, а Усену и Яхси, устроились поближе к Хэну, который почему-то не разделял их покоя.

– Я очень благодарен вам, – молвил он, после того, как все заняли свои места.

– Вы не только спасли меня, но и показали, что вместе вы и в правду сила, сокрушить которую мало что способно.

Только Усену и Яхси открыли рты, чтобы начать свои вопросы, как Хэн вдруг резко направился к елям.

– Куда ты? – обеспокоено спросила Хис.

– Я принесу вам поесть.

– Не надо Хэн, ну зачем? Мы рады и тому, что живы, – закончила лиса.

– И если мы и впредь собираемся такими оставаться, мы должны хоть немного поесть.

Не волнуйся, я буду очень осторожен, – закончил Хэн, посвятив последние слова Хис, и больше не став ждать быстро скрылся в елях.

Наступила неловкая тишина, которую спустя десять секунд нарушил Яхси, начав тихо возмущаться:

– Вам не кажется, что здесь что-то не так?

– Ты о чем? – спросил Усс.

– Я про все: об этом медведе, о том что случилось!

– А что не так? – спросил Риш.

– Разуьте глаза, я сам лично видел, как медведь чуть поклонился Хэну. Чует мое сердце, они были в сговоре.

– Не говори чепухи, медведь был настоящим, он и вправду хотел нас съесть, – молвила раздраженно Хис.

– Посмотри на Усса, ему здорово досталось, да и на себя взгляни, ты весь в ранах!

Яхси обвел глазами себя и Усену, и не желая сдаться, повернувшись к Усену, продолжил:

– Скажи Усену, ведь тебе тоже все это показалось странным?

– Больше всего его фраза – ступай с миром!

– Вот видите... Что? – резко переменился в лице Яхси, ожидав от Усену поддержки.

– Хэн в сговоре с медведем, а его интересует какая-то фраза!

– И вовсе ни какая-то! – поднял голос Усену, и грозно топнул лапой, – Ее любила повторять моя...

Следующее слово не далось Усену. он на миг отвернул голову от всех, пряча слезу, показывающуюся по его щеке.

– А что касается медведя, Яхси, то он был настоящим, и раны от его когтей тоже. не сомневаюсь, что целью его нападения была наша гибель, – закончил Усену, и прилег на снег.

Друзья, поняв, о чем говорил Усену, не осмелились ему перечить. Да и кроме Яхси, ни кто и не сомневался, что все не было игрой, в которой как казалось Яхси, Хэн и медведь дей-

ствовали сообща, выступая, как режиссеры и постановщики. Он хотел было снова начать этот бесполезный спор, но его намерения были прерваны резким появлением Хэна.

– Мне повезло, поймал их совсем рядом, – молвил он, запрыгнув на площадку и выпустив добычу из пасти.

Снова только Яхси скептически прореагировал на его слова, но все же поймал добычу Хэна, который быстро ее поделил, раскидав лапой каждому его долю.

Съев добычу за обе щеки, друзья и не заметили, как она закончилась, пролетев мигом. После чего тишину нарушил протяжный зевок Усса, эхом прозвучавший из уст всех друзей, которых, как и его разморило и резко потянуло ко сну.

Стояла тихая лунная ночь, сердца и думы друзей начали успокаиваться. Почувствовав себя в безопасности, как некогда, друзья решили устроиться на ночлег. Причем решив провести эту ночь под открытым небом. Первым, почти сразу вырубился Усс, затем к нему присоединились Риш и Хис, прижавшись друг к другу спинами. Чувствуя тепло друг друга, они вскоре уснули.

Только Усену и Яхси не могли ни как успокоиться. Каждый из них думал о своем, и эти мысли не вылетали у них из голов, и не давали покоя.

– Вас что-то беспокоит? – спросил Хэн, видя, что друзья ни как не улягутся, и тайком бросают на него вопросительные взгляды.

– Лично меня – нет! – буркнул Яхси. – Хотя знаешь, что?

– Да.

– Есть один вопрос – ты долго думал над своим планом?

– Яхси? – одернул его Усену.

– Нет, пусть говорит.

– Я все сказал!

– Яхси, я вижу, ты по-прежнему мне не доверяешь!

– Как можно, ведь ты нас кинул, уже во второй раз.

– Я хотел лишь вас поторопить, а заодно и проведать путь.

– А нам сказать не судьба!

– Я и не думал, надолго отлучаться от вас, и хотел возвратиться, когда вдруг на меня накинута этот медведь.

– Да, медведь! Что он вообще там делал, зимой-то? – все не успокаивался Яхси, мало веря словам Хэна.

– Не знаю! Но одно ясно наверняка – если бы не вы, я бы сейчас не разговаривал с вами. Я очень вам благодарен, и буду в вечном долгу перед вами, – закончил Хэн, зевнув и сделав вид, что он устал, лег на снег у края площадки, рядом с елями.

Усену укоризненно взглянул на Яхси, который что-то буркнув себе под нос, пошел укладываться на ночлег. Усену проводил друга взглядом, все еще оставался стоять подле Хэна.

– Хэн, – тихо молвил он, когда Яхси отошел подальше.

– А-а! – открыл глаза Хэн.

– Те слова, что ты сказал медведю...

– Ступай с миром! – вставил Хэн.

– Да, не мог бы ты сказать мне... Ты их где-то слышал, или...

– Да, Усену, слышал. Их произнес мой первый учитель, находясь на смертном одре, – ответил Хэн, и заметил на лице Усену, который опустил голову и опечалился, что вовсе не это он ожидал услышать.

– Иначе можно было сказать – Прости и отпусти! – закончил Хэн.

– Спасибо! – тихо молвил Усену и хотел уходить, но вдруг он встретился взором с Яхси, который все подслушал, и только делал вид, что спит, как, наверное, и все друзья.

– Скажи Хэн, – повернул голову к нему Усену, – Все, что сегодня произошло, это было вторым испытанием? Или все же, это произошло случайно?

– И да, и нет, – философски молвил Хэн, – Понимаешь, Усену, не все в нашей жизни можно спланировать, и тем более нельзя знать, чем все кончиться.

– Так – да, или нет! – повторил Усену, любя точные ответы, без уверток.

– Скажу одно Усену, все, что с нами случается, не случайно. И все не случайности, так же непредсказуемы, как и случайности, – после чего Хэн как то по особому взглянул на Усену, который мало что поняв из его слов, заковылял на свое место, грустно и не спеша, так как не получил удовлетворения и ясных ответов на свои вопросы.

Дойдя до Яхси, Усену тяжело и устало рухнул рядом с ним на снег, и, не желая больше сегодня ни думать, ни спорить, закрыл глаза, и спустя некоторое время уснул, без задних лап.

Яхси, который видя разбитого болью и горем друга, метнул недоверчивый взгляд на Хэна и увидел, как тот с такой жалостью и сожалением проводил взглядом Усену, что ему стало как-то не по себе, от своих пустых придировок и сомнений. Он поспешил отвернуться от Хэна. Закрыв глаза, волк уснул.

Только Хэн, еще долгое время не сводил глаз с Усену, не меняясь ни в лице, ни в чувствах, которые захватили все его нутро. О чем он думал? Сожалел ли или печалился, было известно только ему одному. Но чтобы бы это не было сегодняшней день, показал ему, кого он вызвался сопровождать, и кому обещал безвозмездно оказать помощь.

VIII Родные пейзажи в чужом краю

Очнувшись из-за непонятных шорохов и чьего-то шепота, совсем рядом, Усену после не столь спокойного сна, как ему хотелось, еле продрал глаза. Осмотревшись, он увидел, что его друзья уже были на лапах, и что-то активно обсуждали, встав полукругом. Протяжно зевнув, чувствуя себя сильно помятым и разбитым после вчерашнего, пытаюсь вспомнить кошмары, которые мучили его всю ночь, он тихо подошел к друзьям.

– Что решаете? – в голос спросил Усену, на что на него все пшикнули.

– Тс-с!

Взоры всех друзей были брошены на того, кого они не хотели беспокоить. Проследив за их взором, Усену обернувшись, увидел Хэна, еще спящего.

– Вы куда? – спросил тихо Усену, повернувшись к друзьям, и увидев, что совет окончен, и Яхси и Усс, направляются на цыпочках к елям у выхода.

– Мы подумали, и решили хоть как-то отблагодарить его, – молвил Яхси и пошел дальше.

– Мы на охоту! – пояснил Усс.

– Подождите я с вами, – хотел пойти с ними Усену, но Яхси, повернувшись его разубедил:

– Посмотри на себя Усену, ты еле держишься на лапах, отдохни пока, – закончил он, и они оба скрылись в елях.

– Что?! – чуть не в голос воскликнул Усену, но был одернут Ришем:

– Он прав, Усену, тебе вчера досталось больше всех.

– Нет Риш, – молвил Усену, не согласившись с другом. – Хэну намного больше, – закончил он, когда тот через сон, что-то невнятно проговорил на непонятном языке.

Может это был просто набор обрывков слов, или нагромождение гласных, но так или иначе, но друзья затихли, в ожидании продолжения. Но его не последовало, и друзья спустя полминуты, выбросили это из головы и продолжили разговор, шепотом.

– Риш, как вы?!

– На удивление хорошо спали, – ответила Хис, которая по виду и вправду выглядела свежей и полной сил.

– Ночь пролетела за считанные секунды, и я свеж как никогда! – подтвердил Риш, который по виду не уступал Хис.

– Повезло, – молвил Усену, – А я что-то не очень... Всю ночь снились какие-то кошмары, что и вспомнить тяжело.

– Кошмары? – молвил спокойным тоном Хэн, который неожиданно для всех проснулся, и стал свидетелем последних слов.

– Что именно тебе снилось, Усену? – спросил загадочным тоном Хэн, быстро подойдя к друзьям. Что сразу показалось немного странным, он даже не побеспокоился, или, вернее сказать, не придал значения, что Яхси и Усс, отсутствуют.

– Кажется... В основном обрывки из прошлого, настоящего... – начал Усену.

– Будущего?

– Нет, вряд ли, это невозможно, просто разум играл на моих страхах.

– Порой сны, рассказывают нам больше, чем мы можем увидеть своими глазами.

– А-а? – не понимая к чему он, протянул Усену.

– Переносят нас туда, где мы никогда еще не были, но возможно сможем побывать. Сны, это дорога к неизведанным мирам, которые нельзя не увидеть, ни потрогать.

– Нет Хэн! – воскликнуть Усену, которого слова Хэна пугали больше, чем раздражали. Ведь он привык жить настоящим, и прекрасно знал, как бывают порой опасны полеты в грезах.

– Это просто кошмары! – закончил он.

Своим мгновенным всплеском эмоций, он немного встревожил Риша и Хис, которые удивленно взглянули на друга.

– А где ваши друзья Яхсиус и Усс? – решил поменять тему разговора Хэн, обратившись к лисам.

– Это вы скоро узнаете, – ответила Хис, опередив Риша, – Это будет нашей небольшой благодарностью за наше спасение, и твою помощь.

– Это я перед вами в долгу, ведь вчера вы спасли меня.

– Ну так или иначе, Хэн, – послышался голос из-за ветвей, – Вот наше – спасибо! – закончил Яхси, и запрыгнул на площадку, с полной пастью мелкой добычи.

– Удивительно, здесь еды, больше, чем где бы то ни было, – подытожил Усс, следом за Яхси высвободив пасть от добычи.

После чего все застыли на месте, впив в Хэна взглядами, ожидая его действий.

– Право, не стоило так беспокоиться, – молвил он, и подойдя к добыче Яхси, выбрал себе по вкусу, взял в зубы и отошел с ней в сторону.

Хэн прилег и с явным наслаждением облизал добычу:

– Спасибо!

Чем негласно подал сигнал остальным друзьям к трапезе. Накинувшись на еду, друзья на глазок поделили все поровну и меньше чем за пять минут все дружно съели за обе щеки.

– Ну раз все мы уже подкрепились, набрались сил, и солнце давно взошло, предлагаю продолжить наш путь, – предложил Хэн, который на удивление всех друзей быстрее всех покончил с едой. И не успели друзья дожевать последний кусок, как он уже стоял перед ними, терпеливо ожидая окончания их обеда.

– Скажи Хэн, куда мы все-таки держим путь? – спросил Усену, который поев, отошел от ночных кошмаров.

– Все туда же, – коротко ответил Хэн.

– Звучит многообещающе, – заметил Яхси, вставая на лапы.

– И если честно Хэн, если бы речь не шла о спасении Усену, я бы ни за что бы, не последовал за тобой.

– Тогда у тебя еще больше причин доверять мне, – закончил Хэн, и молча направился к елям.

На удивление друзей, он не скрылся в них, и не поступил как и всегда, то есть не бросил их, убежав стремительно вперед. Напротив, он остановился у елей и повернулся к друзьям.

– Как это вежливо, – молвил с улыбкой Яхси, проходя мимо Хэна.

За ним последовал Усс, поняв шутку и скрывая улыбку, исчез в елях вслед за волком. Следующим пошел Усену, который немного смущаясь взгляда Хэна, прятал глаза от него, и старался смотреть в сторону. Хэн в свою очередь, бросив взгляд вслед за Усену, обернулся. Увидев, что Риш и Хис бегут следом, он медленно исчез в елях.

– Подождите нас, – прыгнул Риш и ускорил бег. Тоже самое сделала и Хис, но в последний момент резко остановилась.

Она вдруг услышала непонятный треск совсем рядом. Бросив взгляд на снег, она увидела заячьи следы, и, решив, что это чья-то шутка, вероятнее всего Яхси, лиса в один прыжок пригнула туда, откуда доносился хруст. Достигнув в пару секунд шутника, она вцепилась в него, и выволокла из-под ели. Но вместо Яхси или Усса, это оказался настоящий живой кролик. Удивившись не меньше ее, кролик забрыкался. Хис опешив, не стала его больше держать. Замерев от удивления, съедаемая одним вопросом, откуда здесь взялся кролик, Хис бросила взгляд на оставленные им следы, которые к невероятному ее удивлению вели к тому месту, где трапезничал Хэн. Не успела Хис, проследить цепочку мыслей и воспоминаний, еще раньше за момент до этого, как позади нее послышался голос Риша:

– Хис, ну где ты там?

Хис отмерла, бросила напоследок взгляд на кролика, который со всех лап спешил скрыться в лесу, и пулей кинулась на другую сторону елей, где ее так преданно дожидался Риш, пока все остальные шли, не останавливаясь вперед.

– Все в порядке? – спросил Риш, когда Хис выскочила на него, с глазами полными испуга, как будто за ней кто-то гнался.

– Да Риш! – ответила быстро она, и быстро овладев собой, кинулась за всеми вдогонку.

Риш не придав всему этому особого значения, поспешил последовать за ней, хотя от него не скрылся тот момент, что тон ее голоса звучал немного не искренне. Хотя это не смутило его, ведь он прекрасно знал, до чего может довести недоверие к ближнему, и раз Хис умолчала о чем-то, возможно, несущественном, значит на то у нее были свои причины, и не стоит искать в том причину для ссоры.

Первое время Хэн, вел друзей все выше в гору, держась в основном лесной чащи, подальше от чужих глаз. Как сразу осознали друзья, путь они держали на юго-восток, направление, которое не слишком сильно расходилось с их прежним, а значит, у них не было лишних поводов для беспокойства. На удивление друзей, путь, выбранный Хэном, вел больше не на вершину горы, а вдоль ее хребта, на что конечно друзья, подумали, у Хэна были причины.

Но спустя несколько часов непрерывного бега, Хэн решил повернуть к вершине хребта. Меньше, чем через полчаса друзья оказались на вершине. Достигнув того места, где лес был по реже, и откуда более всего открывался вид на окрестности, Хэн остановился, дав друзьям возможность осмотреть все, что открылось их взору. После нескольких минут восторженного лицезрения пейзажа, друзья сразу поняли, что бескрайним равнинам и небольшим холмам, что отшагали они вместе, пришел конец. Перед их взором открылся совсем иной пейзаж, не такой хмурый и однообразный, как раньше, покрытый густой растительностью, манящий к себе неведомой силой. Что же их так манило? Тот, кто хоть раз увидел собственными глазами, открывшуюся перед ними живописную картину, прекрасно бы понял их. Ну, а у того, кто не видел, представляется шанс, почувствовать все это великолепие.

Голубое лазурное небо, по-зимнему холодное, и одновременно, так притягательное, мягко ложилось на заснеженные верхушки гор. Их края, подсвеченные и искривившиеся, под действием яркого солнца, светившего откуда-то издалека, казались огоньками в ночи, так же согревающими взгляд, и так притягательными, что глаз нельзя было отвести. Спускаясь медленно глазами вниз по склону, перед взором встают массивные горы, покрытые сплошь снегом, и казавшиеся издалека воздушными замками, возведенными невиданными мастерами. На протяжении сотен лет они рукотворно вытачивали камушек за камушком, нанося все новые и новые штрихи, постоянно пополняя удивительную красоту этих мест. Эти замки не тянулись бесконечно и чуть ниже по склону уступали место, хвойным деревьям, где каждое дерево пережило не одно поколение людей, не переставая всю жизнь стремиться ввысь. Эти леса, тянувшиеся вплоть до самых низин, напомнили друзьям, прежде всего родные края, семьи, и тех, кто надеется и ждет их возвращения. Куда ни глянь, друзьям всюду мерещились знакомые холмы, низины, вершины гор и даже сам воздух напоминал им о доме. Места и вправду были очень схожи с их родными. Те же леса, та живность, населяющая их, похожий аромат горного воздуха.

Но от более острого зрения Усену, не смогли скрыться и различия, которые при пристальном наблюдении, оказались больше, чем схожестей. Во-первых, сама высота гор, и хребтов, тянувшихся до горизонта, была в два, а то и в три раза, ниже высоты гор его родных мест. Потому что для данной складчатости, крайне нехарактерны высоты Алтайских гор. Во-вторых, сама форма хребтов и гор, крайне отличалась от Алтайских. Все горы здесь имели в основном пологие склоны, и округлые шапки, нежели остrokонечные горы Алтая, с большим количеством острых скал, резких пропастей и расщелин. Да и сам воздух был здесь каким-то более влажным, нежели горный сухой воздух Алтая.

Но все же все эти различия, и сопоставления, не помешали Усену зачароваться сим пейзажем, и даже умиленно вздохнуть вслух.

Дав немного времени друзьям, чтобы они отошли от увиденного, Хэн одернув одного за другим, повел их дальше. На этот раз не ускоряясь, преследуя две цели: не подвергать опасности своих путников, и вторая, дать им возможность все как следует рассмотреть, и как можно скорее адаптировать их к новой местности. Хотя и удивленные и восторженные взоры друзей, не остались без реакции Хэна, который, то и дело оборачивался на них, не скрывая свою улыбку. Он, явно привыкший к здешним красотам, больше дивился их удивлению и непосредственной радости, чем окружающим его пейзажем, как будто первое было для него важнее.

Продолжая так путь, на протяжении нескольких часов, Хэн вскоре сделал небольшой привал, перед марш-броском. Встретив это решение с явным удовлетворением, друзей потянуло на разговоры. Без умолку они стали делиться друг с другом своими впечатлениями от увиденного, делая догадки, что они еще могут увидеть и узнать впереди. А после быстролетного перекуса, к Яхси вернулось его чувство юмора, и снова он стал натягивать лук сатиры, целясь прежде всего в Хэна. Который, на удивление друзей от чего-то погрузнел, и немного нахмурился.

Когда спустя несколько минут после перекуса, он снова поднял всех в дорогу, друзья заметили, отчего, может быть, он поменялся в лице. Небо сплошь до горизонта заволкло серыми свинцовыми тучами. Но особо переживать от нехватки солнечного света, им долго не пришлось, так как Хэн вскоре начал убыстряться, переходя на бег. Друзьям, чтобы не отстать, пришлось поднажать.

IX Ревность

Вскоре друзья почувствовали, что вслед за солнцем начала исчезать и их веселость. Под тяжестью свинцовых серых туч, опускавшихся все ниже и ниже, приближающихся к земле, из них словно выдавливалось все положительное, что еще недавно так помогало им в пути. И на место этих чувств выползала наружу серая, гнетущая тоска, за считанные минуты, охватившая всех без исключения друзей, и каждого по-своему.

Якси, например, ощутил сильный прилив нестерпимой злости на всех, кто его окружал, в особенности на Хэна. Усену, Риша и Хис, съедала нестерпимая тоска по дому, боль утраты своего места в жизни. Усса печаль ударила в ахиллесову пяту – надежду отыскать любимую, и начали грызть отчаяние и грусть. Плюс ко всему этому, к серому облаку, закрывшему свет друзьям, воздух вдруг стал невыносимо тяжел и сыр, и дышать им, приходилось с трудом. Только Хэн, с виду казался невозмутимым и непоколебимым. Друзья чахли на глазах, слабели их лапы, мутился разум. Все большую власть обретало над каждым серое облако, проникая вглубь их душ, ища там потаенные страхи, и приобретая при помощи них, все больший контроль над ними.

Вскоре в округе и вовсе все погрузилось в серый туман, был ли который по-настоящему, или друзьям просто мерещился. Но так или иначе, но друзья в конец остановились, не найдя в себе сил ни для продолжения бега, ни для сопротивления гнетущей тоске. Хотя друзья и держались рядом друг с другом при беге, но остановившись, каждый из них, подняв глаза, не увидел никого рядом. Каждый из них оказался совершенно один, в окружении непроглядного серого тумана, морозящего как сердце, так и душу. Все, что происходило с каждым из них, казалось им нереальным, и походившим на ночной кошмар.

– Хис! – зазывно крикнул Риш, испугавшись, прежде всего за нее, затем оглянувшись, и никого не увидев, еще громче закричал:

– Где ты, Хис? – эти слова исчезли во мраке, и отдались оттуда тихим эхом.

– Усену, Якси, Хис! – не на шутку перепугался Риш, широко выкатив глаза, и нервно оглядываясь по сторонам.

– Где вы все? – жалобным криком кричал Риша, все больше чувствуя, что темнота и серость вокруг давят на него все больше.

Скужившись всем телом, лис стал пятиться, назад. Но сделав один шаг назад, серый туман приблизился на два. Убыстрив шаг лис – вдвое быстрее убыстрился и туман. Вне себя от нахлынувшего на него, нестерпимого страха, Риш хотел кинуться со всех лап прочь от него, как заяц. Но неожиданный звук, а точнее чье-то жалобное прерывистое сопение, вмиг привлекло его внимание. Лис прогнал мысль о бегстве. Повернувшись в сторону шума, Риш вдруг увидел чей-то силуэт, очень похожий на Хис.

– Хис?! – тихо молвил лис, и кинулся к фигуре, которая низко опустила голову, и плакала. Достигнув ее, Риш и вправду подумал, что это Хис, так эта фигура, оказавшись тоже лисой, была похожей на Хис.

– Что случилось, Хис? – нежно прошептал Риш, и точно не убедившись она ли это, приобнял ее.

– Спасибо! – ответила она незнакомым голосом.

– Ты не Хис! – одернулся от нее Риш, и тихоньким прикосновением лапки, приподнял ее мордочку.

– Я потерялась, – жалобно молвила незнакомка, не переставая плакать.

Риш первые секунды опешил, ведь ожидая увидеть Хис, он увидел такую хрупкую, несчастную лисичку, с такими глазками, полными несчастья, что и глаз нельзя было отвести.

– Мне так страшно, – продолжала она, спустя несколько секунд, – Я здесь совершенно одна, и совсем не знаю где я... Ох, я пропала, – и пуще прежнему залилась слезами.

– Ну, ну, не надо, так отчаиваться, – расхрабрился Риш, и из сострадания положил на нее лапку.

– Ты сможешь мне?! – вопросительно молвила она, подняв на Риша свои бархатные глазки, которым было невозможно сказать – нет!

– Помогу! – согласился Риш, и тут же оказался в объятиях благодарности.

– Спасибо, спасибо! – в которых он не замедлил растаять, и дал волю чувствам, и обнял лисичку со взаимностью.

– Риш, – молвила Хис, оказавшись в полном одиночестве, в окружении непонятного серого тумана.

– Усену, Яхси, Усс, Хэн, где же вы все?! – кричала лиса, но ответа не последовало. Она повторила свои попытки докричаться до друзей, но они не принесли ни какого результата.

– Этого не может быть! Наверное, все это мне снится? – и в доказательство своих слов она решила прикусить свою лапу.

– А-я-й! – взвизгнула Хис, почувствовав боль, и осознала, что это не сон.

– Что же ты, Хис, – слышался голос позади лисицы, – Тратишь свои силы, чтобы кусать себя, – явно с усмешкой закончил голос.

Хис обернувшись, была крайне удивлена, если не сказать напугана.

– Альхю! – прошептала она, увидев перед собой, в десятки шага, черную лисицу, принесшую столько бед как ей, так и всем ее друзьям.

– Не приближайся! – взъерошилась Хис, почувствовав, что ее появление не сулит добра.

– Так-то ты встречаешь старую подругу?! – усмехнулась Альхю, и без всякой опаски подошла к Хис ближе.

Затем она остановилась в нескольких шагах от нее.

– Что тебе надо, и что ты здесь делаешь?

– Хис, Хис, до чего ты негостеприимная, ведь я здесь, чтобы помочь тебе.

– Мне не нужна твоя помощь!

– Забавно, а пару секунд назад, я слышала твои крики, которые были наполнены страхом.

– Я здесь с друзьями, уходи!

– Хис, Хис, – осмотревшись кругом, молвила Альхю, – С какими друзьями?! – с сарказмом оглядела пустоту вокруг Хис.

– Я, я... – занервничала Хис, понимая, что и вправду осталась одна.

– Ты потерялась Хис. Ой, как я тебя понимаю... Но знаешь, что... Я могу помочь тебе, – зазывно начала Альхю.

– Как? – безнадежно молвила Хис, которая была доведена до отчаяния серостью вокруг себя, и словами Альхю.

– Я помогу отыскать тебе одного из твоих друзей.

– Одного?!

– Выбери, да поскорее, а то у меня еще полно дел.

– Риша, помоги найти Риша! — за одну секунду приняла решение Хис, чем немало порадовала Альхю, которая, не скрывая ехидной улыбки, повела Хис за собой.

Через несколько секунд она остановилась, взмахнула черной лапкой, как бы разгоняя туман, и перед удивленным взором Хис возник силуэт Риша, который прояснялся с каждой секундой.

– Риш! – выкрикнула Хис, и бросилась к нему бежать, но через мгновение осеклась, увидев, что он не один.

– Ах, какая жалость, – молвила шипяще Альхю, подходя ближе к Хис, которая замерла на месте, как вкопанная.

– Ты так любила его, всячески заботилась о нем, жалела, холила, души в нем не чаяла, а он...

Альхю говорила медленно, постоянно переходя на шипение.

– Стоит только ему остаться одному, в стороне от твоего взгляда, как он тут же нашел себе другую, помоложе, красивее, одним словом – идеал! Смотри Хис, он нашел прекрасную замену тебе.

– Замолчи! – не выдержала Хис, закричав во все горло на Альхю, которая и не собиралась успокаиваться.

– Как нежно он ее обнимает, как раньше тебя Хис. А с какой любовью смотрит в ее глаза, в точь-в-точь, как некогда смотрел в твои глаза. И как ей, наверное, сейчас тепло в его объятиях, ведь его сердце может согреть в любую стужу.

– Перестань! – застонала Хис, опустившись к земле, затыкала свои уши лапками.

– Смотри, смотри, – не переставал шипеть Альхю, слова которой принимали Хис в самое сердце, сжимая его и отравляя гнусной желчью.

– Как он счастлив рядом с ней. Он уже наверняка забыл про тебя! Не благодарная свинья, после всего, что вы пережили вместе, он предпочел другую! Его сердце изменило тебе, очернив самое святое, что у вас было общего – любовь. Смотри Хис, смотри, твои страхи оправдались. Риш не выдержал, он бросил тебя, заменил на другую, скомкал и порвал вашу любовь на мелкие кусочки. Он ничтожество Хис, пустое место, бесхребетное существо, червяк, слюняй, – все яростнее и громче говорила Альхю.

Хис от последних слов, и вправду стала мрачнее и суровее. Она перестала закрывать уши, встала на все лапы, и не сводя глаз с Риша, снова замерла, даже не глядя на Альхю, описывающую вокруг нее не первый круг.

– И что же мы сделаем с ним?! За свою неверность, и предательство, он заслужил самой жестокой кары – смерти! Давай Хис, бросься на него сейчас, пока он еще здесь, застань их врасплох, и заставь обоих заплатить за твои обиды и горе! Будь смелее Хис, и покончи с ним раз и навсегда, размажь этого жука по земле, вычеркни его из своей жизни, и забудь, и ни когда не вспоминай про него. Сделай это сейчас, и ты никогда больше не будешь бояться быть брошенной и никому ненужной. Без него твоя жизнь станет куда проще и веселее, чем сейчас. Давай Хис, ведь ты сама этого хочешь!

Последние слова Альхю произнесла как то по-особому, вкрадчиво, как могло показаться со стороны, совсем другим голосом.

В этот самый момент, когда Альхю так ревностно, уговаривала Хис, лисичка Риша, подняла на него свои бархатные глазки, которые почти просохли, и с нежностью молвила:

– Идем, Риш. Мы вместе отыщем моих родных, – и отстранившись от него, стала легонько тянуть его за лапку, как бы приглашая последовать за ней. Риш еще долю секунды сомневался, но в конец не смог совладать с собой, и под действием чар этой милой маленькой кудесницы, последовал за ней.

Хис, которая прекрасно все это видела, не сдвинулась с места. Зато Альхю, накинулась на нее с новой волной гнева:

– Дура, смотри, твой Риш, пошел с ней! Он уходит, уходит! Да не стой же ты на месте, бросься на него, и разом прекрати свои мучения.

Хис, вне себя от ревности, и от подливаемого масла в огонь Альхю, и в правду собиралась сделать, то, что ей советовала Альхю. Она вся оцетинилась, как ежик, глаза загорелись красным пламенем, а сердце так и разрывалось от горя и смятения.

Но в самый последний момент, когда Хис готова была кинуться Ришу вдогонку, а Альхю праздновала победу у нее за спиной, Хис вдруг резко остыла. Ее глазам вернулся первоначальный цвет, они просветлели, как и ее разум. Шерсть стала укладываться сама собой на место.

– А-а-а! что ты делаешь?! – запинаясь, начала Альхю. – Риш он... Он, уходит!

– Пусть уходит! – тихо спокойно и смело ответила Хис.

Повернувшись лицом к Альхю, она смело заглянула ей в глаза:

– А знаешь Альхю... Ты все же не ошиблась...

– Но, как?! Ведь, он... – хотела запротестовать Альхю, указывая туда, где исчезал из виду Риш с лисичкой.

Хис больше и глазом не взглянув назад, заткнула ее:

– По крайней мере в одном – страх остаться одной, сыграл со мной злую шутку. Мое сердце знает, что Риш никогда бы так не поступит. Но все же, я попала на твою удочку, и позволила тебе затуманить мне глаза... – с каждым произнесенным словом Хис смелела и с угрозой приближалась к Альхю, а та начинала пятиться.

– И диктовать, что мне делать. Верно Альхю, или как там тебя?!

– Ха-ха-ха-ха, – резко остановившись, засмеялась Альхю, – Как ты наивна и глупа. Я куда старше, чем ты, или другой разумный обитатель земли. Мое рождение произошло тогда, когда первая женщина пригрела на груди змею, и позволила ей отравлять ей жизнь. Имя мне – Ревность! – прошипела Альхю, и миг обернулась огромной змеей, выше Хис раза в три.

– Бедная девочка, ты и в правду веришь, что он вернется?

– Верю! – смело ответила Хис, готовясь к схватке, которую нельзя было миновать.

– Глупо, не верить тому, что видишь-шь! И надеяться на то, чего не будет!

– Это мы еще посмотрим.

– Тебе меня не победить! Многие тысячи лет я кочевала из сердца в сердце, и всякий раз не знала поражений. Но победу над таким сердечком, я запомню надолго! – прошипела змея, высунув свой раздвоенный язык, и оскалила клыки.

– Рано празднуешь! – воскликнула Хис, и, прыгнув, накинулась на змею.

Завязалась ожесточенная схватка, между Хис, норовившей перекусить змее горло, и Ревностью, извивающейся как можно, чтобы не дать себя укусить, и покрепче сжать настырную лисицу в своих объятиях.

– Ой, как обрадуются мои родители, когда мы найдем их, ты обязательно должен погостить у нас, – трещала как трещотка лисичка, увлекая Риша, все дальше вперед.

Но чем больше она ликовала, и все дальше увлекала его за собой, тем неохотнее он делал шаг за шагом. Нос лиса все больше клонился к земле, а уши так и падали.

– Постой! – в конец не выдержав, молвил грустно Риш, останавливаясь.

– Что такое, что-нибудь случилось? – подбежала к нему лисичка, и взглянула ему в глаза.

Но и это не подействовало. Риш по-прежнему оставался мрачен.

– Понимаешь, я не могу...

– Чего?

– Не могу тебе помочь.

– А-а! – резко отстранилась от Риша лисичка, явно испугавшись этого ответа.

– Нет, я бы, конечно, хотел помочь, ведь сам когда-то был в подобной ситуации... Но меня останавливает зов сердца. Да, у меня есть та, ради которой я готов жизнь отдать.

– Но я не прошу предавать ее, лишь помочь мне, – вкрадчиво молвила лисичка, снова подбираясь к сердцу Риша.

– Я знаю, знаю... но все же ты просишь все вот так бросить, и уйти с тобой.

– Нет, нет, никого не бросай, лишь помоги.

– Помочь тебе – это и есть то, о чем я говорю. Это трудно понять, но все же...

– Нет, не надо... Можешь не утруждаться, я все поняла, – пустилась в слезы лисица, и повернулась от Риша.

– Не плачь! Дело не в тебе, и даже не в самой просьбе! дело – во мне... Однажды я уже, подвел своих друзей, послушался чужих уговоров, и бросил их. даже ту, которую так сильно люблю, я предал. И с тех пор меня мучает страх, повторить все это заново. Снова поступил так, не совладать с собой, и хоть на миг, но позабыть про Хис...

Риш, явно помудрев, подошел к плачущей лисице, поднял ее мордочку, с нежностью чмокнул ее в лобик, отчего та немного повеселела.

– Ты не будешь больше плакать? – лисица в ответ, глотая последние слезы, закивала головою.

– И не будешь отчаиваться, и сейчас же начнешь поиски своих родных? – улыбнувшись, она закивала головой.

– И не будешь дуться на меня?

Лисица явно не хотела отвечать.

– Ну же, кивни! А то мне придется прибегнуть к секретному оружию...

Риш в шутку пару раз пощекотал лисицу, отчего та сдалась и закивала.

– Другое дело, а теперь ступай. Ты своей дорогой, а я своей.

– Спасибо, – тихо сказала лисица, медленно направилась дальше.

На прощание Риш помахал ей лапой, улыбка лисицы, была ему ответом.

Битва между Хис и Ревностью, затягивалась. До сих пор ни одной из них не удалось нанести смертельного удара своей сопернице. Изматывая друг друга, они то расцеплялись, гоняясь друг за другом, то снова сцеплялись, и не видно было конца этой схватки. Вдруг в один прекрасный момент, Хис сквозь шум схватки, услышала голос любимого.

– Слышишь змея, я была права! – прорычала Хис, и еще с большей силой и натиском накинулась на нее.

– Этого не может быть! – лишь успела вскрикнуть Ревность, прежде чем место их схватки окутал густой туман.

– Хис, Хис, где ты, это я Риш, твой навсегда! – воодушевленно кричал Риш, прыгая от счастья, что, наконец, смог побороть свой страх.

– Хис! – вдруг резко осекся он, увидев неподалеку чью-то лежащую фигуру.

Кинувшись к ней, Риш не ошибся, то была Хис, вцепившаяся зубами в змею, размером не больше ее.

– Хис! – жалобно повторил Риш, высвободив пасть Хис от змеи, и отшвырнул ее в сторону.

– О, Хис, мне так много надо было сказать тебе... Но я все стеснялся, и вижу, что зря, – закончил Риш, опустив голову над любимой.

– Не нужно слов, – тихо ответила ему Хис. – Я все прекрасно вижу, и чувствую к тебе тоже самое.

– О, Хис, ты жива! – воскликнул Риш, подхватил ее на лапы, и, приподняв обнял ее, со всей добротой и нежностью.

– Твое сердце Риш, говорит само за себя, – молвила нежно Хис, прижавшись к Ришу еще плотнее, чувствуя, как тепло его сердца, согревает и ее.

Х Ненависть и Отчаяние

– Усену, Риш, Хис, Усс, где вы? – кричал Яхси, оказавшись вдруг в совсем непонятном месте, окруженный густой пеленой тумана.

Вдруг он услышал чьи-то шаги. Обернувшись в ту сторону, откуда они доносились, волк встал в ожидающую позу, готовый принять непрощенного гостя во все оружие.

– Риш, Хис, Усену, Яхси, Хэн, куда все запропастились?! – кричал Усс, находящийся на другом конце того же места, окруженного туманом.

Ничего не видя, и совсем не разбирая дороги, он просто шел вперед, натужно говоря сам с собой, чтобы хоть как-то выдержать ту гнетущую силу, что давила на него со всех сторон.

Наконец впереди себя он увидел чей-то знакомый силуэт, и, не разбирая, кто это, кинулся ему навстречу. Но как только он оказался достаточно близко, чтобы разглядеть кому он принадлежал, он резко остановился. замерев на месте, от охватившего все его нутро удивления, смешанного с нетерпением.

– Хэн, что ты здесь делаешь? – спросил грозно Яхси, увидев в приближающемся существе ненавистного ему барса.

– Амма? – вдруг вскрикнул Усс, увидев напротив себя, именно ту, ради которой теперь жил, и хотел кинуться к своей любимой, но ее голос остановил его.

– Не приближайся! Не знаю, что ты задумал, но тебе не удастся меня провести! – рычал Яхси, видя перед собой не Усса, а Хэна.

– Амма, это же я, Усс, твой возлюбленный, зачем мне тебя обманывать?! – ничего не понимая молвил Усс, поведение возлюбленной, немного его ошеломило.

– Ты мне не друг, Хэн! Стой на месте!

– Но как же Амма, это же я Усс! – хрипел жалобно Усс, видя перед собой не Яхси, а Амму.

– Я вижу кто ты!

– Если это и вправду ты, вспомни, как мы любили друг друга!

– Ты лжешь Хэн, мы никогда не были друзьями. Дружья не бросают друг друга в опасности!

– Но Амма, я и вправду, пытался! В ту ночь я гнался за тем грузовиком до самого утра, пока...

– Ты бросил нас Хэн, и ни к чему твои объяснения, я больше не верю ни единому твоему слову.

– Амма, прошу тебя не надо, ты все для меня, без тебя моя жизнь будет никчемной!

– Ищи друзей в другом месте, оставь нас!

– Но я не могу, – переходя на слезы, молил о прощении Усс. – Ведь я люблю тебя, и всегда буду любить тебя!

– И ты еще смеешь говорить о привязанности?! Ты бросил нас, это все перечеркивает.

– Прости, прошу, прости меня Амма, – уже ползком молвил Усс, заливаясь слезами, – Я сделал тогда все, что мог.

– Это верно, все что мог, – вне себя от злости хрипло усмехнулся Яхси над Хэном.

– Неужели Амма, ты никогда не простишь меня?!

– Простить тебя?! Что за вздор?! Да за твои поступки, тебя разорвать мало.

– А-а! – прохрипел Усс, слова Аммы, повергли его в крайний ужас.

Раздираемый им, а также отчаянием и печалью, чувствуя, что сердце вот-вот разобьется на куски, не в силах больше смотреть на ту, которую так сильно любил, и которая сейчас так нестерпимо жгуче мучила его, Усс опустив взор, прикрыв мокрые глаза лапами.

– Что случилось Хэн?! – не остывал Яхси, чувствуя внутри себя настоящий огненный ураган ненависти, который так и рвался наружу.

– Ни как – тебе стыдно?

– Да Амма, я сгораю от стыда! – прохрипел печально Усс.

– Брось показуху Хэн, ведь я чувствую, что все это – ложь! – перейдя на рычание, кричал Яхси. – Подними же на меня глаза!

– Да Амма, – смирился Усс, подняв глаза, и впив их в глаза своей возлюбленной, которые казались совершенно стеклянными, лишенными к нему, всяких чувств.

– Может это и ложь, но что я знаю точно, Амма, так это то, что некогда мы любили друг друга, клялись в верности до конца, и пообещали любить вечно. Не знаю, как мы дошли до этого, но если ты хочешь, я уйду!

– Правильно Хэн, скатертью тебе дорожка, и никогда, слышишь, никогда не возвращайся!

– Если это твоя воля Амма, я подчинюсь. Но прежде чем уйти, напоследок я скажу, что даже если земля развернется передо мной, и солнце навечно скроется во тьме, знай Амма, что и тогда – я не перестану тебя любить! Прощай Амма, от всего моего разбитого сердца, желаю тебе счастья! – печально молвил Усс, а закончив, хотел уйти прочь, но голос вновь остановил его.

– Обещать мне счастья, не в твоей власти, и не спеши так быстро смываться. Прежде верни мне моих друзей

– Ты все издеваешься, ведь ты знаешь, что время не повернуть вспять, а значит, я не могу вернуть тебе те месяцы, что ты выстрадала со мной!

– Как это – невозможно?! Ты сам завел нас сюда, а еще говоришь, что это не твоих лап дело! Знаешь, что Хэн, во всем этом случившемся виноват, прежде всего, ты.

– Амма, ты можешь винить меня во всем, в чем захочешь... Но говорить, что я отравил тебе жизнь – Нет! Одумайся Амма, послушай, что ты говоришь, я не верю своим ушам.

– Не отнекивайся Хэн, – сняв себя с цепи, начал быстро приближаться Яхси к Хэну, – И перестань строить из себя невинную овечку. С волком такие штучки плохи, – клацая зубами, продолжал он.

– Амма, прошу тебя, остановись пока не поздно! – начал пятиться Усс, после грозных слов его возлюбленной, которая ясно дала понять, что больше не в силах терпеть его.

– Что же ты пятишься Хэн? Боишься меня?!

– Нет Амма, не боюсь! Я знаю, что где-то в глубине твоей души, еще теплится огонек любви.

– А зря, ведь искорка моего сострадания давно угасла.

– Не может быть!

– Может, еще как может. Ты Хэн, убил во мне все хорошее, что во мне было, ты лишил меня друзей, надежды на возвращение домой, и ты за это заплатишься.

– Нет Амма, это не я! Я бы никогда не причинил тебе вреда, – остановился Усс, поняв, что только так сможет подтвердить свои слова.

– Остановись Амма, прошу, мы еще можем все исправить, и все начать сначала...

– Как ты наивен Хэн. Прошлое не вернуть, а значит уже поздно, что-либо, менять.

– Тогда остается одно... – скорбно молвил Усс, взглянув в глаза Амме, которые по-прежнему были безучастны.

– Хочешь погубить – губи! – крикнул он, и его слова летели из самых глубин его сердца, после которых он кинулся навстречу Амме.

– Покончив с этим раз и навсегда, – воскликнул Яхси, с рычанием накинулся на Хэна.

Завязалась ожесточенная схватка, в которой Яхси всячески старался вцепиться в шею Хэна, а Усс, старался как можно меньше причинить Амме вреда, все время ловко изворачиваясь и пытаясь прижать ее к своей груди.

Судьба этой схватки была предрешена заранее. Яхси и Усс, даже и не подозревали, что борются друг с другом. Ненависть и Отчаяние, охватившие каждого из них, лишь подливали

масло в огонь и со стороны наблюдали, что из этого получится. Их страхи приняли форму тех иллюзии, что видел и слышал каждый. Но урон, наносимый в схватке, был реальным, и нес настоящую, а не иллюзорную боль и угрозу быть убитым от лап друга.

Как я уже сказал, результат этой схватки был заранее известен. Усс никак не мог выстоять против озверевшего волка, да и иллюзия, что против него борется его любимая, не давали ему сил на сопротивление. Он просто потерял вкус к самой жизни, сопротивлению к ее невзгодам и бедам. Предательство Аммы было сильнодействующим оружием против него.

Что касается Якси, то Ненависть не ошиблась, выбрав образ Хэна. Того, кто не вызывал особого у него доверия, и даже наоборот вызывал чувство отвращения, от которого до ненависти был один шаг. Она умело подтолкнула Якси напасть. Спустя полминуты после начала неравной схватки, Якси удалось вцепиться в шею Хэна, повалить его на бок, и обездвижить. Злостно рыча, он прохрипел:

– Ну что Хэн, доволен?

– Я счастлив, ведь я умру в твоих объятиях, – на последок прохрипел Усс, обняв, вцепившуюся в его горло, Амму, как мог, и спустя несколько секунд стих.

Его глаза закрылись сами собой, но его сердце еще не переставало биться, а значит, не угас слабый огонь надежды, теплившийся в нем.

На мгновение Якси, чувствуя вкус победы, закрыл глаза. Но тут почувствовал, что-то жгучее, обнявшее его лапу. Он медленно открыл их.

– А-а! – воскликнул Якси, разжав пасть, увидев, что вместо поверженного врага Хэна, его друга – Усс, лежавшего подле него, намертво вцепившегося в его лапу.

– Усс?! Но... но... Как?! Ведь это, был... Нет! – сто раз переменившись в лице, прохрипел Якси, склонившись над своим другом.

– Как я мог! – прохрипел он, не сдерживая слез, понимая, что натворил.

– Это все... Это все... – осекся волк.

– Я виноват. Моя ненависть и недоверие, затмили мой разум... Прости мой друг, я не хотел... Хотя – нет! Именно этого я желал все это время... Но моя ненависть сыграла со мной злую шутку, и направила меня против тебя. Бедный Усс, ты ни в чем не виноват. Это все я! Я – жестокий и бездушный убийца.

Якси умолк, так как подбежавший к горлу ком не позволял ему больше говорить, а его слезы отчаяния и раскаяния, в конец затмили ему взор. Ему ничего не оставалось, как молча, склониться над Уссом, скорбно плача и внутри бичевать себя за содеянное. Капля за каплей слезы Якси, падали на Усса, впитываясь в него.

– Ам-ма... – прохрипел вдруг Усс, – Я знал, что ты, простишь меня, – еле слышно простонал Усс, не открывая глаз, и находясь как бы в полудреме.

– Усс! – воскликнул от удивления Якси, и быстро утерев нос и слезы, стал ощупывать Усса, отчего тот стал потихоньку приходить в себя.

– Что случилось, где Амма?

– Ее здесь не было Усс, как и Хэна. По вине нас самих, мы чуть не убили друг друга! – протараторил Якси, не скрывая радости, что друг жив.

– Но я помню, как она душила меня...

– Это был я, Усс, прости!

– Ты?! – ничего не понимая, подняв голову, прошептал Усс, но увидев Якси всего в слезах понял:

– Значит, Амма не виновата...

– Никто не виноват, не твоя Амма, не ты, а только – я!

– Ах, Якси... Если бы не ты... Мне бы не почудилась моя Амма... Все это время я только и боялся что, когда ее найду, она не простит меня. Ведь я не смог ей тогда помочь... И вот к чему это все привело!

– Понимаю Усс, понимаю... И прости! – приобнял волк раненного Усса.

Тот не замедлил обнять волка, со всей взаимностью. Огонек надежды вновь загорелся в сердце с прежним жаром, и даже еще большей теплотой, ведь оно освободилось от оков его окружавших, и не дававшим покоя, его хозяину.

– И ты прости! – молвил Усс.

Оба, согреваемые теплотой сердец друг друга, закрыли глаза, полные надежд, что подобное впредь больше не повторится.

XI Унесу

– А-а, кто там? – вскрикнул Усену, вдруг оказавшись совсем один, в непонятном месте, окруженный туманом.

– Яхси, Риш, Хис, Усс, Хэн! – прокричал Усену, во второй раз, услышав непонятные шорохи у себя за спиной.

– Покажись! – в третий раз молвил Усену, но на этот раз мог точно поклясться, что он здесь не один.

– Ха-ха-ха-ха, – прозвучал чей-то восторженный с хрипотой, смех.

Спустя несколько секунд, испуганному взору Усену, показалось существо, сплошь темного цвета, напоминавшего по форме барса.

– Усену, не стоит так пугаться...

– Ты кто?

– А ты не узнаешь? – молвило существо, остановившись на месте, больше походившее на чью-то тень, вставшую на землю.

– С чего мне тебя узнавать?! Впервые вижу, – немного напугано и обескураженно прохрипел барс, нутром чувствуя, что здесь что-то не так.

– Ты обижаешь меня Усену, ведь мы как не как родственники. Если не сказать больше – мы как две части единого целого.

– Что ты? – повторил Усену, не понимая слов незнакомца.

– Я твоя тень Усену, и имя мне – Унесу, – молвила тень, и сделала шаг вперед.

Усену невольно сделал шаг назад.

– Я отражение самого тебя, Усену, я та часть, что не дает тебе покоя по ночам...

– Уйди, прочь! – крикнул Усену.

– Прочь?! – повторила тень, затем грустно засмеявшись, продолжила:

– Как я могу оставить тебя, если я твоя тень, твои самые жуткие страхи, та часть тебя, что превосходит тебя и по силе, и по уму.

– Ты лжешь!

– Нет Усену, лжешь сейчас ты. Меня ведь не обманешь, я слышу все, что ты думаешь, и чувствую, все, что ты чувствуешь... Признай Усену, ты всегда был слаб, и опирался на других. Сам ты ничего не стоишь, особенно сейчас, когда оказался один. Все твои мысли, страхи, чувства видимы мне, ведь я уже почти полностью овладела тобой.

– Это неправда, этого не может быть! – выкрикнул испуганно Усену, понимая сам, что слова тени не лишены доли правды.

– Не может?! Но это все-таки происходит. Ты сам прекрасно чувствуешь, как день ото дня, тебе все труднее приходится заставлять себя тронуться в путь. Ты потерял всяческие ориентиры, и больше не веришь в успех своего пути. Да-а, Усену, твой путь напрасен... Ты даже не знаешь сам, почему еще не сдался, и не повернул назад. Признай Усену, твоя цель слишком недостижима, а мечты слишком заоблачные, чтобы когда-нибудь воплотиться в жизнь. Ты слабеешь день ото дня, а я, наоборот, все больше охватываю тебя, и совсем скоро, ты полностью станешь моим!

– Нет, нет, ни за что! Я верю в свои мечты, и следую своей цели, – запинаясь, кричал Усену, отступая назад под натиском тени, начавшей приближаться.

– Тебе не стоит бояться меня. Ведь я – та часть тебя, что укажет новый путь. Путь, куда более лучший и простой. Не упирайся Усену, ведь я все слышу, – молвила вкрадчиво тень, проведя пальцем передней лапы по уху.

– Ты сам знаешь, что рано или поздно, но всему этому придет конец. И ты останешься совсем один, без цели, без всякого смысла жизни и друзей, – продолжала тень, начав описывать круги вокруг Усену.

– Так если это рано или поздно произойдет, так почему бы тебе не бросить все сейчас, когда ты менее всего зависишь от этого?! – убыстряла шаг тень. – Начнем новую жизнь, только ты и я, вдали от всего мира, высоко в горах, где не водится ни один человек, где весь мир будет принадлежать только нам, и ни кому больше. Больше не будет бед, несчастий, переживаний, житейских хлопот, никаких воздушных замков не надо будет возводить, а значит и не придется наблюдать, как они будут рушиться под ударами судьбы. Это идеальный мир, Усену, мир в котором нет места превратностям судьбы, предательству, лжи и коварству, где все что происходит, будет только по твоей воле, и ни чьей более, – закончила тень и начала неспеша сбавлять темп.

Злостно скаля зубы, она всячески старалась заглянуть в опущенный глаза Усену, которого слова тени еще больше пугали, ведь она сейчас озвучила все его мысли, терзающие не один день его разум. Наконец Усену собрался с мыслями, взял себя в лапы, и гордо подняв голову, ответил тени:

– Да тень, я вижу и чувствую, что ты сильна, и все сказанное тобой правда. Я сам виноват в том, что позволил своим страхам взять надо мной верх, я и вправду слаб... Но ты ставишь мне в укор заоблачные мечты, которые сам не знаю, претворяются ли в жизнь, а между тем предлагаешь свои. Мир, о котором ты мечтаешь, мир в котором я бросаю все, и уединяюсь высоко в горах, совсем один – лишен всяческого смысла.

– Вот именно Усену, тебе больше никогда не придется беспокоиться о будущем, мы будем жить только сегодняшним днем, – попыталась перебить Усену тень, чувствуя, куда идет разговор.

– Нет, тень, совсем не этого ты хочешь! Ты хочешь, чтобы я стал тобой! Одиноким, обиженным на весь мир, лишенным, как и ты друзей, а значит и всего хорошего, что есть в жизни. Не я стремлюсь к несбывшимся мечтам, а ты, строишь невыполнимые цели. Говоря, чтобы я отсекся от мира и суеты, ты, – ткнул пальцем в тень Усену, начиная обретать уверенность, – Желаете лишь одного – заполучить меня.

– Это правда Усену, и знаешь что? У меня это прекрасно выходит. Рано или поздно ты станешь моим.

– Твоим?! А я думал мы единое целое?! А раз так – ты должна знать, что этому никогда не суждено сбыться. Пока у меня есть цель, мечты и друзья, тебе меня не одолеть.

– Ха-ха-ха, какие высокопарные слова. Про цель и мечту, я уже говорила, а что же касается друзей, ты сам знаешь какими они бывают непостоянными, – прошипела тень, задев за больное место.

Усену вновь замкнулся.

– И ты прекрасно помнишь, какова на вкус горечь предательства и лжи. Что тебе друзья Усену?! Ведь сегодня они есть, а завтра – нет!

– Верно... Горек вкус предательства друга... Но знаешь, что, Унесу?! Я сам это все заслужил, сам был причиной всего произошедшего...

– Познай себя – это слова полного ничтожества! Винишь себя за их проступки?! Где твоя гордость, где чувство собственного достоинства?!

– Да все это у меня есть! Но знаешь, как говорят – хочешь сохранить друга – проиграй ему.

– И к чему это привело Усену?! На лишние пару дней сохранил друзей, а что дальше? Ты так и будешь всю жизнь стелиться перед ними? Так ты точно потеряешь не только их, но и себя.

– Я лучше стану полным ничтожеством, чем брошу их.

– Посмотри на себя, ты уже им стал! И продолжаешь свой путь в никуда! Твои друзья держаться тебя больше из сострадания, чем из чувства дружбы. Ты стал жалким подобием друга!

– Это не правда!

– Не правда?! Вспомни, в любом возникшем разговоре или споре, ты стараешься держаться нейтральной стороны, ты совсем не проявляешь инициативы при общении с ними. И как ты думаешь, твои названные друзья относятся к тому, что ты все время уваливаешь от честного ответа и постоянно меняешь тему разговора, когда та не устраивает тебя? Ты уже давно лишился их доверия и бывшего уважения. Ты все больше стал походить на безмолвную тень, то есть на меня, – улыбаясь, закончила тень, предвкушая вкус победы.

– Да-а-а, я все это прекрасно понимаю... – грустно вздохнул Усену, – Но я точно знаю, что мои друзья, и мое отношение к ним не измениться.

– Это только пока, до тех пор, пока ты им не надоешь.

– Этого не случиться!

– Ты так уверен в каждом из них? И готов поручиться?

– Мне не ведомо будущее. Но я знаю одно, чтобы ни случилось, будь то мимолетная разлука, или долгое расставание, и как бы далеко мы не оказались друг от друга, мои друзья всегда останутся в моем сердце. А воспоминания, будь то хорошие или плохие, будут согревать мою душу, когда мне будет холодно и одиноко. Я так часто обижал друзей своим поведением, что вполне естественно отпугивал их от себя. Знаешь, что тень, или как там тебя, даже оказавшись с ними по разные стороны света, лишённые всякой возможности поговорить, не то, что свидеться, я не забуду их. И я буду счастлив, если они хотя бы один раз в году вспомнят меня, обмолвятся хоть единым словечком обо мне, или хотя бы упомянут мое имя. Плохое забывается дольше – я понимаю, но чувствую, что пока меня помнят, вспоминают добрым словом, это заставляет меня двигаться дальше. И пусть это будет мимолетное мгновение, но вспомнив меня, они вспомнят и то, что нас объединяло тогда, их цели и мечты, к которым мы некогда стремились вместе...

– Послушай себя Усену, ты несешь полный бред! – взволнованно и раздраженно вскричала тень.

– Нет! Это не бред сумасшедшего! Знаешь, тень, мы умираем не тогда, когда приходит наш срок, вовсе – нет! А тогда, когда нас забывают, вырывают и рвут на мелкие кусочки то, что напоминало бы о тебе, говорило: а я знал его, и до сих пор вспоминаю! Память, тень, вот, что отличает меня от тебя. Я храню в ней все самое хорошее и печальное из своей жизни: семью, друзей, врагов. Перебирая ее, я порой вспоминаю прошлое, и, ставя себя на свое место в прошлом, часто задаюсь вопросом – А правильно ли я поступил? Я извлекаю из памяти уроки, которые мне помогают жить дальше. И знаешь, тень, какой самый главный урок, я извлек из всего нашего разговора?

Тень покачала головой, растерявшись от слов Усену.

– В те минуты, когда сомнения и страхи, какими бы сильными они не были, пытаются овладеть тобой, грызут тебя изнутри и стараются надломить твою волю к жизни – вспомни тех, ради которых ты живешь, кому ты небезразличен, и все сразу встанет на свои места.

– Ты не можешь Усену! – испуганно молвила тень, начав пятиться назад.

– Ты прекрасно знаешь, что могу! – ответил Усену, грозно надвигаясь на тень.

– Но Усену, не надо! Подумай прежде, от чего ты отказываешься!

– От пустой и повседневной жизни, вдали от всех – я это переживу.

– Но Усену, ты же знаешь, что ты не можешь причинить мне вреда!

– Знаю, и не собираюсь! Мы единое целое, а значит, и быть нам посему вместе, – крикнул Усену, и кинулся на тень.

Охваченная небывалой волной страха, она хотела удрать, но барс, поймав, крепко обнял ее за туловище.

– Не вреда я себе желаю, а мира! – крикнул изо всех сил Усену, сильно зажмурив глаза, чувствуя, как тень, с глухим стоном, начинает растворяться в воздухе.

– Отныне, ты не будешь портить мне жизнь! Ты – та часть меня, которую я так боялся. Но теперь ты не страшна мне! Я принимаю тебя, какова ты есть, и от того, я больше не боюсь себя, – громко отчеканил Усену, чувствуя, что с каждым сказанным словом, тень становится все менее ощутима, а сердце все сильнее и сильнее начинала греть, непоколебимая сила, исходящая, по ощущению его самого, из него самого.

Это чувство продолжалось несколько секунд. После чего все стихло. Ушло жжение, страх. Все погрузилось в сплошную темноту.

– Усену, поешь, прежде чем уходить в спячку, – послышался голос, совсем рядом с барсом.

Он открыл глаза, и совершенно не понимая, где он, и что с ним, уставился на того, кому принадлежал голос, выведший его из видения.

– Хэн?! – еле выдавил из себя Усену, впив в него свои расширенные глаза.

– А ты ожидал увидеть медведя?! – явно попытался пошутить Хэн, и пододвинул к лапе сидящего, полулежащего барса, его долю добычи.

Затем он обошел всех остальных и отдал им их доли. После Хэн занял заранее приготовленное место.

– Вам нездоровиться? – спросил он, чувствуя на себе пожирающие взгляды друзей, которые, как и Усену, пришли в себя, но до конца не понимали, что с ними случилось.

Все впили свои взгляды в первого, кто пробудил их от видений.

– Что случилось? – повторил свой вопрос, не понимая, чем он заслужил такое всеобщее внимание.

– Спасибо Хэн! – встал и подошел к барсу Усену, склонив голову.

Так же молча, быстро подбежали к Хэну Риш и Хис, и чуть ли не прижавшись к нему носами, склонили головы до земли.

– Спасибо Хэн, – сказали лисы.

– Спасибо Хэн! – подбежал и Усс.

– Даже не хочу знать, как тебе удалось все это повернуть... Но, спасибо Хэн, – молвил, подойдя к Хэну, последним Яхси, прямо заглянув ему в глаза.

– Что, я?! – удивился Хэе.

– Боюсь, я здесь совсем не причем, и не понимаю, о чем вы? – удивленно продолжил Хэн.

– А как же тот туман? – молвила первая Хис, подняв на Хэна взгляд, и вправду увидела в его глазах искорки удивления и непонимания.

– Какой туман?

– Ну тот, в котором я сражалась с Ревностью, – молвила Хис.

– Я с Отчаянием! – добавил Усс.

– С боязнью стать неверным, – воскликнул Риш.

– Со своим Гневом! – молвил Яхси.

– С самим собой! – закончил Усену, и вновь наступило молчание и вновь все впили вопросительные взгляды в Хэна.

– Туман, страхи?! – тихо повторил задумчиво Хэн. – А-а, кажется, я понял, о чем вы! И могу вас успокоить – я здесь совершенно не причем.

– Как? – в один голос воскликнули друзья.

– Во всем виновата резкая перемена давления в горах. Туман, и все, что вы видели, это всего лишь игра вашего подсознания, и не более. Мне надо было и раньше догадаться, всю

дорогу вы двигались как-то вяло, и импульсивно. Но свежий ночной воздух и короткий отдых, снова вернули вас в прежнее состояние, – все ясно и доходчиво объяснил Хэн.

Друзья тем временем, совершенно не веря своим ушам, при последних словах Хэна, резко задрали головы на небо и увидев звездное ночное небо, чуть ли не попадали от удивления.

Неужели Хэн прав, и все это было лишь игрой воображения? Вот что охватило разум каждого из друзей, не давая им покоя. Допытываясь, взглянув на Хэна, и не найдя в его глазах более вразумительного ответа, чем он уже дал, друзья, с неохотой разошлись по сторонам.

– Поешьте, и вам станет лучше, – молвил спокойно Хэн, устраиваясь на ночлег. – А то на вас больно взглянуть.

Друзья полные дум, стали с неохотой поглощать пищу, совсем не разбирая, что они едят.

– А знаете что?! – начал Хэн, чтобы хоть как-то отвлечь друзей от тяжелых мыслей, – Я однажды испытал нечто похожее, что и вы сегодня. Я тоже попал в излом, вокруг не было никого, только я! Вот тогда-то я и встретился с ними – своими самыми жуткими кошмарами и страхами. После долгой нелегкой схватки с ними, по крайней мере, мне показалось, что она длилась вечность, я смог побороть их. Это помогло мне сильнее познать самого себя, осознать свои страхи, встретиться с ними лицом к лицу. Вы и вправду везучие ребята, если вам удалось пережить, что-то подобное... И я, очень тронут, тем, что вы так выказали мне благодарность, но это не ко мне... По-настоящему заслуживаете похвалы – вы! Раз смогли побороть самих себя, и узнать свои слабые стороны, обретя мудрость...

– Какую мудрость? – откликнулась Хис, быстро закончив с едой.

– Я думаю, каждый из вас открыл для себя свою мудрость, – ответил загадочно Хэн, и широко зевнув, улегся спать.

– Но уже поздно, а нам предстоит еще долгий путь, так что, думаю, вы не будете возражать, если я лягу, – закончил он, закрывая глаза.

– Конечно, спокойной ночи! – молвил Усену, как и все друзья, пожелав ему доброй ночи.

После чего, друзья еще долго сидели на своих местах, задумчиво, не сводя глаз с одной точки перед собой, лишь изредка переглядывались между собой. Обескураженные, сбитые с толку, разбитые усталостью, друзья не могли долго сопротивляться усталости, и их вскоре стало клонить на бок.

Борясь с дремотой до последнего, друзья не могли избавиться от мыслей о сегодняшнем странном дне. О том, что он открыл для каждого из них, и о загадочных, но так понятных словах Хэна. Но голова тяжелела, веки закрывались сами собой, земля, как магнит притягивала все тело к себе. Разум потихоньку стал отпускать друзей, и они вскоре и вовсе уснули, так и не отыскав все ответы на вопросы, так мучавшие и не дававшие им покоя.

Может они и вправду не получили все ответы. Но они получили куда более ценное, а именно мудрость, которая порой, куда более ценна, чем знания.

ХII Усеновы беседы

Но даже во сне слова Хэна не раз звучали эхом в головах друзей. Во сне они снова и снова переживали события дня минувшего. Разум как будто специально не давал им забыть об этих событиях, раз за разом прокручивая их спящим. Можно было подумать, что он старается показать друзьям, то, что они сами пропустили, не заметили в пылу происходящего. Каждый из них, вовсе не сопротивлялся этому, а даже наоборот, раз за разом переживал минувшее. Но как бы они не старались исправить свои ошибки в начале, им этого не дано было. Так или иначе, но эти сны, или воспоминания, ожившие во сне, не были столь навязчивыми, и не причиняли друзьям столько страха и боли, как в первый раз, а посему их сон прошел без резких пробуждений, плавно и тягуче.

Проснувшись утром, друзья не были столь возбуждены и беспокойны минувшими событиями, вели себя спокойно, и обсуждали то, что случилось с каждым, умеренно, и немного смущенно, ведь каждому было что скрывать. Почти также тихо, они вместе с Хэном, поделили добычу, и съели все до последнего кусочка. После чего, друзья впились глазами в Хэна, который почувствовав, что его путники готовы продолжить путь, встал, и сдержанно молвил:

– В путь! – повел друзей за собой.

После нескольких минут пути, друзья сразу заметили, что местность, по которой лежал их путь, немного отличается от той, что они восхищались вчера. Если вчера их путь пролегал через бесконечные горные хребты, простиравшиеся до самого горизонта, то сегодня друзьям предстал иной пейзаж.

Горы сменились невысокими пологими холмами, с глубокими низинами, столь же резкими, как и сами холмы. Эту местность можно было назвать равниной, или большим горным плато, если бы не одно – но. На равнине растительность минимальна, а здесь она была в основном представлена низкорослыми хвойными и лиственными породами деревьев, некоторые из которых казались друзьям незнакомыми. Но больше всего друзей удивило то, что вокруг нигде не было видно высоких гор, как вчера, и неужели им за вчерашний день удалось их пересечь. Это конечно казалось невероятным, но как говорят, глаза боятся, а лапы бегут. Поэтому друзья вскоре отпросили прочь сомнения. Еще бросилось в глаза друзьям то, что местность их окружающая казалась какой-то мрачной, серой, почти безжизненной. Может им это конечно казалось, ведь солнце скрылось за тучами, еще до их пробуждения, или может потому, что здесь дул пронизывающий ветер. Но, по правде сказать, перечисленное, лишь подчеркивало серую картину этих мест.

Серые и почти голые, мало покрытые снегом и растительностью холмы, казались совершенно чужими здесь, а почти лишенные хвойных пород, леса у их подножий, лишь дополняли общую картину. В добавок к этому, низина, в которую приходилось опускаться друзьям, ведомые Хэном, были сплошь изрезаны непонятными полосами. Да и сама земля под лапами, друзей была совершенно нехарактерной для гор и холмов. Складывалось такое ощущение, что все в округе было просто кем-то создано и почти вся эта мрачная картина, это все, что осталось после бурной деятельности ее автора. Так как в этих местах снега было, мягко скажем мало-вато, чему немаловажной причиной были не горы, которые таким чудесным образом друзья миновали, и в которые большинство снега и оседает, друзья увидели на этой изрезанной кем-то земле, множество разных следов. Были здесь следы диких животных, но они были столь редки, что можно было подумать, что друзья и Хэн, единственные живые существа, кто проходит здесь. Большинство же следов было неведомо друзьям, в основном они были парные, и походило на следы лосей, некоторые на кабанов, и все отчетливо проглядывались на замерзшей серо-красной земле. Но были здесь и иные следы: редкие, разные по размерам, в которых

каждый из друзей без особого труда узнали следы человека. Хэн увидев, что друзья немного замешкались, узнав следы охотников, не останавливаясь, стал рассказывать историю этих земель.

– Когда-то совсем недавно, эти земли не были такими, какими вы их видите сейчас. Здесь были живые холмы, поросшие густой растительностью, с высокими хвойными лесами, в которых было такое разнообразие видов, что и не снилось. Здесь было буйство живой природы, нетронутой, первозданной. Там внизу, протекала небольшая река, вон там – было небольшое озеро, в которое она впадала, и которое служило местом водопоя для всех здешних обитателей, – рассказывал Хэн, указывая то направо, то налево.

У друзей и вправду складывалось впечатление, что Хэн действительно не только говорит правду, но и то, что он прекрасно знал эти места.

– Это был мир нетронутый человеком, мир, который в одночасье был разрушен с их приходом сюда. Вначале они начали вырубать деревья, сначала в небольших количествах. Затем им стало этого мало и они целыми толпами съехались сюда на валку леса. Вместе с ними пришли и охотники, а затем и браконьеры. Разницы между ними было мало. Как-будто соревнуясь друг с другом, эти люди, стали нещадно уничтожать все, что видели, все что двигалось, все что преграждало им путь дальше вперед. А когда они почти все здесь повыврубили, и погубили здешних зверей, сюда приехали новые люди, на машинах, которые в поисках чего-то, перерыли и перекопа все здешние места, засыпали реку, уничтожили озеро. Но ничего не найдя и эти люди убралась отсюда. На их место прибыли новые, пастухи из близ лежащих деревень, которые стали использовать эти выравненные машинами земли, для выгона своего скота, который с жадностью принялся уничтожать и топтать все, что еще не было уничтожено человеком, – закончил Хэн, с грустью и болью обведя взглядом все в округе.

– Да-а, – протянул Усену, – Мы однажды уже были свидетелями подобной деятельности людей. За считанные дни они вырубали столько леса, что и за сотни лет не вырастить.

– Но, чтобы до такого довести природу... – вставил Риш.

– Это надо быть человеком, чтобы так нещадно уничтожить такую красоту, – молвила Хис.

– Человек, Хэн, – вмешался Яхси, которого разговор о людях немного обеспокоил, – Раз здесь их следы, значит они рядом?

– Их поселения здесь повсюду, разбросаны друг от друга на многие тысячи шагов. Это их земли!

– Что? – воскликнул Усену.

– Не беспокойтесь, сейчас зима, и этим крестьянам здесь делать нечего.

– А как же охотники?! – молвил Усс.

– Мы не встретим ни одного на своем пути, ведь мы идем туда, где безопасно, – коротко и загадочно ответил Хэн.

Не желая больше продолжать разговор, он убыстрил шаг. Друзья с печалью и горестью, расставаясь с этими землями, направились за ним. В сердцах уже жалея, что завели разговор о людях.

Ни что так не тяготит сердце и душу, как вид опечаленных, разбитых горем родных и друзей. Каждый их вздох, наполненный безвыходностью, взгляд их печальных и опустошенных глаз, в разы сильнее отдается внутри тебя. И тогда ты понимаешь, что твои беды и несчастья, не так уж важны, а вот беды других, вот, что заслуживает постоянного внимания. Переборков в себе все отрицательные и гнетущие силы, Усену, следуя велению своего сердца, а также помня слова тени о нем и его друзьях, без задней мысли подбежал к Ришу и Хис.

– Риш, как ты? – воскликнул Усену во все горло, чтобы все услышали. – Хорошо держишься на лапах?

– Да вроде все нормально, а что случилось? – немного обеспокоенно молвил лис.

– Ну как же Риш, ты еще держишься на лапах, а я тем временем уже шатаюсь!

– Что случилось? – откликнулась Хис.

– И она еще спрашивает?! Да твоя красота просто с ног сшибает! – воскликнул Усену, и улыбнулся во всю пасть.

Риш и Хис в непонятках, переглянулись, и бросили встревоженный взгляд на Усену, решив, что ему не по себе. Усену решив не останавливаться на начатом, тут же подскочил к Уссу и начал:

– Ох, как я завидую тебе Усс?

– Это почему?

– Ну как же, ты только посмотри на Риша?

Усс вопросительно взглянул на лиса, тот также вопросительно впился взором на барса.

– Хис совсем его извела, смотри, одна кожа да кости остались, и шагу не дает ему ступить. И также улыбнувшись, подбежал к Яхси.

– Я знаю в чем твоя проблема Яхси?

– И в чем же?

– Во мне!

– Что?

– Ну да, сейчас в столь мрачной и серой обстановке, ты наверняка вспоминаешь свой родной дом, твою любимую.

– Усену, тебе нездоровится?

– Мне? Не-а, все в порядке, а вот тебе как видно недостает любви и ласки, дай-ка я тебя обниму, – начал лезть Усену к Яхси, под дружный хохот друзей, которые потихоньку стали раскусывать, что с Усену.

– Уйди! – оттолкнул Яхси барса, отчего тот упал на землю, и, возведя лапу к небу, стал трагически причитать:

– О нет, он отверг меня. Смотрите же друзья, как умирает дружба. А-а-а! – застонал Усену, играя на публику.

– Да, что ты, я же просто, – подошел к нему Яхси, явно сожалея о своих действиях.

– А-а-а, попался! – воскликнул Усену, и вскочив, обнял друзей, и поклонился смеющейся публике.

– Трагедия называется: «Как провести Яхси».

– Ну, ты шутник! – засмеялся Яхси, поняв, что его провели.

– Усену, ни когда не видел тебя таким? – молвил Яхси, оживившись и продолжив, как и все путь.

– Значит, ты слишком много спишь! – снова подшутил Усену, и не думая останавливаться, продолжал шутить:

– О, Хис, красота из моих снов, неужели ты избрала другого? Скажи же почему? – чуть ли не ползая на коленях перед Хис, прокричал барс.

– Ты уж извини Усену, но ты не подходишь к моему цвету волос! – шутливо ответила Хис.

– Нет, вы слышали?! Все с сегодняшнего дня я выдергиваю все волосы из себя.

– Не смей Усену, – подхватил общее настроение Усс, – А то совсем без разума останешься.

– А он умнее, чем, кажется, – смеясь, согласился Усену, поглаживая свою шерсть.

– О как мне жить, я больше не владею собой? это все она, захватила весь мой разум, пленила сердце, – начал Усену.

– Здесь я не причем? – молвила Хис, подталкивая Риша.

– Я знаю, о ком он! – молвил Риш.

– Позвольте догадаться – о своем обеде, – молвил Яхси.

– Вот, блин, меня раскусили, – смеясь, молвил Усену.

После чего началась многочасовая шутивая беседа друзей, с множеством шуток, веселья и главное смеха, того, что так не хватало друзьям, и так чудотворно подействовало для снятия страха и чувства тревоги. Прерываемая лишь изредка во время интенсивного восхождения или быстрого спуска, эта дружеская беседа, позволила друзьям, хоть на время забыть о том, где они сейчас, что их окружает, и зачем они здесь. Сами того не замечая, подначивая друг друга, друзья разрушали возникшие невидимые преграды между друг другом, которые в последние дни только становились еще выше. Задав темп этому шутивому настроению, Усену, к своему изумлению, вскоре почувствовал, что друзья наконец-то стали смотреть на него иначе, чем было прежде, когда он являлся им обузой, неизлечимым ворчуном и эгоистом. Но больше всего его радовало то, что вместе с пущенными им шутками, он высвобождал из себя все то, что так мешало ему нормально общаться с окружающими. Стеснительность, вечное чувство ущербности, ненужность никому, незамеченность ни кем – все эти ненужные чувства начали таять сами по себе, высвобождая тем самым его душу для более нужных и благородных чувств коллективизма, детской непосредственности, умения радоваться простым явлениям в жизни, веселости и радости. И даже когда все окружение Усену, было мрачным и серым, эти новые чувства, которые только начинали осваивать Усену, ни на минуту не давали ему соскучиться, посереть, усомниться в том, что перемены, на которые он добровольно шел, пойдут ему на пользу.

«А ведь и вправду, случается с нами такое. Привыкшие к одному и тому же, выполнявшие каждый день одни и те же движения, мы часто теряем смысл в жизни. День пролетает за днем, и все в жизни кажется одним и тем же рутинным периодом, которому нет конца. Но однажды, в нас происходят перемены, мы как будто резко открываем глаза, и понимаем, что жить так больше нельзя. Зачем каждый день бороться с серостью и рутинностью, если можно каждый день сделать особенным? Как это сделать, должен открыть каждый для себя сам. Но лучше всего начать с перемен внутри себя. Перестаньте смотреть на мир сквозь серые призмы очков, вместо этого, возьмите цветные краски, и раскрасьте все в округе в разные цвета радуги. Сделайте свою жизнь радостней и ярче, впустите в нее радость и веселье. И пусть вам по-прежнему грустно и одиноко, не отчаивайтесь, рано или поздно, каждый из вас откроет для себя мир цветных красок. Кто-то откроет в себе художника и станет рисовать и днем и ночью, и пусть у него будет не все получаться, но он нашел то, чем он рад заниматься, и готов посвятить этому всю жизнь. Кто-то не сможет жить без написания рассказов, стихов, книг, и пусть он пишет, то о чем ему нравится, самое главное, это то, что он нашел для себя мир цветных мечтаний.

Порой жизнь предоставляет нам и многие другие шансы обрести себя, и начать новую жизнь, жизнь без оттенков серого, наполненную событиями и фантазиями. Будь то любовь, дружба, пристрастие к тому или иному виду творчества, а нередко радость и веселье, придут нашей серой будничной жизни новый вид. Самое главное сумей завести ее так, чтобы она смогла в свою очередь завести нас. Да так сильно, нестерпимо, неутомимо, что без возможности творить, радоваться, любить, мы уже не сможем жить. Вот тогда-то и наступят те счастливые дни, которых так долго ждут всю свою жизнь некоторые из нас».

Именно в преддверии таких дней уже воздушно и легко чувствовал себя Усену, сумевший, через радость, открыть для себя новые возможности, более сильнее раскрыться перед своими друзьями и заслужить их настоящую дружбу.

А теперь оставим новые чувства, раздираемые Усену, в стороне и вернемся к нашим друзьям. За столь забавной беседой, в которой не остался безучастным и Хэн, в сторону которого так же сыпались шутки, друзья и не заметили, что уже к вечеру они оставили серые и мрачные земли позади себя.

Друзья так увлеклись подкалыванием друг друга, что совершенно забыли о счете времени, о боли, усталости, и голоде, так велика была сила их дружеской беседы, в которой каждый из друзей представал перед другими в новом свете, еще невиданном ранее, что еще немало усиливало желание его продолжить. Но все же вскоре языки у всех друзей стали заплетаться,

и им все чаще стало не угнаться за шутками остальных. Все меньше стало произноситься слов в минуту, и все чаще стали появляться паузы в разговорах.

Один за другим друзья начали отходить от общего оживленного разговора, и чтобы не казаться отстраненными, коротко соглашались или изъясляли другую точку зрения короткими словами, типа: да, нет, конечно, и так далее. И только один Усену, не собиравшись затихать, и хотя немного и сбавил темп, все же не горел желанием молчать, и кончать шутить.

Удивительно, но впервые в жизни, он мог говорить все, что придет ему в голову, без последствий быть непонятым, или нечаянно обидеть своими словами друзей. И хотя он и понимал, что многое сказанное им лишено смысла, но все же, сквозь потоп всей этой белиберды, Усену постоянно изъяслял, пусть хоть и не замечено друзьями все, что накопилось за столько лет в его сердце. Шутя над всеми, и в основном над собой, Усену чувствовал, что скидывает со своего сердца тяжкий груз недопонимания, и умалчивания. И эта обретенная легкость окрыляла его, не давала покоя, ему хотелось как можно больше всего рассказать, и как можно большему числу слушателей. И нет слушателя лучше и беспристрастнее, и отзывчивее, чем его собственные друзья, которые хоть и немного притомились от всего этого, все же охотно продолжали участвовать в Усеновых беседах и шутках.

XIII Раны детства ноют и кровоточат

Но шутки шутками, а жизнь порой вносит свои коррективы, совсем неожиданные, лишённые всякой радости, и надежды. И именно эти удары судьбы вмиг заставили Усену умолкнуть, поблекнуть, и замереть на месте. Почувствовав резкую тянущую боль в своей груди, Усену вдруг неожиданно для самого себя, пустился изо всех сил кашлять. Кашель был куда громче, тяжелее, чем раньше, и заставил всех друзей и Хэна остановиться.

– Со мной... – пытался выговорить Усену, но кашель не давал ему покоя. – Все... в порядке... – не договорил Усену, и новый приступ кашля, скрутил его, заставил согнуться в полукруг, и не отпускал его не меньше минуты.

Друзья страшно перепугались, не отходили от него. Усену, чуть ли совсем не потерял сознание от кашля. Он прекратился лишь тогда, когда к Усену подошел Хэн, который первое время не сводил взгляда с барса, и, увидев, что кашель не проходит, подошел к нему.

– Дело совсем плохо, – молвил он, помогая встать Усену, который жадно глотал воздух, пользуясь моментом передышки.

Друзья ужаснулись еще больше, увидев окровавленное лицо Усену, у которого кровь лилась как из носа, так и из горла, а в том месте, где его так скрутил кашель, растекалась по снегу, большая лужа красно-алой крови, в некоторых местах с кусочками гноя, и свернувшейся крови.

– Потерпи Усену, я знаю здесь неподалеку безопасное место, где все мы отдохнем, – молвил тихо Хэн, помогая идти Усену, поддерживая барса, чтобы тот не упал.

Друзья, совершенно побледнев, побрели вслед Хэну и Усену. Кто, боясь поднять глаза на впереди идущих, кто, наоборот, не сводя с них своих расширенных глаз, которые так и покрывались тонкой пленкой от набежавших слез.

За одно мгновение, за считанные минуты, вся веселость и беззаботность сползли с друзей, и они вновь почувствовали ноющую, не дающую покоя, тянущую боль в сердце. Как бы они не старались прогнать ее, про себя подбадривая себя, у них ничего не получалось. Так порой случается, когда ты начинаешь забывать о суровости окружающей жизни, и только находишь отдушину, как эта жизнь, как будто мстя тебе за твое легкомысленное поведение, наносит тебе удар в самое больное место. Не щадя никого, суровость жизни вовсе не желает на этом останавливаться. Все сильнее и яростнее она наносит удары, сопротивляться которым с каждой прожитой минутой, часом, днем, становится все тяжелее, и тяжелее.

Именно так, и ощущал себя Усену в данный момент. Он больше не радовался и веселился. В душе он корил себя за свое легкомысленное поведение, которое считал, и стало причиной новой волны отчаяния и безвыходности, охватившей его с головою. Как бы он не старался думать о чем-нибудь другом, кашель вновь и вновь возвращал его к реальности. Реальности, которая сейчас причиняла столько боли ему, как никогда еще, реальность, от которой просто так не отшутиться, и не отмахнешься, реальности, сплошь наполненной болью, печалью и горестями. Эти мысли так захватили не только разум, но и сердце Усену, что он и не заметил, как они все пришли к месту, о котором в самом начале сказал ему Хэн. В отличие от друзей, которым путь туда казался слишком долгим, и как им казалось, длился несколько часов подряд, сплошь до позднего вечера. Препроводив Усену внутрь небольшой расщелины в скале, у которой и остановились друзья, и из которой веяло необычным теплом, Хэн вернулся к друзьям, которые с нетерпением ожидали его снаружи.

– Как он? – спросили друзья.

– Говорите тише, ему нужен покой, – спокойно в полголоса ответил им Хэн.

– Скажи Хэн, неужели мы ничем не можем ему помочь? – спросил Яхси.

– Нам повезло, что мы добрались до сюда. Здесь протекают термальные воды, их тепло на время успокоит его кашель.

– А что потом? – спросил печально Риш.

– Мы бы и рады помочь, но я лишь немного знаю, как залечивать внешние раны, не более, – молвила Хис.

– Яхси, Риш, Хис и Усс, – молвил Хэн, обведя всех взглядом, и в каждом в глазах прочитал одно и то же чувство, – Я понимаю, как вам дорог Усену, и не собираюсь вселять в вас, напрасные надежды, поэтому сразу скажу, что дела обстоят очень худо.

– Насколько? – глотая ком в горле, спросил Яхси.

– Настолько плохо, что если Усену не помочь в ближайшие день, два... он...

– Не произноси этого! – прохрипел Яхси, и отвернулся ото всех, желая скрыть от них набежавшие слезы.

– Не-е-ет! – простонал Риш, и, не собираясь сдерживаться, заплакал, уткнулся в Хис, которая и сама глотала горькие слезы отчаяния.

– Нет, нет, не стоит отчаиваться друзья! – воскликнул Усс, который хоть и сам пустил слезы, все еще держался.

– Мы вместе прошли через столько бед и невзгод. Побороли стихию, медведя, свои страхи, и неужели теперь мы сдадимся?! – продолжил Усс, ожидая от друзей реакции.

– А ведь ваш друг прав! – вмешался Хэн, видя, что слова Усса, остались без внимания.

– Я еще никогда за свою жизнь, не видел столь преданных, верных, неукротимых, немолчаливых, непреклонных, бесстрашных, идущих вперед, друзей. Да, я знаю вас всего лишь третий день, но за эти дни вы показали, что достойны жить на этой земле. Раз за разом я восхищался вами, когда снова и снова вы, рискуя ради друг друга, бросались во все тяжкие. Ваша самоотверженность, самопожертвование ради другого, достойны похвалы, и преклонения. За эти три дня вы показали, что вас не остановить. Вы справились со мной, побороли медведя, обрели мудрость, победив свои страхи, вы показали, что готовы на все ради дружбы. И вы давно уже прошли второе мое дурацкое испытание, побороли свои страхи, и обрели доверие ко мне, – говорил без умолку Хэн, в словах которого друзья, по неведомым им причинам, стали черпать силы, и потихоньку обретать самих себя. вытирая носы, они стали все ближе подходить к Хэну, с жадностью поглощая каждое его слово, как будто это была живительная влага.

– Вы поверили мне, и шли за мной, даже, не зная, куда я вас веду. Вам было в двойне тяжелее идти за мной, понимая в каком состоянии ваш друг. Но вы не отстранились от меня, за что я вам очень благодарен. Ведь именно в такой крайний момент, я хочу вам сказать, что те, кто сможет помочь Усену, находятся в нескольких часах пути отсюда!

– Это правда?! – воскликнул во все горло Яхси.

– Правда? – вторили ему друзья.

– Чистейшая, правда, – ответил спокойно Хэн, слова которого пролились на сердца друзей как бальзам на раны.

– Кто они, это какие-нибудь звери? – воскликнула Хис.

– А они и вправду, на такое способны? – вытягивал шею Усс.

– Так, кто же эти целители, которым я готов жизнь отдать, за спасение Усену? – закончил Яхси.

– И да, и нет! – начал отвечать на вопросы друзей по порядку, начиная с Хис.

– Они способны как создавать, так и разрушать! – продолжал он, взглянув на Усса.

– За свою жизнь, они и мухи не обидели, так что твоя жизнь им ни к чему, – ответил последним на вопрос Яхси барс.

– Так кто же они? – не выдержав, хором воскликнули друзья.

– Они принадлежат к тому виду существ, которых вы не раз встречали. К тем, кто всю жизнь только разрушают и уничтожают все живое вокруг себя, кто из жадности и гнева, способны перегрызть друг друга на смерть. Это люди, и только они способны помочь Усену!

– Что! – во все горло воскликнул Яхси.

– Люди, да ты!? Что? Всю эту дорогу вел нас им в руки! – злобно прокричал Яхси.

– Как ты мог Хэн, ведь мы спасли тебя, мы доверяли тебе! – воскликнула Хис.

– Послушайте меня, – перебил их Хэн, – Хотите верьте, хотите нет, но эти люди, крайне отличаются от тех, что вы встречали ранее.

– Все они одинаковы... – хотел было начать Яхси, но Риш остановил его.

– Ты уже так говорил, помнишь?! – пресёк его восклицания лис, припомнив случай с звероловом и его сыном.

– Они живут здесь совсем уединенно, отрекшись от всего мирского. Они презирают жестокость и жадность окружающего мира. Весь их смысл жизни состоит в созидании, а не в разрушении...

– Это все дудки, ты лжешь! – снова вмешался Яхси.

– Прежде чем называть меня лжецом, – молвил снова Хэн, – Повернись назад. Кого вы там видите?! – все друзья обернулись к входу в расщелину, и увидели лапу Усену, мирно спящего, пригретого теплом.

– Вы все здесь по той же причине. Так почему же сейчас, когда его от спасения отдалают несколько километров, вы вдруг усомнились в правильности пути, и во мне? Ответьте! – воскликнул Хэн, обведя всех испытывающим взглядом, от которого некоторые потупили взоры, а некоторые нахально ухмыльнулись.

– Тишина! – молвил Хэн, не получив ответа. – Я вовсе не заставляю вас, и тем более не принуждаю к такому решению. Но скажу одно, если я вам больше не нужен, я уйду, и вы будете снова сами по себе, вольны решать сами за себя. Я даю вам время подумать до утра, – развернувшись спиной к друзьям, молвил Хэн.

– Но помните, от вашего решения, будет зависеть жизнь вашего друга, – закончил Хэн, и чуть отошел от друзей, лег на краю выступа, обратив свой взор в небо.

Друзья молча проводили его взглядом, после чего, как заведенные стали шепотом обсуждать слова Хэна.

– Я понимаю, цена вопроса велика, но и риск тоже! Вишь, что удумал, самим сдастся в руки человека, – начал Яхси.

– Но Яхси, а вдруг он прав, и эти люди и вправду вылечат Усену, – молвила Хис.

– Люди есть люди, доверия им нет! – продолжал стоять на своем Яхси.

– Но у нас просто нет выхода, либо люди, либо...

– Умолкни! – заткнул Риша Яхси, – Выход всегда найдется!

– Ну да Яхси, ты что думаешь, что Усену за одну ночь чудесным образом вылечить?! – вмешался Усс.

– Да вы, что совсем ума лишились?! Ведь это люди! Они совершенно лишены чувства жалости и сострадания! Завидев Усену издалека, они застрелят его, и все! – огрызнулся Яхси, испугав своими словами всех друзей.

– Будь я Усену, и, зная, что мне осталось жить день, два, я бы рискнул, – сурово ответил ему Риш, чем заслужил одобрительные взгляды остальных друзей. – И пусть я ошибаюсь, но лучше я помру там вместе с ним, чем буду свидетелем его смерти здесь, среди тех, кто так и не смог ничем ему помочь, – продолжил Риш после того, как Яхси, огрызаясь на него, чуть ли не пустил свои зубы в действие.

Но этому не дал произойти, виновник всей беседы, Усену, который чуть отдохнув, очнулся вдруг, от непонятного шепота снаружи. Выйдя из пещеры, он стал свидетелем, последних действий друзей.

- Что случилось? – спросил обеспокоенно Усену, подбежав к друзьям.
- Ничего! – коротко ответил Яхси.
- Все в порядке, Усену? – спросил Риш, сбросив с лица суровость.
- Да вроде, полегчало немного. Спасибо Хэн, что привел нас сюда, а то бы я и не дошел сам досюда, – воскликнул Усену, обратившись к Хэну.
- Благодарю своих друзей! – ответил Хэн, и его слова прозвучали почти тревожно, в ушах друзей.
- Усену, тебе и вправду лучше? – спросила Хис.
- Да вроде, лучше, – молвил Усену.
- Он мог врать друзьям, но не своему организму, который снова впал в приступ кашля, продолжившийся с четверть минуты.
- Усену, все же побудь внутри пещеры, там тепло, – молвил Риш.
- Риш, Хис, я вы проводите меня, и посидите со мной? А то мне как-то немного не по себе здесь, как будто эта ночь последняя в моей жизни...
- Слова Усену заставили всех друзей побледнеть до белого. Но быстро взяв себя в лапы, Риш и Хис, изображая радость, повели Усену внутрь, и сами устроились у входа в пещеру.
- Я пойду что-нибудь поймаю нам, – молвил Яхси, проследив за Усену и за лисами.
- Тебе помочь? – чуть привстал Хэн.
- Нет! – коротко ответил Яхси, и пошел прочь, вслед ему увязался Усс, который больше побежал за ним, из-за волнения за него, как бы тот не натворил бед.
- Какие они слепцы! – начал недовольно Яхси, опустив голову к земле, и пряча лицо от шедшего за ним Усса.
- Этот Хэн, он просто играет нами, как мышками. Вот увязался! Я хочу вам только помочь, не более, позвольте! Уже позволили, и что это нам дало, где мы оказались, что нас ждет?! – в конец разгорячился Яхси, и больше не в силах овладеть с собой, остановился и сел.
- Где же тот путь, та дорога, по которой нам идти? Мы в конец запутались...
- Яхси! – прошептал Усс, осторожно подходя к волку, чтобы не разозлить его еще больше.
- Чего тебе Усс? Иди прочь, к ним! Тоже мне друг называется, как что, ты поддерживаешь Хэна, а кто он нам?! Свалился на нашу голову с бугра.
- Яхси!
- Что? – озлобился волк.
- Ты ведь не на нас злишься, верно? Да и Хэн здесь вовсе не причем.
- Чего ты несешь, Усс, совсем ума лишился?
- Нет Яхси! Перестань обманывать самого себя. И корить за то, что уже произошло.
- Ты про что, Усс?
- Ты знаешь ответ Яхси. Ты зол на себя с того дня, как вас всех рассорила эта Альхю. Ты винишь себя во всем произошедшем, а в особенности в причине болезни Усену.
- Как?
- Да, да Яхси, Риш и Хис мне все рассказали... И знаешь, я бы не смог ничего исправить, окажись я там.
- Но тебя там не было, ты ничего не видел.
- Но зато, я ясно ощущаю последствия тех событий. Я сразу заметил в тебе некое беспокойство, а когда мне стало известно про болезнь Усену, все встало на свои места.
- Свои места?! Звучит слишком упорядоченно, в нашей беспорядочной жизни, – печально и задумчиво согласился Яхси.
- И сейчас Яхси, я вижу, что под маской твоего нахальства и грубости скрывается чуткий и отзывчивый друг, который днем и ночью, только и думает о своих друзьях. Да Яхси, отбрось же свою гордыню, и высокомерие, и просто скажи Усену все, что накопилось на твоём сердце.

– Но я... – замялся Яхси, не понимая, как Усс, который с ними не так давно, так быстро раскусил его.

– Не мне, а Усену! Ведь ты, как и я, знаешь, что у тебя вот здесь! – молвил Усс, подойдя к волку вплотную, и положил лапу ему на сердце.

После чего Яхси, улыбнулся Уссу уголком рта, и, сказав от чистого сердца – Спасибо! – кинулся обратно.

Чуть погодя за ним медленным шагом, пошел и Усс, который сумел первым из друзей заметить полученную мудрость в действие.

– Усену! – воскликнул Яхси, забираясь на выступ, после чего немного осекшись, направился к барсу.

– А-а, Яхси, а мы только, что тебя вспоминали, – протянул Усену, что-то нажевывая.

– Что это? – спросил волк, подойдя ближе, увидел, что рядом с Ришем и Хис, лежим куча добычи.

– Ты про это?! – ответил ему Усену, выдвигая из темноты пещеры на свет и долю волка.

– А это тебе!

– Откуда?

– Хэн как чувствовал, что твоя охота мягко скажем, не задастся, и наловил это нам.

– Хэн? – вопросительно молвил волк, чуть обернувшись на барса, который делал вид, что ничего не слышит.

– Скажи, а где Усс? – спросил Яхси Усену, ища его глазами.

– Я здесь! – раздался голос у края платформы, после чего появился и сам Усс.

Яхси по-особому, бросил взгляд на Риша и Хис, а затем глазами показал им, что хочет остаться с барсом наедине.

– Мы скоро, Усену, – молвила Хис, первая все поняв, и подтолкнув лапой Риша в бок, продолжила, – Расспросим Усса, про его Амму.

Лисы встали и направились к ожидавшему их у своей кучки добычи Уссу.

– Потом расскажете! – молвил шепотом Усену.

– Ну, раз это мое, ты не против, если я умещусь рядом, – молвил Яхси.

– Конечно, другу всегда рад, – давая из себя радость, ответил Усену.

– Да-а, – протянул Яхси, скрывшись в темноте пещеры, и лег рядом с Усену.

– Хэн и вправду заслуживает доверия?

– А что? – переспросил его Усену.

– Я говорю, так ты думаешь Хэну можно доверять?

– Я думаю, раз мы здесь, значит мы ему уже доверились.

– Верно!

– Яхси, – начал Усену, каким-то печальным тоном, – Я всегда хотел сказать тебе, спасибо.

– А-а?

– Я уже не раз говорил, что поступал с тобой плохо, но всякий раз после этого, продолжаю эту песню. А ты всякий раз терпишь меня, спасибо друг, – расчувствовался Усену, чуть подвинув свою лапу к лапе волка.

Яхси даже не нужен был свет, чтобы понять, что Усену прослезился.

– Не знаю, почему я говорю это только сейчас, но думаю, что ты друг, каких еще надо поискать. Ты всегда скажешь мне правду в лицо, и не будешь кривить душой. Не думай Яхси, я прекрасно вижу, как ты переживаешь за меня, особенно сейчас, когда я на грани...

Новая волна сырого кашля не дала ему договорить и может к лучшему, ведь Яхси чувствовал, что Усену сейчас на грани, и готов был разреветься от отчаяния.

– Да Усену, я твой друг, и ты прошел полсвета, чтобы отыскать меня, и чтобы мы вместе обошли бок о бок еще полсвета, – начал Яхси, но его слова звучали как-то трагически, и наоборот лишь усиливали отчаяние барса.

– А знаешь, что, Усену, ведь я у тебя не один такой, – решил поменять тему разговора Яхси, – Посмотри на Риша и Хис, они готовы на все ради тебя и ради нашей дружбы! И если честно, я думаю, ты погорячился, ставя меня на первое место. Это они заслуживают этого куда больше чем я!

– Знаю Яхси, – ответил Усену, по голосу уже немного успокаиваясь. – Но я... Я, порой сомневаюсь в правильности нашего выбора пути.

– Усену, я по натуре авантюрист, и не могу по долгу сидеть на одном месте, что-то с непреодолимой силой тянет меня вперед. Но и я порой задумываюсь, и начинаю скучать по дому.

– По дому? – протянул печально Усену.

– Прошу Усену, не впадай в уныние. Чему я точно научился за свою короткую жизнь, так это тому, что жизнь состоит из белых и черных полос. Попадая на белую полосу – мы радуемся и веселимся, на черную – горюем и отчаиваемся. Но как сказал мой отец однажды: «Сынок, тебе сейчас очень трудно... Я не меньше твоего страдаю от этого, но знай, что, пройдя через эту черную полосу жизни, ты вступишь на белую. Надо лишь немного подождать и поверить, что появится тот, в ком ты найдешь свою белую полосу...». И знаешь, что Усену, эта белая полоса – это Риш, Хис, ты, и даже Усс с Хэном. Никогда со мной ничего подобного не случилось, вместе с вами я открыл новый мир. Мир полный счастья и друзей, – закончил Яхси, сделав небольшую паузу.

– Прости, если я спрашиваю, но про что говорил так твой отец?

– Отец? – вздохнул Яхси.

– Нет, не говори, если не хочешь...

– Мы друзья Усену, а значит должны делиться друг с другом и радостями и горестями. Это случилось незадолго до твоего появления у нас, – начал повествование Яхси.

«Наша стая кочевала из одной местности в другую, в поисках пропитания для себя, и нас, их детей, их надежды на будущее. Но стояла суровая осень, и родителям приходилось удаляться далеко-далеко от стаи, чтобы найти пропитание. И вот однажды мой отец, вожак стаи, и моя мать, вместе с небольшой группой взрослых, ушли на охоту. Их не было несколько дней, а точнее четыре. Я особо не волновался, ведь это было не в первой, да и старшие, с которыми нас оставили всячески нас успокаивали. Но когда на утро пятого дня, взрослые вернулись, и, увидев первого впереди шедшего моего отца, я не скрывая радости, кинулся к нему...»

Яхси явно было тяжело это рассказывать, слезы и подступающий ком к горлу, мешали ему, но он пересилил все это и продолжил.

«Я ни когда не забуду выражение его лица, эти глаза полные страха и отчаяния. Испугавшись его, я кинулся вглубь пещеры, куда поспешил за мной мой отец. Он нагнал меня и сильно обнял. Первые моменты мы не промолвили ни слова, рыдая вместе. А когда отец, взял себя в лапы, он молвил:

– Прости сынок, но мама больше не вернется, – его слова прозвучали как приговор, и я тут же кинулся прочь от него.

Забившись в темный угол пещеры, где никто не мог меня видеть, я рыдал весь день. Ни уговоры моего отца, ни других членов стаи не могли заставить меня выбраться оттуда. Я совершенно забыл про голод, холод, все мое нутро трясло и колотило, и лишь одна мысль вертелась у меня в голове, и была она про маму. Выстрадав за этот день и ночь, все муки потери мамы, на утро следующего дня, я, стиснув зубы, вышел на свет. И сделав невероятное усилие над собой, я подошел к отцу, и немного сурово спросил его, как все произошло? Отец, немного отведя меня в сторону от членов стаи, сам весь трясясь и чуть не плача, рассказал мне, как они вместе с матерью выслеживали добычу, и как вдруг раздался оглушительный треск и грохот. Мать упала в яму, в капкан, поставленный человеком, где на дне ямы торчали острые прутья.

Больше я не смог добиться от отца, он прижался ко мне и разрыдался. А я, до крови прикусив губу, отстранился от него, и, прохрипев сквозь боль, ответил ему.

– Ты не смог уберечь ее!»

– Не смог! – повторил Яхси, понимая, что уже плачет, а его голос давно уже выдал его Усену, но он продолжил.

«Отец тогда с такой невообразимой грустью и сожалением взглянул на меня, что это больше всего укололо меня прямо в сердце. С замеревшим сердцем, капающей кровью из надкушенной губы, я оставил его. Просто взял, и отвернулся, пошел прочь. И с тех пор, мы больше с отцом на эту тему не разговаривали более. И всякий раз, когда он хотел со мной поговорить по душам, я отворачивался и уходил молча. С того самого дня, между мной и моим отцом выросла невидимая стена, которую я сам воздвиг. Всякое его слово, я пропускал мимо ушей, всякому указу, противился. Я так сильно ушел тогда в себя, что, когда ты с Ришем появились у нас, я просто возненавидел вас и старался не замечать. Ведь ваша жизнь, была отражением моей, так похожи были наши судьбы. А с вашим уходом я и вовсе распоясался, никого не слушался, делал все, что мне задумается, и никто не был мне указ. Отец все это прекрасно видел, но что он мог сделать со мной, своим сыном, виновным во всем произошедшем его.

Время шло, и я потихоньку смягчился, а тут еще и вы появились снова. Но до сих пор, я не могу выбросить тот взгляд отца, когда я...»

Яхси замолк, не мог больше говорить. Тогда Усену прекрасно его понимая, ведь когда-то и сам через все это прошел, встал, поднял волка, обнял его, прижав к своему сердцу.

– У всех у нас есть шрамы на сердце, – молвил сквозь слезы Усену.

Так обнявшись, они стояли с минуту, после этого как бы поделившись друг с другом своим горем, разделив его поровну, они снова прилегли.

– Спасибо Усену!

– Это тебе спасибо Яхси, ведь ты никому это не рассказывал!

– Я так глубоко похоронил воспоминания от тех дней, что и забыл, какую боль они приносят мне каждый день, и я, не понимая, что со мной, бросаюсь на всех как цепная собака.

– Понимаю Яхси! Но думаю теперь тебе станет немного полегче.

– Только немного! Меня очень сильно тяготит мысль, что я так и не простил отца, и в тот день, когда уходил с вами, отец в который раз взглянул на меня, как в тот день, и не дождался от меня, тех слов, что могли бы утешить его старые сердечные раны. Одного слова, одного взгляда хватило бы... Но какой я дурень бессердечный, сказал ему лишь сухо:

– Пока!

Яхси затих, опустив взгляд, коря себя в душе, за все те горести, что принес отцу.

– И ты скажешь их, обязательно скажешь! – воскликнул Усену, загоревшись новой целью.

– Как Усену?! Ведь именно эти детские раны, полученные тобою и мною, не позволяют нам двигаться дальше. Мы лишь отсрочиваем неизбежное.

– Да Яхси, раны, полученные в детстве, очень тянут и ноют, и порой кровоточат и слезятся, причиняя нестерпимую боль. Но знаешь, что я скажу тебе Яхси, если с тобой рядом те, кому ты не безразличен, и кто готов с тобой разделить все беды и горести, пережить их вместе – неизбежное теряется где-то там впереди, в далеком недостижимом глазу будущем. И что думать о том, что еще не случилось, и горевать над тем, что было в прошлом, если сейчас куда важнее, чем до и после, если сейчас ты окружен добротой и дружбой, если сейчас, мы сами решаем, куда повернуть русло нашей жизни, – мудро закончил Усену, сам немного дивясь себе.

– Ты не понимаешь Усену! Страх перед человеком не позволил сегодня нам принять решение от которого напрямую зависит твое спасение, – распалился Яхси, не в силах больше скрывать этого. Особенно после столь открытого разговора, который у них состоялся.

– Понимаю Яхси, Риш и Хис мне рассказали.

– Что?

– Да и про предложение Хэна, о людях, которые может быть единственные, кто могут мне помочь, и про твою реакцию на все это.

– Что? Ты все знал? – удивился Яхси.

– Да, но не подал виду.

– Но зачем, в смысле почему, зная все это ты...

– Я хотел услышать это от тебя, мой друг. И знаешь, что Яхси, если до этого я сомневался принять ли предложение Хэна, то теперь, я готов рискнуть.

– Но зачем, почему?

– Твои слова, они звучали от чистого сердца. А цель твоей жизни отныне стала и моей.

И ради того, чтобы увидеть, как вновь воссоединяются отец и сын, я готов, на все!

– Как ты можешь? – запинаясь молвил Яхси, слова Усену немного ошарашили волка.

– И я хочу, чтобы именно ты Яхси, сказал Хэну, что я готов.

– Я?!

– Не подумай, что я издеваюсь над тобой, зная, как ты к нему относишься! Просто тем самым ты докажешь мне и себе, что мы способны на прощение. Сделай первый шаг, – закончил Усену и умолк.

Яхси, немного помявшись, вышел на свет, и медленно приходя в себя, после задушевного разговора, глотая слюну, нахлынувшую от страха, и напряжения, прекрасно понимая, к чему клонит барс, он медленно направился к Хэну. Риш, Хис и Усс совершенно не понимая, что хочет Яхси, сбитые с толку его внешним видом, слегка помятым и нервно трясущимися лапами, стали осторожно поглядывать в его сторону.

– Хэн! – произнес тихо Яхси, еле стоя на лапах.

– Хэн! – повторил он громче, от чего барс, очнувшись от дум, повернулся к волку лицом и видя, в каком состоянии Яхси, сел прямо перед ним, не сводя с него глаз.

– Я... хотел... – начал заикаясь Яхси, вдруг ощутив в себе тот страх, как в тот день. – По-просить прощения! – выдавил он.

– Да-а, – протянул Хэн. – А за что?

– Ну-у, я... За свои слова, я был не прав!

Хэн стал меняться в лице.

– И мы, тут, посоветовавшись, решили, что согласны!

– Это был выбор твой или Усену? – вкрадчиво молвил Хэн.

– Ну, наш, то есть Усену, в смысле наш общий.

– Так чей же?

– Усену! – ответил твердо Яхси.

– Но мы всячески его поддерживаем, как и Усену нас. И мы понимаем, что он идет на это, прежде всего из-за нас, а мы в свою очередь ради него, – закончил Яхси.

Хэн вдруг снова поменялся в лице, пристально взглянув прямо в глаза Яхси, как бы силясь прочесть в них, все, что было у волка на душе.

– Прощаю! – вдруг неожиданно ответил Хэн, и бросил на Яхси такой взгляд, от которого того, чуть не подкосило, ведь он был так похож на взгляд его отца. После чего Хэн, не спеша принял свою прежнюю позу, и закрыл глаза, не проронив больше ни слова.

Яхси совершенно не чувствуя лап под собой, важной походкой направился к пещере, попутно кивнул Ришу и Хис, после чего лег у входа в пещеру.

– Сказал! – сам не свой молвил Яхси, но в ответ получил лишь тихое сопение Усену, который уже задремал, согретый камнями.

Затем съедаемый какой-то непонятной, резко нахлынувшей усталостью, Яхси закрыл глаза, и уснул.

Риш, Хис и Усс, закончив трапезу, подошли к нему ближе, на цыпочках, взглядами поблагодарили его, и мило устроились рядом ним. Риш и Хис с одного бока, а Усс с другого.

И на всех на них, сквозь щелочку наблюдал Хэн, которого эти совсем молодые и уже столько повидавшие горя, друзья не могли не взять за сердце.

XIV Пути расходятся

– Усену, Усену, – повторил дважды Хэн, пытаясь разбудить разоспавшегося барса.

– А? Чего? – сквозь сон промямлил Усену, еле открывая глаза.

– Нам пора! – спокойно молвил Хэн.

– Что, уже? – еле встал на лапы Усену, и вышел на свежий воздух.

Осмотревшись по сторонам, Усену удивился, так как все его друзья еще спали, а Хэн тем временем уже кивал ему идти за ним.

– А как же они? – спросил, негодуя Усену.

– Мы должны... – хотел было начать Хэн, но его перебил голос Яхси.

– Что значит должны? – который, как и Риш, Хис и Усс быстро повскакали с места, несмотря на столь совсем еще раннее морозное утро.

– Мы весь этот путь прошли вместе, и вместе и продолжим его, – твердо заявил Яхси.

– Боюсь вас разочаровать, – начал Хэн, повернувшись к ним, – Но этот отрезок пути Усену должен пройти один.

– Без нас?! – негодуя молвил Риш.

– И почему это? – спросил Яхси, немного остановив свой пыл, помня вчерашний разговор с барсом.

– Вы должны отпустить Усену, ибо только так он получит помощь. Это мое условие, и ваше третье и последнее испытание.

– Ты со своими испытаниями, вот уже где! – вспыхнул Яхси, но Усену его остановил.

– Не надо Яхси! Раз так надо, значит так и будет.

– Но Усену!

– Яхси, я обещал, и выполню свое обещание.

На что Яхси, умолк.

– Очень хорошо, но свое согласие должны высказать все, – продолжал Хэн, обведя всех взглядом.

– Усену! – подбежали к нему Риш и Хис.

– Не бойтесь, мои друзья, мы через столько прошли вместе, что сейчас...

– Вот именно Усену, вместе! – перебил его Риш.

На что Усену, вопросительно взглянул на Хис.

– Риш прав Усену, мы выстояли, потому что были вместе. А теперь... – переведя взгляд с Усену на Хэна, продолжила она.

– Все поменялось, твоя жизнь Усену, больше не зависит от нашей храбрости и дружбы, она в руках коварной болезни, от которой у нас нет лекарства, а значит, Хэн прав, мы должны отпустить тебя. Надеюсь всем сердцем на то, что туда, куда Хэн поведет тебя, тебя излечат.

– Что? – воскликнул Риш, совсем не узнавая Хис. – Нет Усену, разве можно сейчас разделяться, сейчас, когда мы на краю.

– Риш, послушай друг, я слишком много видел расставаний, твое с семьей, Яхси с отцом, Усса с любимой, а сам так до сих пор не поплатился за это.

– За что, Усену?

– За то, что оторвал вас от близких. Теперь пришло мое время испить эту чашу. Риш мы расстанемся не навсегда, как и ты, Хис, Яхси и Усс, с теми, кто вам дорог. И я прошу, так же жарко, пожелайте моего возвращения к вам.

– Значит, мы скоро увидимся? – молвил печально Риш.

– Конечно Риш! – обнял его Усену.

После чего Хэн устремил взор на Усса, который молвил:

– Я обязательно буду ждать твоего возвращения, не меньше, чем вновь увидеть Амму.

– Ну, Яхси? – подошел к нему Усену. – А ты что скажешь?

– Обещай мне Усену, – начал волк, подходя к нему вплотную, – Что не будешь рисковать собой понапрасну, и что вернешься живым и здоровым!

Усену немного замялся, ведь уверенности в том, у него у самого не было.

– Как бы я хотел... Но ты точно знаешь, что не могу. Единственное, что я точно знаю, что даже находясь от вас далеко-далеко, вы будете ждать меня здесь, – закончил Усену, положил правую лапу на сердце, затем протянул ее Яхси, со словами:

– друг!

– Друг! – отозвался Яхси, приложив свою лапу на лапу барса.

– Прощайте, друзья! – печально протянул Усену, вынужденный идти за Хэном, который бросив всем:

– Ждите меня здесь, вечером вернусь, – тронулся в путь.

Сказав все, что могли Риш, Хис, Усс и Яхси, выстроившись в ряд, молча проводили их взглядами. Еще долго они стояли на выступе, всматриваясь в горизонт, до тех пор, пока две серые точки, не растворились в белой дымке.

Усену, который, никак не ожидал, что день начнется так печально и грустно, с час, а то и более, периодически оборачивался назад. Немного замерев на месте, пристально вглядывался назад, и никого там не примечая, он продолжал путь. Только нудное серое утро, и еще более ноющее сердце от разлуки, преследовали его по пятам, не давая покоя, ни на минуту.

Спустя час с лишним, нудного неспешного пути, Усену начал жалеть о том, что согласился с Хэном. Постепенно вскипая от негодования, он все чаще бросал в Хэна недобрые взгляды. Ему вдруг вспомнились все его проступки, по отношению к друзьям, которые подливали масло в огонь. Но больше всего его стало выводить из себя, та мысль, что он слишком поспешно покинул друзей, а значит доказал им этим, его непостоянство, и не привязанность к ним. Он вспомнил, как они хотели идти за ним, но он сглупил, сам взял, и отговорил их от этого, чем навлек на себя угрызения совести. И во всем это барс видел одну причину – Хэна, который спокойно шел впереди, храня молчание.

Ни вчера вечером, когда ему стало худо, ни сегодня утром, и тем более сейчас, Усену не обратил внимание, что местность в округе преобразилась. Вчерашние унылые, перерытые людьми земли остались позади, и теперь сменились холмистой местностью, переходящей порой в невысокие островерхние горы. Так же изменилась и растительность, на хвойные деревья в низинах, а на склонах всюду росли кустарниковые лиственные деревья, и кусты, запорошенные кое-где снегом. Которого здесь было в избытке, что порой Усену и Хэн проваливались в сугробы по колено.

С виду местность и вправду казалась нетронутой человеком, но при пристальном осмотре, можно было без труда заметить их вмешательство. Во-первых, формы холмов, показывали, что и здесь когда-то, совсем давно, все перерыл и перекопал человек. Во-вторых, лес и лесные полосы, были не слишком большого роста, что говорило, что могучие ели и сосны, здесь давно посрубали, а сегодняшний лесок, лишь результат длительного отсутствия рук человека, которое могли бы все здесь срубить. В-третьих, хоть местность и казалась равниной, но нигде не было и следов выгона здесь домашнего скота. Может, конечно, они прятались под снегом, но как видно было по густо разросшимся по холмам зарослей кустов, их никто не топтал уже давно.

Усену не заметил и то, что воздух здесь стал каким-то более чистым и свежим, что конечно можно было объяснить буйством здешней растительности, и порывам ветра, дующим с востока. Но если бы Усену пристальнее вгляделся в свое окружение, то он заметил бы не только это, но и то, что было что-то в этой земле, немного странное, и не совсем естественное.

Как будто здесь поработал чей-то разум: деревья были раскинуты не нивпопад, а росли строем, и в строго определенных местах. Кусты, если бы они только могли цвести зимой, сплошь были лекарственными. Были здесь и совершенно непонятно, зачем вырытые кем-то небольшие впадины, в низинах склонов. Но самое главное, спустя несколько дней пути, это было первое место, где слышались пение лесных птицы, а в лес, то тут, то там вели звериные следы, разных размеров, принадлежавшие разным породам.

Но, к сожалению, Усену все это упустил из виду, и все его мысли были заняты только Хэном, и его дурацким планом, идти к людям. Хотя его и раздражало молчание Хэна, Усену, не осмелился вслух высказать свое недовольство, предпочитая этому тяжелые вздохи, и шмыганье носом. Хотел ли этим Усену привлечь к себе внимание или нет, известно только ему одному. Но когда Хэн все же обернулся на него, тот поспешил сделать вид, что все в порядке. Но от опытных глаз Хэна, он не смог скрыть ни свое недовольство, в уголках рта, ни печали в глазах. Подождав Усену, Хэн немного сбавил ход, почти поравнявшись с ним корпусом.

– Усену, ты злишься на меня? – спросил он вкрадчиво.

– С чего бы! – сжимая губы, ответил Усену, явно с недовольством.

– Понимаю Усену... Но разлука с друзьями пойдет тебе и им на пользу.

– А может тебе! – огрызнулся Усену, и пошел вперед.

– Усену твой гнев скоро пройдет, и ты остынешь и поймешь, что это просто необходимо.

– Зачем, ответь? – не выдержал Усену.

– Слышал ли ты когда-нибудь слова одного мудреца – друг познается в беде, а сила дружбы в расставании.

– Вторую часть сам придумал?

– Усену я прекрасно тебя понимаю, – смягченным тоном начал Хэн, изменив и интонацию, – Однажды и я расстался с теми, с кем дружил, и надеялся ни когда не расставаться. Это было необходимостью, даже предписанием старших, и стало великим испытанием для меня.

– И что же произошло, вы вновь встретились? – уже заинтересовано спросил Усену.

– Это долгая история!

– А это долгий путь!

– Слишком долгая – длиною в жизнь.

– Так что же случилось, ты вновь воссоединился с друзьями?

– Я был очень близок к этому, но мне помешали.

– Кто?

– Люди!

– Потрясающе, значит история повторится!

– Ты не понимаешь Усену, я заступился за одного человека, который был мне близок!

– И... – протянул Усену, все более увлекаемый в историю Хэна.

– Но я опоздал, когда я ее нашел, она уже лежали бездыханно на траве, – скорбно продолжил Хэн, и по нему стало ясно, что эти воспоминания причиняют ему боль.

– В порыве ярости, мести, скорби, и боли, я кинулся в погоню за людьми. Настигнув их, я не оставил никого из них в живых. Но мне этого стало мало, и я кинулся в ближайшее поселение, на поиски их родственников. Но пока я добирался до деревни, мне преградили дорогу, мои же друзья. Они не собирались силой меня останавливать, но всячески старались отговорить от задуманного мною. Но я их не послушал, и когда, махнув на них лапой, побежал дальше, тогда я и потерял их дружбу...

Хэн тяжело вздохнул, отчего Усену стало жалко, что он завел этот разговор, и было что-то схожее и в его жизни, и он ясно ощущал боль Хэна, как свою.

– Добравшись до деревни, я попал в ловушку, из которой еле выбрался, и много дней плутая по горам и лесам, в конце концов... – сделал паузу Хэн, осмысливая следующие слова, – Обрел мудрость, – закончил Хэн, и как показалось Усену, явно что-то не договорил.

– Не думай Усену, я вовсе не бессердечный, – завел он снова разговор, спустя несколько минут неловкой тишины.

– Однажды потеряв друзей, я осознаю горечь расставания тебя с твоими друзьями. Но теперь все будет иначе, и ты обязательно с ними вновь увидишься. Это я тебе обещаю! – закончил Хэн, пристально взглянув Усену прямо в глаза, отчего тот понял, что он искренне желает исполнить сказанное.

– А теперь, если ты не возражаешь, продолжим путь молча, нам обоим есть над чем подумать, – молвил Хэн, и вновь пошел вперед.

Усену, повиновавшись, последовал за ним.

Время шло медленно, будто и вовсе остановилось, а Хэн и не думал останавливаться. Как не всматривался в горизонт Усену, никого и ничего он не видел. Только однообразный пейзаж, маячил у него перед глазами, который при этом, он уже успел разглядеть, и заметить все то, что упустил раньше. Весь негатив по отношению к Хэну стал рассасываться, а вот старая напасть, стала возвращаться. То была щемящая боль в груди, давящая на Усену изнутри. Первое время он старался не показывать виду, но долго это не могло продолжаться, и вскоре Хэн заметил, что Усену плохо. Быстро подскочив к нему, он быстрым взглядом обвел его, и, поняв, что времени у них все меньше и меньше, подставил свой бок, со словами:

– Крепись Усену!

Время как будто вовсе замерло, минуты казались Усену часами, а час днем. Барс не сдавался и сцепив зубы продолжал идти, точнее, еле волочить лапы. Хэн не гнал его, давая барсу передых по несколько секунд между шагами. Он прекрасно видел, как тяжело приходится Усену, и что с каждой минутой ему становится все хуже и хуже. Не сводя глаз с горизонта, Хэн, в мыслях и сердцах молил Усену немного продержаться. Ведь может быть вот за этим холмом, и лежит то место, куда так стремился отвести Усену Хэн. Но оказавшись на холме, надежда таяла – впереди лежали одни холмы, не более...

После часа такого пути, за который Усену почти потратил все силы, и еле держался на лапах, не разбирая пути, капая кровью из рта и носа, он начал бормотать что-то непонятное, и совсем не складно. Хэн приписал это, к крайней стадии болезни, когда давление в организме Усену, стало бить не только по сердцу, и легким, но и по голове. Резкий прилив крови к ней, нарушил его рассудок, и его зрение. Он еле-еле разбирал, куда надо ступать лапой, и то последнее делал крайне медленно, и заторможено. Хэн прикладывал недюжинные силы, чтобы держать Усену на лапах, и чуть ли не нес его на себе, волок его вперед, натужно взывая его к рассудку.

– Усену, прошу, не сдавайся! Только не сейчас, когда мы так близки... Усену ответь мне, не закрывай глаза, борись со сном, слышишь? Усену вспомни своих друзей, Риша, Хис, Яхси и Усса, ну же Усену не молчи! – умоляюще говорил Хэн, стараясь пробудить разум Усену.

– Риш, Хис, – еле простонал Усену.

– Вот именно, Риш и Хис, ты должен к ним вернуться, живым и здоровым, они любят тебя и ждут!

– Яхси, Усс! – снова простонал Усену, на этот раз тише.

– Правильно, Яхси и Усс, они тоже с нетерпением ждут своего... – начал был Хэн, но Усену больше не в силах был идти, и соскользнул по боку Хэну, упал боком на снег.

– Простите, друзья... – еле шепча, произнес Усену и его глаза закрылись.

– Усену, Усену! – закричал Хэн, прямо ему в ухо, но он не реагировал.

– Усену, прошу, очнись, вставай! – протянул Хэн, пытаясь его приподнять, и закинуть себе на спину. Но только он начал, как Усену жалобно застонал, и от перемены давления у него изо рта потекла струя крови.

– Нет, нет, так не может кончиться, не может! – начал паниковать Хэн, затем резко умолк.

Его внимание привлек мгновенный блеск на солнце, от какого-то предмета. Хэн кинулся на вершину холма, и, сдвинув брови, наконец, увидел то, к чему так стремился привести Усену. До этого объекта было несколько километров пути, но Хэна это больше испугало. Быстро кинувшись к Усену, и закидав резкими и движениями лап его снегом, Хэн, опустил голову над ухом Усену, и что-то проговорил ему. Затем, дыхнул на свою правую лапу, он приложил ее к снегу, как бы оставив отпечаток. После чего барс кинулся со всех лап навстречу с неизбежным, непредсказуемым, но так необходимым Усену.

XV ОХОТНИК НА ОХОТНИКОВ

– Ну нет, я так больше не могу! – воскликнул Яхси, вскочив с места, и стал нервно ходить из стороны в сторону.

– Яхси, успокойся, прошел только час! – вразумительно молвила Хис, сидевшая рядом с Ришем.

– Только час! И это говорите вы! Сколько же должно пройти, чтобы вас...

– Яхси, мы тоже волнуемся, – перебила его Хис.

– А по вам не скажешь, только и знаете, что глазки друг другу строить!

– Яхси! – серьезно молвил Риш, бросив на волка осуждающий взгляд.

– Знаю, знаю, простите! – осекся Яхси, – Лучше пойду, поохочусь, а то совсем здесь разойдусь, – молвил Яхси, и направился к краю платформы.

– Яхси не отлучайся далеко, эти земли нам неизвестны, и будь осторожен, – озабоченно крикнула ему Хис.

– Вы же знаете – не буду! – чуть улыбнувшись, ответил ей через плечо Яхси, а затем кивнул Уссу, приглашая пойти с ним. Тот незамедлительно согласился, и уже через полминуты оба скрылись в ближайшем лесу.

– Может и нам пойти с ними? – обеспокоенно молвила Хис Ришу.

– Хис, успокойся, они скоро вернуться, – ответил ей Риш, заметив ее беспокойство, подойдя к ней.

– Просто мы и так потеряли... – Хис остановила сама себя, затем предложила, – И крайне неразумно расходиться здесь. Нам нужно держаться вместе!

– Ты права, Хис, но что мы можем поделаться с Яхси, ведь он не меньше нашего волнуется за Усену, – задумчиво проговорил Риш, приглашая Хис, снова занять нагретое ими место, на камнях.

Печально обведя горизонт глазами, Хис тяжело вздохнула и, опустив голову, направилась обратно, в сопровождении Риша, которому было не слаще, чем ей, как и всем остальным.

– Не отходи далеко Яхси! Будь осторожен, Яхси! – передразнивая Хис, говорил волк, обращаясь к Уссу. – За кого она меня принимает?

– За того, кем ты и являешься! – быстро ответил ему Усс.

– Надеюсь это не шутка Усс, так как я сейчас не в настроении шутить, – бросил Яхси сурово, затем немного смягчившись продолжил. – Я давно уже не ребенок, и в наказаниях не нуждаюсь.

– Да! – тихо вторил ему Усс.

– И что на нее нашло? Эти места нам незнакомы! Да мне дай любую территорию, я выживу!

– Да!

– Что ты все да, да, да! Скажи лучше, что думаешь?

– Я думаю, что лучшее средство отвлечься от тяжелых дум, это поохотиться! – молвил Усс, указывая на следы, ведущие в чащу леса.

– Правильно думаешь! – согласился Яхси, и оба кинулись по следам.

– Крупная будет добыча! – молвил Яхси облизываясь.

– Похожи на кабаньи! – осмотрев их, подытожил Усс.

– Да сегодня ты очень сообразителен! Идем, и держись сзади, не понаслышке знаю, какими они бывают, когда их загоняют в угол, – молвил шепотом Яхси, и пошел вперед, на полусогнутых, опустив голову, и работая носом. Тоже за ним повторил и Усс, следуя как тень за волком.

Совсем не придавая значению времени, Яхси и Усс, так увлеклись охотой, и не заметили, что оказались от Риша и Хис довольно далеко. Их сейчас интересовало лишь одно – выслеживание добычи, а все остальное, они отодвинули на дальнюю полку.

Углубляясь все дальше в хвойный лес, и не раз пробегая по совершенно открытой территории, между полосами леса, оба они совершенно и не думали, что кто-то может наблюдать за ними, и даже решиться на охоту. А именно это и взбрело в голову, одному хищнику, который видя двоих горе-охотников, решил проследить за ними, пока те не остановятся и станут легкой добычей.

Долго ему не пришлось ждать. Спустя несколько минут после охоты, на охотников, первые остановились у лесной поляны, и, разглядывая снег пол лапами, громко разговаривали.

– Это не может быть! – воскликнул Яхси, не видя перед собой продолжения следов, – Не мог же он взлететь?! Вряд ли здесь такие водятся, как и вообще в природе.

– Яхси сюда! – прервал его размышления Усс, подзывая к себе.

– Вот и ответ! – указал он на следы перед собой.

Яхси немного притих, и положил свою лапу внутрь следа, и тот оказался раза в четыре больше.

– Вот блин, выслеживали, выслеживали, и на тебе, нас кто-то опередил! – воскликнул снова Яхси, а охотник, следивший за ними, из-за ближайшей ели, посмотрел на свои лапы, как бы сравнивая их и следы.

– Яхси, не мог бы ты потише, – наострив уши, прошептал Усс, чуя что-то неладное.

– Да ладно Усс, этот исполин поймал нашего кабана, и где-нибудь лежит сейчас, отъедается! – совершенно ничего не предчувствуя и не сбавляя голос, ответил Яхси.

– Все же думаю нам лучше убраться отсюда! – начал было Усс, обеспокоенно озираясь по сторонам, но не успел он договорить, как из-за ближайшей ели выскочил охотник с желто-зелеными горящими глазами, и вмиг подмял обоих под себя, прижав их лапами к горлу.

– Ну чего же ты медлишь?! – прохрипел Яхси, после нескольких секунд замешательства того, кто их поймал.

– Яхси, чего ты говоришь? – ответил ему Усс, после чего, хищник во весь рот открыл пасть, и медленно стал приближаться к шее Яхси. С его клыков капала слюна, а горячее дыхание быстро отрезвило Яхси.

– То есть, я хотел сказать, что лучше не надо. Знаешь, мы не очень сладкие, в нас много соли, очень вредно для фигуры! – от отчаяния принялся молотить чепуху Яхси, но как видно его слова произвели хоть какой-то результат и хищник захлопнув пасть, вопросительно взглянув на Яхси, молвив мягким, девичьим голосом:

– Что?

Яхси быстро сообразив, кто перед ним, точнее над ним, быстро затараторил, вкрадчивым голосом:

– Стать жертвой столь юной и привлекательной особы, как ты, это великая награда для меня! Давай же, покончим с этим, и я отправлюсь в мир иной, с твоим именем на устах, – драматически протянул Яхси, закатывая глаза. – А, кстати, как твое имя? – воспользовавшись моментом, спросил он.

– Чун! – крайне удивленно молвила хищница.

– О, зеленоглазая Чун, прокричал Яхси, подставляя шею для укуса.

Чун несколько раз, удивленно похлопав ресницами, перевела взор на Усса, на что тот, пожал плечами.

– Вы бешенные! – воскликнула она и резко отшвырнула обоих.

Яхси и Усс быстро встав на лапы, и потирая шеи, переглянулись, и у обоих в глазах загорелся хитрый огонек.

– Да, мы такие! – воскликнул Яхси.

– Двое бесстрашных одиночек, следующих зову своего сердца и живота! – вторил ему Усс, на что Яхси, подмигнул ему.

– Мы странствуем по земле, в поисках счастья! И вот я нашел тебя! – громко воскликнул Яхси, и стал медленно приближаться к хищнице.

– Не подходите! – испуганно молвила она и стала потихоньку пятиться.

– Ты только посмотри на нее Усс, какая прекрасная, стройная... – не найдя имя этому зверю Яхси перевел взгляд на Усса, тот пожал печами.

– А кто ты?

– Я – тигрица!

– Тигрица, как гордо звучит, – продолжал Яхси. – Какое немного вытянутое гибкое тело, какой чудный длинный хвостик, который покоится на широких немного коротких лапах. Какие плечи! – продолжал описывать тигрицу Яхси, оттягивая время, думая, как бы от нее поскорее избавиться.

– О-о-о. а сбоку ты как я посмотрю выше в плечах. Затем твоя гибкая спина, – Волк плавно спустился взглядом к задним стройным лапкам.

– А какая у тебя головка, немного большая, – чуть тише молвил последнее Яхси.

– А какие ушки, маленькие и кругленькие, с черненькой шерсткой внутри, – согласился Усс.

– Такой прекрасной густой шерсти снежно-белого цвета, с такими узкими черно-черными полосами, мы никогда не встречали, – сказал Усс, а хищница как-то переменилась в лице.

– Скажи Чун, в твоей семье, все такие?!

– Умолкни! – вдруг закричала тигрица, бросившись на Яхси и Усса, снова придавила их к земле.

– Это же комплимент! – воскликнул Яхси.

– Я одна такая! И не позволю каким-то двум бешеным крысам, надсмехаться надо мной, – прорычала угрожающе Чун.

Яхси и Усс, поняли, что на это раз им так легко не ввести ее в заблуждение.

– А раз вы точно паразиты, я почищу эти леса от вас, пока вы кого-нибудь не заразили, – снова раскрыла она пасть, метаясь в Яхси.

– Погоди, погоди, погоди! – задержался Яхси, – Мы вовсе не бешеные!

– Так я вам и поверила!

– Это правда, посмотри на нас! Разве мы похожи на тех, кто не контролирует себя, брызжет пеной изо рта и несет чепуху?!

– Очень похожи! – согласилась тигрица.

– Это чистая правда! – прохрипел Усс.

Чун, взглянув ему в глаза, уже иначе взглянула на Яхси.

– Ну, раз вы не бешеные, тогда годитесь на обед.

– Стой, стой, стой! Ты совершаешь большую ошибку, – завопил Яхси.

– Это еще почему? – чуть ослабив нажим, спросила тигрица.

– Ну, во-первых, с виду по тебе не скажешь, что ты голодная. Нет, я хотел сказать, что ты не толстая, вовсе нет, наоборот ты даже очень ничего. Ну не в смысле ничего, а даже очень чего! – закончил первую часть Яхси, сам с трудом понимая, что несет.

– А во-вторых? – молвила Чун краешком рта, улыбнувшись, ведь никогда она еще не слышала подобного вздора, в таких количествах.

– Да, а во-вторых, такой милой, красивой, неповторимой девушке как ты, не пристало так себя вести, по отношению к таким как мы!

– Каким?

– Мы недавно расстались с нашим другом, – печально начал Яхси, решив использовать все тузы в рукаве, – Которого мы так любили, и по которому будем скучать еще долго. И вот

с разбитыми сердцами, и опустошенными душами, мы какой уже день бродим с ним, не разбирая дороги, и не замечая ничего. Эту боль ничего не может унять, – говорил Яхси, сделав такую печальную физиономию, и загробный тон голоса, что тигрица отпустила обоих.

Чуть отойдя от них, она слушала его, впив в Яхси сочувственный взгляд, а Усс ни как не мог не надивиться на волка, который был просто неотразим.

– И вот мы, натываемся на тигрицу, которая, по меньшей мере, в полтора раза больше меня, и с желанием нас съесть, кидается на нас. И о чудо, только заглянув ей в глаза, я понимаю, понимаю, понимаю... – повторил Яхси, а Чун, даже чуть подалась вперед, в ожидании продолжения.

– Что, такой как она, я еще никогда не встречал, – закончил Яхси, заглянув ей прямо в глаза.

– Ее взгляд, ее голос, ее вид, совсем свел меня с ума, – начал он снова, приближаясь к тигрице. – И теперь я больше ни о ком, и ни о чем не могу думать, кроме нее. Порой мне даже чудиться, что она стоит передо мной, совсем рядом. Я нежно провожу лапой по ее... – Яхси не замедлил сопроводить слова, действиями, – Касаюсь ее плеча, ощущаю небольшую дрожь, исходящую из ее сердца. И нежно, с таким легким, и воздушным чувством безмятежности, охватившем меня внезапно, смотря ей прямо в зеленые глазки, я желаю лишь одного, чтобы наши уста соприкоснулись, – подался вперед Яхси, то же сделала и Чун, замороженная словами волчонка.

– И слились в едином страстном незабываемом поцелуе, – закончил Яхси.

Оба прикрыв глаза, приблизились еще ближе друг к другу, и когда они были уже в расстоянии сантиметра, их вдруг прервал Усс, подбежавший к ним, и громко молвивший:

– Надо уходить, здесь еще кто-то есть!

Чун резко очнулась и отстранилась от Яхси, который поцеловал воздух, с опаской стала смотреть по сторонам.

– Да здесь нет никого! – молвил волк, с укором посмотрел на Усса, но тут же оба были отодвинуты тигрицей лапами и кубарем покатались к ближайшей ели.

– Чун, сестра, где ты? – раздался совсем рядом чей-то голос и на поляне появился еще один тигр, удивив своим видом Яхси и Усса, которые прижались к земле, подглядывая и подслушивая.

– Иду, брат, я здесь, – откликнулась Чун, и подбежала к рыжему тигру, намного большему по размеру.

– Что ты здесь делаешь? Мать беспокоится, – сурово молвил он, смотря на нее сверху вниз.

– Прости брат, я пробовала охотиться самостоятельно, – чуть приподняв голову, ответила Чун.

– Сколько раз повторять, ты еще не готова! И не должна далеко отходить от семьи!

– Ты говоришь так, лишь потому, что я... – вскипела было Чун, но чуть покосившись назад, осеклась и продолжила мягким голосом, полным смирения.

– Прости брат, больше не буду, – печально молвила она, и, опустив голову, пошла вперед.

Ее брат, суровым взглядом проследил за ней, а затем, как-то резко сбросив с себя маску суровости, с некой долей жалости, посмотрел на сестру и направился за ней.

– Чун! – чуть слышно молвил Яхси, выпрыгнув из-за ели, и уставил мечтательный взгляд вслед за ней.

– Яхси, ты что? – подбежал к нему Усс, обеспокоенно заглядывая ему в глаза. – Уловка удалась, мы свободны, бежим, пока снова не угодили в неприятность, – молвил Усс.

– Да, конечно ты, прав, – согласился Яхси, поворачивая в обратную сторону.

– Яхси, а здорово ты водил ее за нос, просто слов нет! – восхищенно молвил Усс.

– Здесь самое главное практика, немного хитрости, показной скорби, тут любая девушка не устоит, – ухмыльнулся Яхси, Усс кивая головой, побежал вперед.

– Да любая! – повторил за собой Яхси, скинув улыбку, и немного печально напоследок бросил взгляд в ту сторону, где скрылась Чун, и тяжело вздохнув, побежал за Уссом.

XVI Крик Души

Холодный сырой ветер обдувал Усену, не давая ему покоя, и как бы препятствовал его отходу в более крепкий сон, нежели сейчас. Хотя нынешнее его состояние очень трудно назвать сном. Да, он лежал неподвижно, глаза закрыты, рассудок помутневший, но на этом сходства закончались. Он прекрасно ощущал, что находится где-то лежа на снегу, но на каком боку, это трудно поддавалось его осмыслению, так как снег давил на него со всех сторон. Также его уши улавливали дуновение и завывание холодного ветра. Но как бы он не прислушивался, это было все, что он мог разобрать. Копашась в своей голове в поисках ответов: где он? И что с ним? Усену раз за разом натыкался совершенно на другие воспоминания. В основном это были воспоминания о его счастливом детстве, времени беззаботности и веселья, когда ничто не способно тебя заставить унывать надолго. Ему привиделась его родная пещера. Вот его мама, заботливо его умывает. А рядом, грызя ему хвост, лежит его сестра.

– Олеаш, – еле молвил сквозь зубы Усену, – Перестань, мне больно.

– Терпи Усену, – отвечала сестра, и продолжала.

С каждой секундой, она делает укусы все сильнее, и метила все ближе к груди.

– Не могу, Олеаш! – застонал Усену.

– Ты сам того захотел! – отвечает ему она, не думая останавливаться.

– Прошу, остановись! Ма-ма, скажи ей, чтобы прекратила! – поднимает голову Усену, на свою маму.

– Прости сынок, я больше не могу, – печально отвечает мать, чуть ли не со слезами на глазах.

– Ма-ма, что с тобой? Ты плачешь? Почему?

– Как же мне не плакать сынок?! Мои дети обречены вечно скитаться по злым землям, одни, и я ничем не могу вам помочь! – молвила мама.

При этих словах Усену почувствовал ноющую, нарастающую боль в груди, боль которую ни что не могло унять, боль, которую нередко называют любовью или разбитым сердцем.

– Ма-ма! Не говори так! Ведь ты всегда будешь с нами, а мы с тобой!

– Как бы я этого хотела, сынок... Но порой жизнь преподносит нам совсем не то, на что мы надеемся!

– Это точно! – кидается на него Олеаш.

– Не-е-ет! – закричал Усену, и вмиг пещера исчезла, а над ним навис охотничий пес.

– Ма-ма! Ма-ма! – кричит он, вне себя от страха, отбиваясь от пса, который царапал ему грудь.

– Усену! – слышался голос матери, и она кидается на пса, вмиг прогоняет его. Но тут появляется фигура человека.

– Ма-ма! – кричит Усену, и становится свидетелем, как жестокий охотник наносит ей удар в грудь.

– А-а-а! – кричит хриплым голосом Усену, вскочив на месте, на себе ощутив холодный клинок человека. Еле держась на лапах, Усену открыл веки.

Чуть держась на лапах, Усену обвел унылый пейзаж, затуманенным взором. После чего, осознав, где он, и что с ним, рухнул на снег лицом, и горько-горько заплакал, как плакать может лишь тот, кто на себе ощутил всю горечь потери близкого. Слезы не успевали падать на снег, и замерзали, прямо у его носа. А подбежавший к горлу ком, не давал ему, как следует вздохнуть. Но он все же нашел в себе силы набрать полную грудь воздуха, и так тяжело и жалобно вздохнул, сопроводив его еще и криком отчаяния, от которого у любого услышавшего бы его кровь застыла в жилах, а сердце так бы и разорвалось при виде этого бедного, заснеженного, затравленного и оставленного всеми живого существа. Это был крик души, души,

которая больше не могла терпеть, и хоть в последний раз – да закричала. После чего, Усену, больше не в силах был терпеть, совсем сдался, решив, что так будет лучше, что это принесет ему избавление от этой жгучей боли в сердце.

Столь пронзительный, душераздирающий крик души, больше напоминающий предсмертный вопль, ни как не мог раствориться в воздухе, и исчезнуть навсегда. Эхо за считанные секунды разнесло его на многие километры в округе. И может именно благодаря ему, спустя несколько минут возле Усену, не подающему признаки жизни, показался огромных размеров рыже-полосатый тигр, ведущий за собой двоих людей, странной наружности, и в странных оранжевых одежках, доходивших им до пят. Не проронив ни слова, они переглянулись, после чего один из них, прислонил свою голову ухом к груди барса, после чего, поднял голову, показал на Усену, отстранил руку, и, заметив на ней кровь, показал второму знаками, что-то принести. Второй пустился бежать, а первый бережно стряхнул с Усену снег, и, сняв с себя одежду оставшись совершенно голым, накрыл ею барса. После чего сел возле него, поджав под себя ноги, и положив руки на колени, закачался головой и всем туловищем вперед, затем назад, затем снова вперед. Через несколько минут второй человек вернулся, держа в руках палки разной величины. Сложив их в виде носилок, на свою одежду, оба человека очень аккуратно приподняли Усену. Они положили барса на палки, сверху, прикрыв его, оставшимся концом одежды, и повязав оба конца, чтобы носилки не развалились. Чтобы барс не упал, взяв каждый со своего конца за ручки, люди приподняли носилки и понесли Усену, откуда появились.

За всеми их действия с высоты наблюдал Хэн, который предпочел остаться вне поля видимости людей. Но когда, те стали удаляться, Хэн сделал несколько шагов вперед. Тигр, приведший людей и последовавший за ними без всякого указа, по своей воле, обернулся. Завидев одиноко стоящего снежного барса, застывшего на месте, смотревшего в их сторону, с взглядом, полным сопереживания, тигр поклонился ему головой до самого снега. Когда он снова поднял голову, того уже не было, барс просто исчез, растворился в белой мгле. После чего, тигр поспешил за людьми, которые чуть ли не бегом мчались по снегу. В одних сандалиях, одетых на босу ногу.

Усену мало что понимал и осознавал, что с ним. Он даже остался безразличным, к тому, что земля ушла у него из-под лап. Да и не до этого ему было, ведь видения снова вернулись и били они еще ужаснее и страшнее прежних. Он снова оказался в родной пещере, рядом со своей матерью, которая держалась из последних сил.

– Ох, сынок, прости меня... – начала она, задыхаясь и кашляя.

– Тебе не за что извиняться, мама!

– Мой милый, маленький Усену, – обняла мама его, – Мое время на исходе, – продолжила, отстранив его.

– Нет мама не говори так, ты не можешь... – еле шепча хрипел Усену, а слезы так и текли из глаз.

– Олеаш, уводи своего брата, и помните, берегите друг друга...

Усену почувствовал новый прилив боли, схвативший его за все тело.

– Не-е-ет, мама! – запищал Усену, так как на крик у него совсем не было сил.

– Ступайте с миром! – прошептала напоследок мама Усену, и закрыла глаза, уснув вечным сном.

Вдруг стало очень темно и холодно, и Усену, почувствовал, что остался совсем один.

Но резкий грохот, больше походивший на бой в колокол, озарил темноту, и Усену помчался туда, где ему причудилась Олеаш. Не успев до нее добежать, темноту озарила резкая вспышка от оружейного выстрела которого он сам не слышал, но точно знал, что это был он.

– Олеаш! – протяжно взвыл Усену, увидев, как она падает в пропасть, казавшуюся бездонной и мрачной.

Не успел он отдышаться, как позади него, послышались чьи-то шаги, и тяжелое дыхание. Резко обернувшись Усену увидел силуэт человека, вернее охотника, того самого, кто нанес смертельную рану его маме.

– Не-е-ет! – выдал из себя Усену, и вдруг очнулся от легкого прикосновения чьих-то теплых рук.

Не понимая, где он, что с ним, увидев перед собой силуэт человека, лицо которого скрывала темнота, Усену дернулся назад, и попятился, пока не уперся в стену. Человек неспеша привстал, чуть отошел, поднял с пола горшочек, из которого лился тусклый свет. А затем, что-то опустив в него, он вынул это, но уже загоревшееся небольшим огоньком. То была свеча, от света которой, Усену, смог хоть немного разглядеть человека. Это был среднего роста и среднего телосложения человек, с бритой на лысо головой, одетый в оранжевого цвета платье, доходившее до пола, а на ногах виднелись простые плетеные сандалии, обутые на голую ногу. Человек замерев на несколько секунд, поднял свечку чуть повыше, чтобы осветить всего барса, забившегося в угол. После чего, он осторожно медленно положил свечу на пол, который как заметил уже Усену, был деревянным, пододвинул к себе еще один горшочек с тлеющим там огоньком. Присев поближе к Усену, он поставил его перед собой, и стал крошить в него, какие-то травы, затем пару раз хорошенько дунул в горшочек, и тот задымил. Человек специально стало размахивать ладонью, в сторону барса, чтобы до него дошел этот дым, от которого глаза Усену заслезились пуще прежнего. Чуть вздохнув дым, Усену закашлялся.

Тут позади сидящего человека послышались шорохи, как видно здесь он был не один, и протянув ладонь правой руки чуть в бок, в нее вложили что-то похожее на ветку. Человек осторожно положил ее рядом с собой, а затем пододвинул длинным тонким прутом прямо к лапам Усену. После чего, человек поспешил удалиться, оставив два тусклых огонька, еле освещающих то место, где он оказался.

Стояла такая непроглядная тьма, что невозможно было определить точно, где он находится. Не найдя ответа на этот вопрос, Усену, перевел взгляд на то, что бросил ему человек. Понюхав, Усену отстранился, так как это был пучок из трав, запах которых ударил ему в нос.

– Съешь его, – донесся из темноты чей-то незнакомый голос, немного с хрипотцой, и явно принадлежащий кому-то не очень молодому.

– Не бойся, Пин! – снова молвил все тот же голос.

– Кто здесь, покажись! – молвил, поднимаясь Усену, и так напуганный тем, что отказался невесть где.

– Меня зовут Тау, – молвил коротко голос, и на свет показался исполинских размеров зверь, из породы кошачьих, раза в два больше и мощнее Усену, рыже-красного окраса, с черными широкими полосами по всему телу.

– Не бойся Пин, мы не причиним тебе вреда!

– Мы, мы, мы!?

– Да, мы, тигры и люди.

– Люди!

– Да, ты здесь, потому что тебе нужна была помощь, и ты ее получаешь! – молвил пояснительно тигр, но Усену не верил своим ушам, и продолжал нервно дрожать.

Это прекрасно заметил Тау, и продолжил:

– Бояться это нормально Пин, но ты должен как можно скорее отбросить свои страхи, а иначе не пройди очищение.

– Очищение?

– Да Пин, судя всему у тебя острое воспаление легких, которое если его срочно не лечить, может привести к смерти.

– Воспаление?! – все повторял за Тау Усену, не понимая половины слов тигра.

– Кровь из носа, кашель с кровью, – все это последняя стадия болезни. Тебе повезло, что мы тебя вовремя обнаружили, – вкрадчиво молвил Тау.

– Да, возможно! – немного задумчиво молвил Усену, понемногу вспоминая, что именно сюда он и силился попасть, и что может именно к тем к кому он попал, смогут ему помочь.

– Тау, да? Ты назвал меня Пином, почему?

– Так назвали тебя монахи в честь своего собрата, который первым тебя обнаружил, и даже не пожалел своей одежды ради тебя.

– Это был он? – указал взглядом Усену в сторону удалившего человека.

– Да, а теперь съешь, это лекарственные травы, они помогут заглушить боль.

Усену, с неким беспокойством посмотрел на подачку людей, но одного взгляда в глаза Тау, хватило чтобы отбросить всякое сомнение у Усену, и он принялся глотать ее.

– На вкус, как полынь, но это куда более сильнодействующие травы, – рассказывал Тау, пока Усену через силу жевал и глотал смесь горьких трав, и корней.

– Они помогут на время приглушить боль в груди, и придать тебе силы для очищения.

– Очищение? Что это?! – спросил Усену, почти доедая травы.

– Я не могу сказать тебе сейчас, ты должен увидеть все сам, и найти в себе силы, пройти его до конца, – слова Тау, вселили новые тревоги в сердце Усену, и без того переполненное различными страхами и сомнениями.

– Силы, для чего? – разволновался барс.

– Прости Пин, но большего я сказать не могу, – начал пятиться Тау, потихоньку исчезая во тьме.

– Постой Тау, эти люди, и вправду могут меня вылечить, или я напрасно шел сюда?

– Это зависит только от тебя, от твоего желания жить и дышать! – загадочно закончил Тау, и исчез беззвучно во тьме.

Усену оставшись снова один, не решился последовать за ним в темноту. Страх перед неизведанным, сковал все его тело, и он грустно вздохнув, прилег возле горшочка с огоньком. Не сводя с него глаз, стал глубоко вдыхать пары трав, которые как он сразу почувствовал, понемногу облегчили его дыхание и клонили в сон. Сон, в котором так нуждался его истерзанный организм, измученный разум. Сон, который мог бы пролить свет на многие вопросы, на которые его уставший разум, никак не мог найти ответы, или хотя бы какое-нибудь объяснение, которое смогло бы немного успокоить и прогнать панические страхи прочь.

XVII Усену, вздохни!

– Яхси, Усс! – выкрикнула Хис, увидев своих друзей, неспеша идущих к ним. – Где вы были так долго?

– Тут с нами многое приключилось... – начал было Усс, достигнув лису, но Яхси наступил своей лапой ему на хвост со словами:

– Местность разведывали!

– Точно ничего не случилось? – спросила Хис, заметив, что оба что-то недоговаривают.

– Конечно! Лучше скажите, где наш горе-проводник Хэн?

– Он еще не вернулся, – молвил Риш, также подошедший встречать друзей.

– Как?! Уже начинает темнеть, а его все нет! – воскликнул Яхси, вне себя от негодования.

– Нет! Этому Хэну, нельзя было доверять, – продолжил Яхси, повернувшись к друзьям.

– И даже не пытайтесь удержать меня, я отправляюсь на его поиски, – закончил волк, и уверенным непоколебимым шагом, снова отправился в сторону леса. Но не успел он сделать и десяти шагов, как его остановил голос.

– В этом нет нужды, вот он я! – молвил голос и из-за ветвей показался Хэн, как всегда спокойный.

– Ну как? Где Усену? Вы дошли? – засыпали его расспросами Риш и Хис, подбежавшие к нему.

– По пути Усену стало очень худо, – начал Хэн, – А когда он и вовсе ослаб, и больше не мог продолжать идти, мне пришлось на время оставить его, и кинуться за помощью...

– Что ты бросил Усену? – перебил его Яхси.

– Это была необходимая мера. После чего я привел к нему людей, которые забрали его с собой, – закончил Хэн.

Наступила тишина, которую снова нарушил Яхси:

– И что, это все?! Ты не последовал за ними, и не убедился, что они не причинят вреда Усену?

– Нет! В этом не было нужды. Я сердцем чувствую, все они хорошие люди.

– Хорошие, плохие?! Они все равно останутся людьми, а значит им нельзя доверять.

В какой они стороне?

– Зачем тебе?

– И он еще спрашивает! Скинул Усену, невесть кому, а теперь еще и не хочет говорить, где они.

– Я вовсе не хочу, но думаю в ближайшие дни Усену будет не до нас.

– Это почему еще? Может ты так говоришь, потому что Усену уже нет в живых! – вспыхнул Яхси, а после последних слов, и вовсе обезумел.

– Яхси, думай, что говоришь, – закричала на него Хис.

Слова волка явно напугали ее, как и всех остальных друзей.

– Раз Хэн сказал, что Усену в безопасности, значит так и есть. И закончим на этом! – твердо закончила лиса, немного смутив Яхси, который обведя всех вопросительным взглядом, и не найдя ни в чьих глазах поддержки, отвернулся ото всех, и побрел на другой край платформы.

– Жив, так жив, в безопасности, так в безопасности, как хотите, – махнул на всех Яхси.

Затем лег на камни, боком ко всем, надувшись на всех.

– Скажи Хэн, значит Усену вылечат? – молвил Риш.

– Теперь это зависит от тяжести болезни, и от самого Усену, – задумчиво молвил Хэн, снова направляясь в сторону леса.

– Куда ты? – хотела было преградить ему дорогу Хис.

– По дороге я подумал, что вы, наверное, намучились и решил принести вас поесть, – пояснил Хэн, чуть нырнув в ели, он вышел оттуда через полминуты, с полным ртом добычи.

– Хэн, ты становишься похожим на моих нянечек, – громко заворчал Яхси. – И кто это у нас сегодня голодный? Да, конечно, вот – немного Ришу, немного Хис, – продолжал он, саркастическим голосом, описывая его действия. – Вот и Уссу, а теперь самое главное – Яхси немного! – закончил, с отвращением смотря на подачки Хэна.

– Не собираюсь я это есть, – вдруг вспыхнул волк, после наступившего затишья, и сопроводил свои слова отбрасыванием еды в стороны.

После чего, быстрым шагом, направился прочь.

– Яхси, вернись! – с криком кинулась его останавливать Хис, но Хэн, лапой остановил ее.

– Ему нужно немного времени, чтобы успокоиться, – молвил Хэн, а затем перевел взгляд на остальных.

– Поверьте мне, я понимаю, что вы напуганы, и находитесь в смятении, но уверяю, что Усену благополучно достиг людей, и может быть в эти минуты, они уже начали его лечение, – задумчиво закончил он, переведя взгляд на восток, как будто, стараясь рассмотреть то, что происходит там далеко.

– А теперь поешьте, и научитесь ждать. Завтра я снова отправлюсь туда, и обязательно проведу Усену. А сейчас вечер не за горами, а впереди еще ночь, так что, простите меня, но я отдохну, – закончил он, и устроился на своем месте у края платформы.

Поев, утолив голод, Риш, Хис и Усс, еще долго сидели молча на платформе, боясь и слова сказать, чтобы не разбудить того, на кого они возложили такие большие надежды. Они сидели и смотрели то на него, то на горизонт. И было не понятно, чье же возвращение они больше ожидали – Яхси или Усену.

Яхси скрывшись в зарослях елей, остановился, и стал свидетелем окончания разговора, который Хэн огласил громко, как будто специально, чтобы его расслышали все присутствующие. После чего, немного постояв на месте, Яхси шагом неспеша направился вперед. Сам не понимая куда идет, зачем, и была ли причиной всему этому тот разговор, которого он, всплыв начал. Остановившись, и тяжело вздохнув, Яхси сел, и ушел мыслями в себя. Закрыв глаза, он вспоминал произошедшее с ними за эти дни, совсем давно, и недавно, о сегодняшнем утре, и о том, что случилось позже, о необычном знакомстве с необычной тигрицей, по имени Чун. И о том, что может ждет его и его друзей в ближайшие дни. Эти мысли вскоре, отяжелили ему голову. И он, подчиняясь легкой ненавязчивой усталости, вовсе положил ее на лапы, и сам не заметил, как крепко уснул.

Время шло, а Яхси все не появлялся. Уже почти наступила ночь, когда первым сдался Усс. Повалившийся на бок, он вмиг заснул. Закрывались с невероятной силой глаза и у Риша, который раскачивался на месте то и дело, облакачиваясь на Хис. И только Хис не знала покоя, и даже не смела думать о том, чтобы лечь сейчас, когда судьба близких ей друзей была не ясна.

– Хи-и-и-с, – широко зевая, молвил Риш, прилегший возле нее, уже не в силах стоять, – Уже ночь, давай отдохнем, – закрывая глаза, молвил он.

– Как ты можешь спать, когда еще не вернулся Яхси?! А с Усену и вовсе ничего не известно. Может нам пойти поискать его, – предложила Хис, взглянув на Риша, который был одной лапой во сне.

– Кого, Усену? – сквозь сон, уже не соображая, переспросил он.

– Яхси!

– Как ты сама говорила, будем доверять Хэну, и Усену обязательно вернется, – еле заговорил Риш, и мило засопел.

Хис вопросительно обвела обоих уснувших взглядом, полным негодования и смятения. Ее даже вдруг охватило желание самой пойти и отыскать вначале Яхси, а затем с ним пуститься на поиски Усену. Но не успела она притворить задуманное в содеянное, как Риш, сквозь сон,

обнял ее лапу. И как бы она не пыталась потихоньку высвободиться, у нее не получилось. Устало вздохнув, последний раз бросив взгляд на горизонт, Хис прошептала, смотря на Риша:

– Ты как всегда прав Риш. Раз я уверила вас, что Хэну можно доверять, значит и самой пора успокоиться. А Усену, где бы он сейчас не находился, да простит всех нас за нашу слабость, – закончила Хис, чмокнула Риша в лобик, и сама мило устроившись рядом с ним.

Вскоре Хис погрузилась в сон, от которого не способен убежать даже тот, кто испытывает нестерпимые душевные и сердечные муки. Сон, который и служит всем нам, неким успокоительным, плодотворно действующим на наш разум и сердце, и способного, хоть не надолго, хоть на время сна, избавить нас от тяжелых мыслей и переживаний. Сон, за время которого, мы впадаем, как бы в состояние анабиоза, полной релаксации и спокойствия.

Усену очнулся совсем внезапно, от стоявшего вокруг него непонятного гула. Быстро продрал глаза, он бросил взгляд по сторонам, и увидел, что очнулся уже в другом помещении, квадратном в плане. Причем сам Усену лежал посередине комнаты, в квадратном углублении в полу, окруженный гудящими в унисон фигурами сидящих людей, находившихся в тени. При этом люди сидели в определенном порядке, на каждую сторону квадрата приходилось по три человека, в каждом углу по одному, и все они располагались на три ступеньки выше площадки, где оказался он.

Ощувив сильный прилив страха, Усену хотел кинуться бежать, но тут осознал, что лапы его не слушаются, и он еле владел головой. Бросая испуганные взгляды по сторонам, Усену еще больше вводило в недоумение человеческое горловое гудение, звучащее как будто в унисон колыханию огоньков большого количества свечей, которыми был огорожен Усену от людей и которые располагались на первой и второй ступенях. Заметив, что барс очнулся, монахи чуть убавили громкость. После чего, из каждой стороны квадрата вышли по два человека, и не спеша спустились к Усену, держа в руках горшочки, с торчащими из них травами. Усену по запаху учуял, что это были все те же травы, но все же ничего не смог с собой поделывать, и заметался из стороны в сторону, насколько позволяли силы. Увидев реакцию барса на людей, из квадрата вышел еще один человек, и при приближении его к Усену, остальные монахи расступились. Кто это был Усену не знал, но по его виду, можно было судить, что он уже не молод. Все лицо его было в шрамах, а его глаза, так пристально смотрели в глаза барсу, что Усену, невольно замер на месте, не понимая, чего ожидать – помощи или коварства.

Но когда человек подошел к барсу вплотную, и начал тихонько гладить его, Усену, вдруг ощутил себя совершенно спокойным. Прикосновение человека и его взгляд, как бы изгоняли прочь страх и беспокойство, и он немного расслабился. Усену даже и не заметил, что другие четверо людей, положив принесенные с собой по два горшочка каждый, разложили их вокруг по периметру квадрата и подожгли травы. Поднялся такой густой едкий дым, что глаза Усену заслезились, и ком к горлу так и стал подступать. Человек, не спеша оставил барса и скрылся за пеленой дыма, окутавшего Усену с головой.

Дым был столь невыносимым, что Усену начал неистово кашлять, пытаясь заглотнуть воздух и кашель его был не слабее и не сильнее, чем тот от которого он страдал в последние дни. Не в силах больше это терпеть, Усену глубоко вздохнул, решив на время пока не рассеяться дым, задержать дыхание, но он и подумать не мог, что от этого, ему станет еще хуже. Голова совершенно поплыла, и он через несколько секунд упал бессознания на пол.

Прошел час или два, а может всего несколько минут, Усену этого не знал. Он даже не понимал, где он очнулся, и не припоминал кто он сам. Единственное, что он точно понимал, и осознавал, это было ощущение гнетущего страха, давящего на него. Очнувшись в совершенно в непонятном месте, лишенным всякой живой природы, в окружении густого дыма, Усену пришло в голову, что он может быть в очаге пожара, и сорвался бежать. На удивление, лапы с легкостью его слушались, но к его сожалению, сколько бы он ни бежал, серый туман

не заканчивался. Осознав это, Усену, остановился, и чувствуя, что воздуха с каждой секундой становится все меньше, а боль в груди все усиливается, он стал клониться к земле, чувствуя, что силы оставляют его. Он был уже почти на коленях, как вокруг раздался чей-то знакомый голос, зовущий его по имени. Кому он принадлежал – матери, или кому-то еще, он не знал. Голос становился все настойчивее и слышнее, и хоть он раздавался откуда-то совсем издалека, Усену, решил последовать его зову. Но не успел он пройти и десяти шагов, как вдруг ощутил, что его грудь начинают с неистовой силой сжимать. Он кинул взгляд в сторону, в которую его тянуло, и новый прилив страха и смятения охватил его. Впереди в каких-то тридцати шагах, стояли трое охотников. Один из них, самый крупный, тянул на себя веревку, опетляющую Усену, и так сильно сдавившую его, что он не мог сопротивляться, на то у него совершенно не было сил...

– Не хорошо подглядывать Хис! – молвил Хэн, стоя одиноко на утесе, чуть выше и дальше того места, где они устроились на ночлег.

– Просто уже ночь, и мне стало интересно, куда это ты пошел! – молвила Хис, которая, проснувшись после ухода Хэна, тихо поспешила за ним, и спрятавшись за камнем наблюдала, как Хэн, тихо гудя замер на месте лицом в ту сторону, куда они с Усену направились утром.

– Мне нужно подумать наедине! – намекнул Хэн, на то, чтобы Хис оставила его.

– Ладно, – согласилась лиса.

А затем вдруг снова развернулась.

– Я просто очень беспокоюсь об Усену и Яхси!

– Поверь мне Хис, я беспокоюсь об Усену не меньше вашего.

– Но почему, то есть, я хотела сказать, в чем причина?!

– Усену, ты, и все остальные, вы для меня стали куда больше, чем просто путники. Я возлагаю на вас большие надежды... Могу сказать даже больше, вы для меня, как последний шанс, стать кем-то больше, чем сейчас, и в конце обрести покой! – молвил, неспеша Хэн, слова которого звучали как-то загадочно, и не понятно для Хис.

– Кто ты?! – молвила Хис, не выдержав давно назревавший вопрос.

– Я заметила, что ты совсем не ешь, обладаешь целительскими знаниями, неведомыми доселе мне. А этот случай с зайцем... – хотела было продолжить перечисление странностей Хэна, но вдруг умолкла.

Хэн резко обернулся на нее, и заговорил:

– Все в этом мире, кажется не тем, чем на самом деле является. Каждый из нас, обладает индивидуальным, неповторимым даром, который не все способны раскрыть в себе. Он есть и у тебя Хис, и тебе еще предстоит его раскрыть, – закончил Хэн, чем еще более поверг лисицу в смущение и непонимание.

– А что касается Яхси – он, как и вы еще довольно юн, а значит ему, как и вам, свойственно ошибаться. Однажды ему предстоит сделать трудный выбор, и только от вас будет зависеть, тот путь, который он изберет. А сейчас возвращайся к Ришу, и спи спокойно. Яхси утром обязательно вернется, – закончил Хэн, и снова устремил свой взор в ночное небо.

Хис, получив больше новых тем для размышлений, чем конкретных ответов на свои вопросы, решила все-таки оставить Хэна и вернуться к друзьям. Конечно, ей хотелось засыпать Хэна вопросами с лап до головы, но она поняла, что барс и так сказал слишком много, а значит ей остается только надеяться и ждать наступления нового дня.

Усену совершенно замер от страха, и напоминал чучело, которое послушно передвигали с места на место. Он, понимал, что, если люди, окажутся слишком близко – ему конец, но что он мог? Совершенно обессилевший, да еще и с ужасной удушающей его болью в груди, и во всем

теле. Но вдруг он снова услышал все тот же голос, монотонно, и без интонации, повторявший одно и то же.

– Усену, вздохни! Усену вздохни...

Эти, казалось бы, нелепыми в данный момент слова не возымели бы никакого эффекта, если бы Усену вдруг не вспомнил, что ему сказал напоследок Тао.

– Все зависит от твоего желания жить и дышать!

Тогда Усену, уперся всеми лапами об землю, чем немного затруднил работу человека. Собравшись с мыслями и силами, Усену вдохнул последний раз воздух, и глубоко в полную грудь заглотнул удушающий дым. После чего почувствовал, что этот дым полностью наполняет его легкие, и начал проникать во все его нутро. С силой он выдохнул и, подчиняясь голосу, не умолкающему, повторил вдох. К удивлению, Усену, очередной вздох принес небольшое облегчение всему его телу.

Усену не переставал вдыхать и выдыхать и уже на пятый вдох, почувствовал, что петля, сжимающая его, стала слабеть. А фигуры людей, пришли в движение. Не ясно было – приближаются они, или наоборот удаляются, но Усену, прекрасно знавший каждого из них, ощущая все больший прилив сил, стал готовиться к схватке, которую как ему казалось не миновать. Но к тому времени, как он полностью обрел контроль над своим телом и разумом, петля, сжимающая его, лопнула, и трое людей, тянувшие веревку, все вместе, резко рухнули на спины. Усену, который почувствовал, момент самым подходящим, в один прыжок, оказался возле них, и нависнув над фигурами троих людей, поднял лапу. Он уже собирался нанести смертельный удар, по тем, кого не мог рассмотреть, как вдруг все тот же голос молвил уже внятнее, как будто находился совсем рядом:

– Остановись!

После чего Усену, как будто очнулся и пришел в себя. Сам не зная, как он очнулся над тремя монахами, поваленными им, он быстро огляделся. Затем, не спеша опустил лапу, и отошел от монахов, понимая, что эти люди не хотят причинить ему зла. Сделав это, на удивление всем застывшим на месте монахам, Усену вдруг ощутил такую невыносимую слабость, что в одну секунду рухнул на пол, и в конец потеряв связь с реальностью.

XVIII Наваждение Яхси

На удивление всех тех, кто так переживал и страдал прошлым днем, засыпая в страхе перед днем грядущим, ночь прошла спокойно и без всяких сновидений, которые могли бы если бы не предупредить, то хотя бы навеять чувство тревоги. Но ничего подобного не ощутили ни Риш, ни Хис. Они продолжали мирно спать и после того, как солнце показалось из-за серых тучек, заполонивших небо, отчего рассвет оказался не столь заметным, и более плавным.

Первым из четверых путников, проснулся, Хэн, который как видно любил встречать восход солнца каждого дня на своих лапах, с гордо поднятой головой. Но на этот раз его пробуждение оказалось слегка омрачено, что выдавало в нем сурово сдвинутые брови, и пристальный взгляд на снег, что шел ночью, и запорошил всю каменную площадку, а заодно и друзей. Хотя Хэн был и озабочен чем-то, он не хотел прервать сон Риша, Хис и Усса, которые вымотавшись за вчерашний день, мирно спали, и ухом не ведя.

Но время шло, и почувствовав небольшой холодок по телу, первым проснулся Усс, который первым делом, чуть потянулся и отряхнулся от снега, сопроводив это действие коротким:

– Б-р-р-р!

Этого было достаточно, чтобы проснулись Риш и Хис, повторившие за Уссом его действие. Еще не до конца придя в себя, и продрав глаза, они хаотично забегали по сторонам. С каждым шагом, к ним возвращалось ощущение реальности, и события дней минувших.

– Яхси?! – очнулась Хис, осмотревшись по сторонам, и не найдя его, перевела взгляд на единственного, кто был в курсе событий – Хэна.

– Где Яхси? – повторила Хис, подходя ближе к барсу.

– Стой! – остановил ее Хэн.

– Опусть взгляд вниз!

Хис подчинилась и увидела, многочисленные следы Яхси, повсюду на площадке, а в некоторых местах, даже описывающие круг.

– Это Яхси, а где он сам?

– Мне тоже интересно знать? – ответил Хэн.

– О нет! – воскликнула Хис, и тут же к ней подбежал Риш и Усс.

– Бедный Яхси, он наверное вернулся ночью, и не найдя ни меня, ни Хэна, пустился на наши поиски, – продолжала Хис.

На что Риш вопросительно взглянул на Хис.

– Нет, Хис, здесь что-то другое, – молвил Хэн, успокоив Хис.

– Он как будто был чем-то сильно озабочен и долго не мог решиться на это...

– Он хотел отправиться на поиски Усену! – предположил Усс.

– Если бы это было так, его следы обрывались у правого края площадки, – возразил Хэн, указывая на следы волка, исчезающие на левом краю площадки.

– О нет! – воскликнул Усс, которого резко осенило.

– Что такое? – молвила Хис.

– Боюсь, что Яхси отправился на поиски вовсе не Усену, а белой тигрицы, с которой мы с ним вчера утром познакомились!

– С кем? – переспросила Хис, так как она доселе не слышала про таких.

– Как ты сказал, белой? – спросил Хэн, как-то переменявшись в лице.

– Да, это просто удивительно. Ее брат, подоспевший к ней, был совсем другой окраски.

Так вот – она, так подействовала на Яхси, что если бы я его не знал, подумал бы, что он потерял из-за нее голову, – усмехнулся Усс.

– Из-за нее, он и вправду может ее потерять, – прервал Усса Хэн, взволнованным голосом.

– Что? – воскликнула Хис.
– Скажи Усс, где вы ее повстречали?
– На северо-западе, полдня пути отсюда. Но, может я лучше покажу?
– Нет! – прервал его Хэн. – Ни в коем случае, оставайтесь здесь. Я сам поищу Яхси, и еще затемно мы оба вернемся!
– А как же Усену? – молвил Риш.
– С Усену все будет в порядке, а пока нужно предотвратить неизбежное, – закончил Хэн, и кинулся бежать в указанную Уссом сторону, на бегу, крикнул им напоследок:
– Обещайте, что бы ни случилось, не следовать за мной!
– Ладно, обещаем! – крикнули ему в след Риш, Хис и Усс, все как один, скрестив передние лапки.
– Так что же в этой тигрице, такого особенного? – молвила возмущенно Хис, после того, как Хэн исчез из виду.
– Нашего Яхси, не знаешь! – усмехнулся Усс, и все трое переглянулись, не скрывая улыбки, которая не продержалась долго, ведь поведение и слова Хэна, явно были полны тревоги и не на шутку взяли за сердца наших друзей.
Каждый из них думая по-разному, но об одном Яхси, на время отбросили тревогу об Усену, ведь волк подкинул им новую заботу, а вместе с ней новые тревоги и переживания.

В одном был прав Усс, все хорошо знали Яхси, но все же они поспешили с выводами. Яхси и вправду, очнувшись ночью, вернулся к друзьям, и застал уже всех, в том числе Хэна, спящими. Попытавшись устроиться и заснуть, он вдруг столкнулся с непредвиденным препятствием.

Всякий раз, закрывая глаза, перед ним появлялся образ Чун, мило ему улыбающейся, и завороченно смотрящей на него. Тогда, он решил немного по полуночничать и стал ходить по площадке взад и вперед, пока не понял, что и это не помогает, и что теперь и глаза не надо было закрывать, чтобы увидеть Чун. Сам не понимая, что с ним, а ведь он не ощущал ничего подобного даже к своей любимой, оставшейся в стае, Яхси, не видел другого выхода, как еще хотя бы один разок встретиться с ней. И недолго думая, он посреди ночи кинулся бежать на встречу с неизбежным.

В первое время, все мысли Яхси были только о Чун, и его новой встрече с ней. Он поэтапно обдумывал каждое словечко, каждый жест и движение, чтобы быть во всем идеальным, и не испортить эти чудесные долгожданные минуты. Но время шло, и усталость все больше одолевала Яхси, потихоньку возвращая волка к рассудку. Теперь, когда мысли о Чун, ушли на второй план, он вовсе растерялся, так как и сам толком не понимал, что он делает. Яхси прекрасно осознавал, что это не любовь гонит его вперед, притягивая к Чун, как магнит. И даже не влечение. Да, Чун была прекрасна и неповторима, спору нет, но это было недостаточно, чтобы склонить Яхси на ее сторону. Нет, здесь было что-то еще, какая-то неведомая сила, подгоняла Яхси, не давая ему покоя, столь темной ночью.

Так значит – ни любовь, ни влечение, ни сопереживание, не оказывали влияния на поведение Яхси. Однозначно, им овладело желание – еще раз встретиться с Чун с лицом к лицу. А что будет дальше, Яхси и сам не знал, да и не привык он задумываться о столь мелких пустяках, как например, о чем говорить с девушкой, или куда пойти с ней, и все делал по наитию, можно сказать все зависело от вдохновения, которое в данный момент било в нем ключом и переливалось через край. И не мудрено, что достигнув того места, где они с Уссом встретились с Чун вчера, под утро Яхси вне себя от усталости, рухнул прямо на открытой поляне, и наконец-то спокойно заснул, без всяких видений и мыслей.

Но его сну не было суждено длиться долго. Сквозь дрему, он вдруг учуял в воздухе опасность, и тут же резко проснулся. Сколько длился его сон, он точно не мог сказать, да и не этим

у него сейчас была забита голова. Осмотревшись по сторонам, и не понимая с какой стороны ждать опасности, он рысцой кинулся к ближайшим зарослям елей. Спрятавшись в них, он лег на снег, прижался к земле, и замер на месте.

Удивительно, но его шестое чувство не подвело его. Не прошло и десяти секунд, как с противоположной ему стороны показался какой-то крупный хищник, из семейства кошачьих, и показавшийся Яхси, который видел только по лапы, немного знакомым. Но откуда он это взял, он не мог вспомнить, да и не к чему было сейчас это. Весь сжавшись в ком, Яхси замер на месте, и даже затаил дыхание. Первую мысль, мелькнувшую в голове, а именно бежать прочь отсюда, Яхси быстро откинул, понимая, что ему не скрыться от столь рослого соперника. Поэтому он решил переждать, авось хищник не учует его, и ему удастся избежать встречи с ним с глазу на глаз.

Увидев следы волка, хищник вдруг резко остановился и стал что-то громко бормотать, отписывая круги вокруг следов. На благо Яхси, описывая первый круг, хищник, сам того не ведая, затоптал те немногие следы волка, что могли бы привести его к убежищу, где затаился Яхси. Покружив, покружив, хищник недовольно хмыкнул носом, и продолжил путь, но теперь не так быстро, и сохраняя осторожность. Об которой совершенно позабыл Яхси, вышедший из-под ели. Ему резко ударила в голову мысль, что ему срочно нужно встретиться с Чун. Косо поглядев в ту сторону, в которой исчез хищник, Яхси рысцой направился в другую сторону, надеясь больше не попадать так впросак. Но как часто это бывает, только чего-то мы пожелаем, чтобы этого не случилось, как именно это и случается. Так и произошло с Яхси, на которого из-за деревьев молниеносно, и неожиданно как гром среди ясного неба, выпрыгнул все тот же хищник. Не успел Яхси, что-либо предпринять, как был свален огромных размеров хищником. Последнее, что увидел Яхси, были желто-зеленые глаза с белой каймой, и раскрытая пасть, быстро обездвижившая волка, после чего Яхси потерял сознание. Хищник, разжав челюсть, обвел волка взглядом полным удивления и некоего интереса. После чего осмотрелся по сторонам и, опустив голову к добыче, осторожно взял ее за шиворот зубами и потащил по снегу неведомо в какую сторону.

XIX Пин

«Как можно описать пробуждение утром того, кто уже совсем отчаялся получить помощь? Кто каждое свое утро, встречал с мыслью, что он никто, что от него совершенно ничего не зависит? Кто потерял ориентир в жизни, и к которому он мог бы стремиться, и кого постоянно тяготила мысль, что он является лишним в этой жизни, и что его существование лишь приносит беды окружающим? Пробуждение того, кто уже забыл, что значит ложиться спать на ночь со свежей головой, не отягощенной дурными мыслями, и лишними вздохами? Пробуждение того, кто жизнь свою не ценил, считая благо других превыше своих интересов, и желаний? Пробуждение того, кто бы отдал все ради счастья и благополучия тех, кого он любит, и который не знал, как это сказать, и тем более проявить? Пробуждение того, кто так заиклился на своих мелких проблемах, превознося их в абсолют, считая их неразрешимыми, вечно портящими жизнь? Пробуждение того, кто от всего этого, так устал, что вымотал сам себя, и с удовольствием бы закрыл однажды ночью глаза, и посчитал бы за дар, больше не просыпаться?»

Барс пробудился ото сна, превозмогая усталость и боль во всем теле. Он бы с удовольствием спал бы и стоя, но звуки, доносившиеся в округе, были ему не знакомы. Так что можно сказать, из-за любопытства, он, продрал глаза, и, не поднимая головы, сквозь щелочку глаз, начал осматриваться. Барс оказался кем-то заботливо уложенным на сухую подстилку возле стены. Его взору открылся широкий коридор, ведущий прямо на улицу, прикрытый деревянной дверью, не до самого потолка помещения. Сквозь это небольшое пространство сюда и попадал свет, а также веяло свежим морозным воздухом. Кинув взгляд возле себя, ирбис увидел внутреннюю опору здания, изготовленную из круглого леса. А проследив взглядом выше по ней, он увидел, что она тянется прямо до потолка, держа на себе не только угловатую крышу, но и поперечные опоры, тянувшиеся вдоль и поперек всего здания, которые в свою очередь, служили опорами, для еще одного ряда вертикальных коротких опор, и так далее, вплоть до трех уровней. По такому строению опор, и судя по потолку, здание было квадратным в плане. Опоры располагались по углам, а крыша изнутри казалась состоявшей из четырех пологих склонов, встречающихся в центре, где их держали последняя одиночная опора.

Убранство всего помещения было очень скудным, и простым: каменные полы, слепленные может быть из глины, обработанные и покрашенные в бардовый цвет опоры, какие-то перегородки, вдоль двух стен помещения, по обе стороны коридора, за которыми и доносились непонятные звуки. Преодолев усталость, барс, еле поднявшись на лапы, решил проверить, что там. Следуя вдоль перегородки, барс остановился тогда, когда через проход внутрь огороженного пространства увидел человеческие фигуры в оранжевом. Одни сидели на голом полу и что-то творили руками, другие молча ходили рядом, и всячески помогали им. Резко опомнившись, где он, и кем он окружен, барс кинулся на улицу, решив не досматривать дело рук людей. С легкостью отперев лапами дверь, которая легко поддалась, барс оказался снаружи, был тут же встречен встречным ветром в лицо, и слепящим светом, к которому после полумрака Усену пришлось немного привыкнуть. Первой его мыслью было кинуться бежать от людей, но оказавшись снаружи, он невольно замер завороченный и удивленный доселе невиданным. Он стоял около входа в здание, на площадке, поднятой от земли на несколько ступенек. Причем сама площадка была крытой крышей, державшейся подобно колоннам, на круглых опорах, и заканчивалась почти у края площадки, и начала спуска вниз. Захваченный зрелищностью здания, ирбис сделал шаг по ступеням вниз, не сводя глаз с него. Снаружи здание не казалось таким простым и бедным, как его убранство. И даже наоборот – весь его фасад, все стены были покрашены в теплые темные тона, сплошь украшенными какими-то непонятными знаками, которые являлись буквами. Только сейчас, оказавшись снаружи, Усену увидел, что по бокам к зданию

приставлены небольшие пристрои, которые как бы продолжали здание, и были неотделимыми его частями. Крыша, как и увидел барс изнутри, имела как само здание квадратную форму, но уложена в виде четырехгранной пирамиды. Причем, она была не из цельного куска покрытого материала, какие прежде видел он, а состояла из множества, положенных друг на друга кусков большой формы красноватого оттенка. Подобно рыбьей чешуе черепичная крыша, придавая зданию легкость, и гибкость, подобной кошке. Одним словом – с такими видами необычной постройки барс еще ни разу в жизни не встречался. Неспеша, переведя взгляд со здания позади него, он увидел каменный забор, оформленный черепичной крышей. Ведя вдоль нее взглядом, барс увидел еще одно похожее здание, но большего размера. Тогда он бросил взгляд по сторонам, и понял, что таких сооружений четыре, одно позади него, одно – напротив, и оба по правую и левую лапу. Причем, они были так продуманно расставлены, что барсу показалось, что они стоят по сторонам света, но проверить это он не смог, солнце не выходило из-за серых туч. От всех четырех зданий, прямо из их выходов, вначале ступеньками, а затем и каменной дорожкой, которую, несмотря на изгиб, очистили от снега, вела дорожка в центр, где росло невысокое с пол роста человека, деревце, неведомой для него породы. Оно сейчас было без листвы, слегка запорошенное снегом, с изворачивающимися во все стороны, ветвями, гибкими, без острых поворотов, и грубых стволов. Деревце было огорожено невысокой каменной оградкой, квадратной в плане, и вокруг которого ходил задумчиво один человек, явно не придавший появлению барса на ступеньках особого внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.